

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ VII.

= Гусс. 1442

NOV 1891

COPYRIGHTED

A. H. HARRISON

JACOB H.

РУССКІЕ

Ш О В Ъ С Т И

И

РАЗСКАЗЫ

А. Марлинскаго.

И з д а н і е т р е т і е .

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ III. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРІИ.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, 11 Мая 1838 года.

Ценсоръ А. Никитенко

ФРЕГАТЪ НАДЕЖДА.

**(Посвящается Екатеринѣ Ивановнѣ
Бухариной.)**

СЪСТАВЪ НАСТАВНИКА

СТЕТАТЪ НАСТАВНИКА

Съставъ на Наставника

(Наставника на Наставника)
(Наставника)

ВЪ НАЧАЛѢ ВЪ СЛОВО.

**Княгиня ВѢРА ** КЪ СВОЕЙ РОДСТВЕННИЦѢ
ВЪ МОСКВУ.**

«О, какъ сердита я на тетушку-Москву, что ты не со мной теперь, мой ангельчикъ, Софья! Миѣ столько, столько надо рассказать тебѣ.... а писать право нечего. Я такъ много прожила, столь многому навидалась въ эту недѣлю!... я такъ пышно скучала, такъ разсѣяно грустила, такъ неистово радовалась, что ты бы сочла меня за Отаитянку на Парижскомъ балѣ. И повѣришь ли: я ужъ испытала, та chérie, что удивленіе прескучная вещь, и что новость приторнѣе ананасовъ. Дворъ

и свѣтъ такъ закружили меня, что я могу выслушать самую безвкусную нелѣпость не поморщась, увидеть прелестнѣйшую картину безъ улыбки. Но Петергофскій праздникъ, но самъ Петергофъ — о, это исключеніе — это жемчужина исключеній!... У меня еще до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ и въ умѣ, звенить въ ушахъ отъ грома пушекъ, отъ кликовъ народа, отъ шума фонтановъ и волнъ, рассыпающихся звуками о берега. Внимательно мы слушали, жадно, бывало, поглощали мы описаніе Петергофскихъ чудесъ съ тобою, но когда я ихъ увидѣла на яву, они поглотили меня, я забыла все, даже тебя, мой ангельчикъ! Я летала въ небо вмѣстѣ съ водометомъ, падала внизъ пуховою пѣною, растилалась благоуханною тѣнью по аллеямъ, дышащимъ душою, играла солнечнымъ лучемъ съ яхонтовыми волнами взморья. Это былъ день — но что за ночь его увѣнчала!... залюбоваться надо было, какъ постепенно загоралась иллюминація: казалось, огненный перстъ чертилъ пышные узоры на черномъ покрывалѣ ночи. Они раскидывались цвѣтами, катились колесомъ, вились змѣей, свивались — росли — и вотъ весь садъ вспыхнулъ!.... ты бы сказала: Солнце упало на землю и, прокатясь, рассыпалось въ искры!.... Пламенные вязи обня-

ли деревья, перекинулись цвѣтными сводами
чрезъ дороги, охватили пруды звѣздистыми вѣн-
ками; фонтаны брызнули какъ волканы, горы
растаяли золотомъ. Каналы и бассейны жадно
упивались отблесками, перенимали узоры, двои-
ли ихъ и наконецъ потекли пожаромъ. Ропотъ
народа, сливаясь съ шумомъ падающихъ водъ
и тихо зыблемыхъ дубравъ, оживлялъ эту ве-
личавую картину своею дивною гармоникою...
то былъ голосъ волшебника, то была пѣсня
сирены. Часу въ 11 ночи, весь Олимпъ спу-
стился на землю. Длинныя колесницы поне-
слись по саду, и право, блестящія дамы Дво-
ра, которыя унизывали ихъ подобно ниткамъ
жемчужнымъ, могли издали показаться мечтой
поэта — такъ блестящи и воздушны были
онѣ не исключая и меня. На мнѣ тогда
было газетовое платье, которое, не знаю
право почему, называется при Дворѣ Русскимъ,
исподъ бѣлый атласный съ золотомъ Что
за фасонъ, что за шитье, Софьюшка — хоть
на колѣни стать передъ нимъ! Новый беретъ
съ райскою птичкою (мнѣ подарилъ его вче-
расъ мужъ мой) очень шелъ ко мнѣ, и если
бъ я не вѣрила зеркаламъ, то одобрителный
около меня ропотъ мужчинъ могъ бы убѣдить
самаго Оому невѣрующаго, что твоя кузина
очень недурна. Но ты ждешь, вѣрно, описа-

нія Петергофскаго маскарада, т'аміе? Боже мой! да откуда я возьму памяти или порядка! . . . въ головѣ моей образы толкутся будто мошки, . . . Генеральскія звѣзды гонять съ неба звѣзды неба, учтивыя рыбы Марлійскаго пруда парадируютъ вмѣстѣ съ гвардейскими болтунами, которымъ не худо бы взять у первыхъ нѣсколько уроковъ скромности, и я не могу вспомнить камеръ-юнкера, чуть не плачущаго надъ разбитымъ лорнетомъ, чтобы мнѣ не представилъ Сампонтъ, раздирающій льва. Статуи Аполлона Бельведерскаго и Актеона танцуютъ передо мной польскій съ графинею Зизи или княжною Биби . . . и я, право, боюсь, что начну рассказывать тебѣ про комплименты князя Этьена, а заключу грибомъ, точащимъ воду*.

Впрочемъ всѣ говорятъ, что маскарадъ былъ изъ самыхъ блистательныхъ, то есть давно не было истрачено такого множества румянъ и блесстокъ, свѣчей и любезности. Твой дядюшка, *le cher homme*, навѣшалъ на себѣ столько украшеній, что насмѣшники увѣряли, будто онъ готовится къ художественной выставкѣ — а дородную Москвитянку нашу, княгиню Z.,

* Въ Петергофѣ есть бесѣдка въ видѣ гриба, которая неожиданно обливается водою.

за огромный шлейфъ ея, сравнили съ зловѣщею кометой, и совершенно даромъ: она такъ ловко носила хвостъ свой, какъ лисица. Ты помнишь, я думаю, высокаго адъютанта, который смѣшилъ насъ прошлую зиму своими наборными фразами, пахнущими юфтью Буаста?... Eh bien, Sophie, про него генеральша Т. сказала, будто опъ доказалъ ей, что и башмаки есть оружіе наступательное!... Да гдѣ мнѣ пересказать тебѣ всѣ остроты или всѣ плоскости, которыя сыпались въ толпѣ, какъ мишура съ платьевъ! гдѣ мнѣ припомнить всѣхъ, съ которыми прогуливалась я, рука съ рукой, въ этомъ маскарадѣ! Около меня змѣями вились золотые и серебряные аксельбанты, и не одна генеральская канитель, не одинъ черный усъ трепетали и крутились отъ удовольствія, когда я произносила: *avec plaisir, monsieur!* Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти попугаи съ бѣлыми и черными хохлами на шляпахъ, милочка!... Они, кажется, покупаютъ свои фразы вмѣстѣ съ перчатками. Какъ наши старинные Московскіе обѣды начинались холоднымъ, такъ у нихъ неизбѣжно отправляется впередъ вопросъ: *Vous aimez la danse, madame?* — Нѣтъ, сударь! Я готова возненавидѣть танцы изъ за танцоровъ, которые, какъ деревенная кукушка въ часахъ моей бабушки, вѣчно поютъ

одно и то же, и наводятъ тоску своимъ кукованьемъ. Бѣда съ такими кавалерами, но съ прославленными остроумцами, — вдвое горе! Они жгутомъ крутятъ бѣдный мозгъ свой, чтобы выжать изъ него каплю розовой воды или уксуса.

— Вы привлекаете на себя всѣ глаза и всѣ лорпеты, говорилъ мнѣ одинъ дипломатъ покачиваясь такъ важно, какъ будто бѣ отъ ето равновѣсія зависѣло равновѣсіе Европы. И посмотрите, княгиня, какъ загараются, какъ блестятъ всѣ взоры, всгрѣчаясь съ вашими; *c'est un véritable feu d'artifice.*

— Не совсѣмъ, отвѣчала я ему: *je vois beaucoup d'artifice, mais où est donc le feu?*

Повѣришь ли, *ma chérie*, что въ этомъ потокѣ головъ, въ этомъ млечномъ пути глазъ голобыхъ, сѣрыхъ, черныхъ, ни одно лице не улыбнулось мнѣ, какъ бы я желала; ни одинъ взоръ не горѣлъ ко мнѣ участіемъ — я не нашла въ нихъ ничего оригинальнаго, ничего стоящаго смѣха или мысли. Какъ мало здѣсь кавалеровъ! говорили мы въ Москвѣ бѣлокаменной, — какъ мало людей! говорю я здѣсь. Безхарактерность провела по всѣмъ своей ледяной уровень. Напрасно будешь вглядываться въ черты — не узнаешь вѣкъ, какому народу, какому мнѣнію принадлежать

эти люди. Подъ улыбкой нѣтъ выраженія, подъ словомъ не дорожешься мысли, подъ орденами сердца. Это какая-то картина, покрытая ослѣпительнымъ лакомъ . . . ее дорого цѣнить по преданію, хотя никто не понялъ, что она изображаетъ. Во весь сегоднешній вечеръ, въ цѣлый вечеръ не удалось мнѣ ни услышать, ни подслушать ни одной рѣчи, которая бы вѣзлась въ память. Говорили, говорили они — да чего они не говорили, а что сказали? Только одинъ, разговаривая со мной, сдѣлалъ довольно удачное сравненіе.

— Посмотрите вдаль и вкругъ, сказалъ онъ: не правда ли, что этотъ балъ похожъ на Англійскій садъ? Перья и цвѣты на дамахъ качаются, какъ прелестный цвѣтникъ отъ поцѣлуя зефира. Тамъ тянется польскій, будто живая дорожка; тамъ купы офицеровъ съ зыбкими султанами стоятъ какъ пальмы. Вотъ Уральскій хребетъ въ шитомъ золотоносными песками мундирѣ! Вотъ пещера съ отголоскомъ, повторяющимъ сто разъ слово я. Далѣе, въ этомъ горбунѣ вы видите мостъ, который никуда не ведетъ; вездѣ золотые ключи, которые ничего не отпираютъ; тутъ погребальную урну, хранящую Французскій табакъ, и дѣвушекъ, бродящихъ окрестъ съ невинными мечтами овечекъ. — Даже, про-

должалъ мой насмѣшникъ, лукаво взглядывая на ряды пожилыхъ дамъ: если позволено вздуть сравненіе до гиперболы, мы можемъ найти здѣсь не одну живописную развалину, не одинъ обломокъ Китайской стѣны, не одну готическую башню, изъ которой предразсудки выглядываютъ какъ совы.

— *Bon Dieu*, какъ вы злы! возразила ему я: развѣ не лѣзя для сравненія найти предметовъ болѣе игривыхъ? Вы бы могли, напримѣръ, помѣстить какой нибудь побѣдный памятникъ какой нибудь храмъ въ этомъ саду, такъ же какъ въ Царскомъ Селѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ мой партнеръ, раскланиваясь: я беру на себя роль ростральной колонны; но храмомъ, и притомъ храмомъ любви, будете вы!

Я съ улыбкой взглянула на привѣтника... Какъ жаль, что онъ не молодъ и некрасивъ; и потомъ этотъ долгій, тонкій носъ самая неудачная его острота.

Мы ужь дома.

Любви? любви? — зачѣмъ эта мысль вилась въ мое сердце, закабаленное свѣту, какъ эта живая роза въ хитросплетенныя косы мои? Почему не могу выбросить ее за окно — какъ я бросаю эту розу? Отъ чего я вздыхаю каждый разъ, когда о ней услышу, и чуть не

плачу, когда о ней вздумаю! О, добрая моя Софья! рѣзвая, беззаботная подруга моего дѣвчества! Если бѣ ты знала, изъ какого тяжелаго металла льются брачныя вѣнцы, если бѣ ты повѣрила, что коробочка Пандоры есть необходимый свадебный подарокъ, ты бы пожалѣла меня. Столько блеску, и такъ мало теплоты! Бѣгу на встрѣчу къ мужу моему, съ горячностію ласкаюсь къ нему, но онъ принимаетъ меня какъ учитель дитя, онъ только терпитъ мои ласки, но не ищетъ ихъ, не отвѣчаетъ на нихъ. Я почти только и вижу его за столомъ . . . и тогда трюфели заманчивѣе для него всѣхъ очей въ мірѣ. Домой привозитъ онъ только усталость отъ службы и скуку отъ искательства, и когда любовь моя проситъ взаимности, онъ зѣвая говоритъ привѣтствія! . . . Нужны ли мнѣ уборы, экипажи — онъ сыплетъ деньгами. Вздумается ли мнѣ быть тамъ и тамъ, онъ не скажетъ *но*, лишь бы я его не звала съ собою; а его улыбка, его радушное слово дороже мнѣ гостинца, и за одинъ поцѣлуй я бы готова недѣлю просидѣть дома. — Это почти жалоба, скажешь ты, моя милая. Нѣтъ, душечка! это мигъ нетерпѣнія, это пройдетъ; я только мимоходомъ хотѣла замѣтить, что грустно, очень грустно не имѣть прихотей, которыя бы не

исполнялись, между тѣмъ какъ единственное
справедливое желаніе безотвѣтно и безнадеж-
но! . . . Сердце мое вянетъ на холодной зо-
лотой звѣздѣ . . . вянетъ . . . и гдѣ любовь,
гдѣ самая дружба, чтобъ оживить его слезою
участія!!!

Полночь. Темно и тихо кругомъ . . . толь-
ко море, какъ любовникъ, грозитъ и ластится
къ камнямъ Монъплезира, въ которомъ жи-
вемъ мы; только вдали повременно мелькаютъ
на яхтахъ огоньки, какъ неясныя мысли.
Грусть клонить меня ко сну . . . до завтра,
моя милая Софья.»

Петергофъ, 1 іюля 1829 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Отъ той же къ той же.

«Закладую свою слезу противъ блески, да слезу, десять, двадцать слезъ даже (а это для меня не бездѣлица, какъ ты знаешь, милая кузина) — ты никакъ не угадаешь, гдѣ я была сегодня. На гуляньѣ верхомъ, на танцевальномъ завтракѣ? скажешь ты. О нѣтъ, это слишкомъ обыкновенно. На смотру войскъ? Мимо. На фейерверкъ? Еще того менѣе. Я каталась, и знаешь ли гдѣ, и повѣришь ли на чемъ? . . . Не въ прудѣ на поромѣ, не въ рѣкѣ на яликѣ — вообрази себѣ . . . я каталась въ открытомъ морѣ, на сорокашестипушечномъ фрегатѣ! О я увѣрена, что твое Московское воображеніе, не выдавшее нигдѣ бу-

ри, кромѣ Чистыхъ Прудовъ, блѣднѣетъ передъ мыслию о неизмѣримости, объ ужасахъ моря. Сущіе пустыни, моя милочка! Мода и насъ робкихъ женщинъ можетъ производить въ героини, а разъ ступивши на палубу, скоро такъ приглядишься къ страху, что въ океанѣ будешь какъ въ гостиной. Ну право, море премилое созданіе, и мнѣ такъ полюбилось оно съ перваго визита нашего знакомства, что я готова бы совершить путешествіе кругомъ свѣта. Вообрази себѣ . . . по пѣть . . . лучше себѣ припомнить, что надо начать сначала . . . m'y voilà.

Я надѣюсь, ты слышала, какъ пынѣшній Государь любить флотъ? . . . Онъ воскресилъ его, Онъ вдохнулъ въ него Русскую силу и далъ ему чистые лавры подъ Навариномъ. Государю угодно было угостить Дворъ и Посланниковъ прогулкою по морю; и въ самомъ дѣлѣ, какое угощеніе отъ достойнаго внука Великаго Петра могло быть царственнѣе, величественнѣе этого! — Катера были готовы — утро прелесть... Дворъ началъ размѣщаться . . . признаюсь, не охотно разсталась я съ берегомъ; казалось мнѣ больно оторвать стопу отъ земли, и я съ трепетаніемъ сердца прыгнула въ катеръ. Но когда весла грянули, когда длинная вереница шлюпокъ, изъ коихъ каждая подобила

пловучей корзины съ цвѣтами, ринулась въ море, и впереди всѣхъ орломъ полетѣлъ двадцати-весельный катеръ, несущій въ себѣ славу и надежду Россіи; когда берега стали бѣгомъ уходить отъ насъ, а далекій Кронштатъ съ дремучимъ лѣсомъ мачтъ поплылъ къ намъ на встрѣчу; тогда безграничное море разлилось за нимъ, синѣя и сверкая . . . страхъ мой перелился въ тихое, новое для меня наслажденіе — и мнѣ стало такъ хорошо въ ладѣ, будто въ колыбели когда-то.

И вотъ миновали мы Кронштатъ, и приблизились къ эскадрѣ, готовой вступить подъ паруса. Матрозы унизывали всѣ снасти, всѣ реи въ узоръ, и кричали ура! Едва Государь съ Высочайшимъ семействомъ взошелъ на адмиральскій корабль, весь флотъ поднялъ якоря, и катера наши приставали къ ближнимъ кораблямъ на удачу . . . видъ былъ восхитительный! упавшіе паруса образовали словно пловучую стѣну съ огромными башнями. Мы долго спорили со своими подругами о выборѣ: одна хотѣла стопушечнаго корабля, толстаго, какъ нашъ предсѣдатель палаты; другая, болѣе умѣренная, довольствовалась семидесятнымъ, лишь бы на немъ вѣялъ флагъ контръ-адмирала? третья желала сѣсть на раззолоченную, разряженную будто на балъ, ях-

точку. Не знаю почему, только мнѣ всѣхъ болѣе понравился стройный фрегатъ, идеаль легкости, красоты и силы. Онъ такъ гордо бросалъ въ облака свои стрѣлы; долгіе флюгера его такъ остроумно и прихотливо сверкали въ воздухъ — онъ самъ такъ важно колебался на волнеиіи . . . пушки его съ такимъ любопытствомъ выглядывали на насъ изъ оконъ — что во мнѣ родилось непреодолимое желаніе видѣть это милое чудовище у себя подъ ногою. Не знаю, красивѣе ли всѣхъ, или настойчивѣе всѣхъ подругъ моихъ на катеръ была я, только побѣда осталась за мною. Офицеръ гвардейскаго экипажа, который лѣвою ногою управлялъ кормиломъ нашей двѣнадцати весельной республики, отдалъ честь моему вкусу и поворотилъ подъ корму моего любимца. На поясѣ рѣзной его галлерей золотыми буквами написано было: *Надежда*. Это одно слово стоило предпочтенія.

Висячая лѣстница устлана была флагами . . . всходимъ . . . вообрази себѣ! нѣтъ, ты не можешь себѣ вообразить, что я тамъ увидала; не знаю, съ чего начать, не знаю можно ли кончить! . . . то былъ новый міръ, то была чудная поэма. Помость чистый, выложенный какъ столъ; снасти, закрученныя завитками, блоки сверкающіе, какъ серьги, сѣтки спле-

тенныя фантастическими кружевами, мѣдь горитъ какъ золото; чугуны орудій какъ сизое вороново крыло! И потомъ — эта стройная суeta кругомъ . . . это необозримое раздолье передъ очами . . . По звуку серебряныхъ свистковъ, казалось великанъ нашъ размахнулъ широко руками, чтобы поймать вѣтеръ; грудь его надулась, и онъ съ каждымъ мигомъ ускоряя бѣгъ, ринулся наконецъ прямо, пожирая пространство. Голова моя закружилась какимъ-то обаятельнымъ вихремъ и когда глаза мои прояснѣли опять, они встрѣтились съ очами капитана корабля, котораго не разглядѣла я сначала, хотя онъ и привѣтствовалъ насъ при встрѣчѣ. Природа, какъ говоритъ Шекспиръ, могла бы указать на него пальцемъ и сказать: *вотъ геловъкъ!* Высокій стройный станъ, благородная осанка и это не знаю что-то привлекательное въ лицѣ, ни сколько не правильномъ, и столько выразительномъ, отличали его отъ прочихъ. Но глаза его — что это были за глаза, моя Софья! — влажные, голубые, какъ волна моря, они сверкали и хмурились подобно волнѣ, готовой и лелѣять и поглотить того, кто ей ввѣрится. Въ пріемахъ его не было модной вертлявости; въ немъ замѣтна была даже какая-то крутость, какая-то дикость, происходящая, быть можетъ, не отъ замѣшатель-

ства; со всѣмъ тѣмъ, это очень шло къ нему. Онъ краснѣя говорилъ съ нами, онъ опускалъ очи передъ взорами дамъ, и сначала голосъ его дрожалъ, какъ металлическая струна цитры. И вотъ нашъ дикарь оправился, поднялъ свои огнистыя очи, сталъ разсказывать намъ о всѣхъ эволюціяхъ, о назначеніи каждой вещи такъ мило, такъ занимательно, такъ шутливо, что мы, женщины, забыли свою обычную болтовню, и развѣ, развѣ вплетали въ гирлянду разсказа кой какіе вопросы. Я упала съ облаковъ, та chérie. Судя по слухамъ, я самого любезнаго изъ моряковъ считала немного половче моржа, играющаго на гитарѣ, котораго показывали въ кадкѣ подъ качелями, а тутъ нечаянно встрѣтила на доскахъ палубы человѣка образованнаго, хотя и въ шляпѣ безъ султана, даже безъ плюмажа — человѣка, который бы украсилъ любой паркетъ столичныхъ гостиныхъ. Занимаясь нами, онъ не забывалъ однако своей обязанности, и одно слово, одинъ взглядъ его двигали громаду корабля — эту геніальную мысль, одѣтую въ дубъ и жѣлезю, окриленную полотномъ.

Мы сошли внизъ — какая изысканность въ роскоши каютъ! какой топкій вкусъ въ украшеніяхъ! Строй орудій вооружалъ оба борта. Ядра пизались кругомъ красивыми бу-

сами. Копья, топоры и всё абордажныя оружія развѣшаны были, какъ галантерейныя вещи. По срединѣ просторнаго дека (я замучу тебя морскими шарадами) развѣвалъ свою пасть огромный люкъ, то есть отверстіе, сквозь который далеко, глубоко внизу, во мракъ, глазъ съ ужасомъ rozpoзнавалъ ряды бочекъ и лапу огромнаго запаснаго якоря — надежда всегда остается на днѣ. Мужу моему всего болѣе понравилась чугунная кухня со всѣми заѣтѣями гастронومیи. Когда ему поднесли на пробу кусокъ говядины, назначенной для команды, онъ повторилъ фразу Лареньера: *Ainsi cuit on aurait mangé son père.*

Наконецъ капитанъ незамѣтно свелъ насъ au fin fond de l'enfer, и сердце у насъ ежалось; мы всё ахнули отъ страха, когда онъ сказалъ намъ, помахивая свѣчкою, что мы находимся теперь въ пороховой каморѣ, въ сердцѣ корабля. Мнѣ ужъ показалось, что заряды, не смотря на увѣреніе, что они заключены въ ящикахъ, прыгаютъ около меня, какъ шутихи, что все горитъ около, что я дышу, что я задыхаюсь пламенемъ — я быстро выпрыгнула на свѣжій воздухъ. И точно вамъ всѣхъ болѣе должно было опасаться взрыва, шутя молвилъ капитанъ . . . одинъ взоръ такихъ глазъ

— и какое сердце не взлетитъ на воздухъ!
Я на него взглянула.

Между тѣмъ эволюціи шли своей чередою. Флотъ катился въ открытое море; берега тонули. По приказу адмирала, высказанному флагами, корабли то строились въ двѣ линіи, то обращались въ другую сторону, то прорѣзывали одну линію другою . . . точно шахматы Титановъ; и мы такъ близко миновали другіе корабли, что могли мѣняться привѣтами со своими знакомыми. Наконецъ Императоръ поднялъ свой штандартъ — и едва побѣдоносный орелъ взмахнулъ крилами въ золотомъ полѣ — въ мигъ салютные выстрѣлы загремѣли со всѣхъ судовъ. Ахъ! какой это былъ прелестный адъ, душечка! Сначала клубы дыма отдѣльно катились по волнамъ, но скоро все море превратилось въ жерло волкана. Вѣтеръ не успѣвалъ разнести одну тучу — а ужъ другія напирали все выше и выше, все чернѣе и чернѣе. Не говорю о громѣ; я думала, что я на вѣчность оглохну, такъ что и страшной трубы не услышу. Съ кормы любовалась я на валы дыма и моря . . . Капитанъ фрегата стоялъ подлѣ, задумчиво устрема на меня очи; мы молчали, да и можно ль было говорить подъ говоромъ тысячи чугуновыхъ кумушекъ; но мнѣ было такъ весело, будто

игривый сонъ носилъ меня на крилахъ въ пространствѣ. Вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ меня, раздался еще выстрѣлъ и въ слѣдъ за нимъ крикъ: «Упалъ, упалъ человекъ, тонетъ!» Я обмерла. Одинъ канониръ, прибывая зарядъ, былъ оглушенъ нечаяннымъ его взрывомъ, и съ подмостковъ*, на которыхъ стоялъ онъ, сброшенъ за бортъ . . . въ одинъ мигъ несчастный очутился за кормою . . . потерявъ память, онъ только крутился въ пѣнной бороздѣ, выющейся въ слѣдъ руля. Ни одной шлюпки не было спущено, а сброшенный ему поплавокъ плылъ въ другую сторону . . . онъ уже погружался — еще мигъ, и онъ бы исчезъ — но въ этотъ мигъ капитанъ бросился съ борта въ море — всѣ ахнули, всѣ прильнули къ поручнямъ — верхнія пушки умолкли — и вотъ онъ вынырнулъ, схватилъ утопающаго, плыветъ къ кораблю, но корабль уходитъ . . . человѣческая воля не можетъ вдругъ сдержать разбѣжавшуюся громаду. Ужасъ оледенилъ насъ, когда увидѣли, что спаситель изнемогаетъ подъ тяжестью: онъ сталъ кружиться на мѣстѣ — окунулся — опять всплылъ, опять ушелъ — и долго, долго не было видно его! . . . вотъ, золотой эполетъ блеснулъ изъ сѣдой пѣ-

* Вѣроятно, съ бизантъ-русленей. Между вантпоутингсовъ не рѣдко прорѣзываются порты.

ны, но это было на два мгновенія ... я ужъ не могла ничего видѣть, и когда раздирающій душу крикъ: *утонулъ!* раздался кругомъ меня — я потеряла чувства ...

Какъ сладостно возвращаться къ жизни, пока одно тѣлесное чувствуетъ этотъ возвратъ, пока какая нибудь горестная мысль не пропзить ума ... такъ было и со мною. Вдругъ воспоминаніе о гибели великодушнаго капитана сжало мнѣ сердце, будто стальною перчаткою, едва, едва я стала приходить въ себя. Я съ крикомъ открыла глаза — и кто бы, думаешь ты, стоялъ за мною, орошая меня струями воды, текущей съ утопленника, какъ съ зонтика — ты угадала — это былъ онъ! ...

Закрываю письмо, какъ я закрыла тогда глаза, чтобы хоть минутою долѣе насладиться такимъ сновидѣніемъ ... я была имъ такъ счастлива! ... О, дай мнѣ еще разъ улетѣть изъ свѣтской жизни; дай мнѣ, какъ пчелѣ, упиться росой этого цвѣтущаго воспоминанія, я хочу забыться, хочу забыть — я забываю все остальное ...»

Петергофъ, 2 іюля 1829 года.

I.

«... E per questo, quand'io veggo che gli uomini cercano per una certa fatalità le sciagure con la lanterna, e che vegliano, sudano, piangono per fabbricarsele dolorosissime, eterne — io mi sparpaglierei le cervella temendo che non mi cacciasse percapo una simile tentazione.»

Ugo Foscolo.

Двѣ недѣли спустя послѣ Императорскаго смотра флоту, въ каютѣ-компаніи фрегата Надежды, часу въ 11-мъ ночи, за ужиннымъ столомъ сидѣлъ одинъ уже лекарь Стеллинскій. Всѣ прочіе офицеры разошлись по своимъ каютамъ, но сынъ Эскулапа, по достохвальной привычкѣ, остался для химическаго разложенія вновь привезеннаго портвейна. Разсу-

ждая и прихлебывая, потомъ прихлебывая и разсуждая, онъ дофилософствовался до премудраго сомнѣнія: голова ли вертится на плечахъ, или предметы около головы? Склоняясь болѣе къ послѣднему мнѣнію, лекарь, казалось, поджидалъ, когда подойдетъ къ нему одна изъ недопитыхъ бутылокъ, танцующихъ передъ нимъ оптическій польскій. Онъ, правда, порывался раза два отхлопнуть эту красавицу у свѣчи, тускло сіявшей между бутылками, какъ разумъ между страстями, но глазомѣръ измѣнялъ желанію, и длань героя блуждала въ пространствѣ: окаянная шейка увертывалась изъ подъ его пальцевъ не хуже школьника, играющаго въ жмурки. На бѣду, качка усиливалась съ каждою минутою, и борьба силы самохраненія съ силой, влекущею лекаря къ бутылкѣ, по закону механики, вѣроятно кончилась бы тѣмъ, что его туловище отправилось бы по діагонали, проведенной отъ его носа подъ столъ — но, къ счастью, столъ былъ привицченъ къ полу, и Стеллиискій такъ вцѣпился въ него руками, какъ будто хотѣлъ спастись на немъ отъ потопленія. Въ это время въ каютъ-компанію вошелъ вахтенный лейтенантъ . . . его только что спустилъ товарищъ поужинать. Скидывая измоченную дождемъ шинель,

онъ уже смѣлся на продѣлки Стеллинскаго.

— Эге, Флогистонъ Хининовичъ, молвилъ онъ: ты кажется, бѣдствуешь!... Смотри, братъ, не подмочи своихъ анатомическихъ препаратовъ.

— Не бойтесь, не испортятся, отвѣчалъ лекарь, размахнувъ руками, какъ балансиръ на веревкѣ шестомъ, отыскивая центръ своей тяжести — я ихъ сохраняю въ спиртъ!

— Прекрасное средство, сказалъ лейтенантъ, глотая рюмку водки: отличное средство, и я прошу извинить меня, господинъ докторъ, что употребляю его теперь безъ вашего рецепта.

— Стократъ блаженны тѣ, которые лечатся и умираютъ по рецептамъ... неужели вы, Нилъ Павловичъ, считаете рецепты бесполезными?

— Напротивъ, я считаю ихъ преполезными — для закуриванія трубокъ, отвѣчалъ лейтенантъ, буквально врѣзавшись въ кусокъ ростбифа, и столь же проворно выпуская рѣчи, какъ глотая говядину.

Къ счастью, что портвейнъ служилъ тому и другому путемъ сообщенія, такъ, что слова и ростбифъ расплывались, не зацѣпляя другъ друга.

— Какъ сударь, рецепты? . . . ре-ре-цепты? О sana insania! Жечь векселя на полученіе здоровья!

— Скажите лучше, контрамарки на входъ въ кладбище. Впрочемъ, мнѣ случалось не разъ быть больнымъ; не разъ писалъ мнѣ мой докторъ и рецепты вдвое длиннѣе своего носа, хоть носъ у него являлся наканунѣ, а самъ завтра. Я очень набожно бралъ ихъ между большимъ и указательнымъ перстами, держалъ на чистомъ воздухѣ въ горизонтальномъ положеніи минутъ по пяти...

— И потомъ? . . . спросилъ лекарь, изумленный этимъ новымъ средствомъ симпатической фармакопеи.

— И потомъ — пускалъ на вѣтеръ. Желудку моему отъ того было не хуже, а кошелекъ вдвое лучше.

— Вы конечно любите Ганемановы выжидающія средства, Нилъ Павловичъ. И надеясь на природу — подвиньте, пожалуйста, бутылку.

— Но ты, кажется, не гомеопатъ, Стеллинскій, не хочешь ждать, чтобъ природа подала тебѣ бутылку, и, вмѣсто капельныхъ пріемовъ — тратишь столько вина за разъ, что имъ бы, по методу Ганеманна, можно было напоить до пьяна всѣхъ рыбъ Фин-

скаго залива на 50 лѣтъ, не считая этого. Однако чѣмъ чортъ не шутить — развѣ не попадаютъ порою въ цѣль съ завязанными глазами! И такъ вамъ же поклонъ, любезный впукъ Эскулапа. Въмѣсто того, чтобъ ловить ночью мухъ — пошарьте - ка въ кивотъ своего генія — не отыщете ль въ немъ какого нибудь дѣйствительнаго средства противъ сумасшествія?

— Развѣ вы хотите лечиться? лукаво спросилъ лекарь, между тѣмъ какъ лице его сморщилось въ гримасу, которую въ великій постъ можно было бы счесть за усмѣшку.

— Ай да, Флогистонъ Кислотворовичъ! славно, братъ; право, хоть куда. Иной подумаетъ, что ты изобрѣлъ этотъ отвѣтъ на тощакъ. Но я все таки ложусь на прежній румбъ, и повторяю вопросъ мой. Ты теперь въ восторженномъ состояніи, въ возвышенной температурѣ, такъ что зерномъ пороху, которое, сгарая, расширяется въ тысячу разъ противъ прежняго объема?

— . . . Sic est . . . притомъ же масоны красное вино называютъ краснымъ порохомъ . . . картузъ въ ду-ло! . . . ну, теперь я заряженъ. И такъ, продолжалъ крикая и охорашиваясь лекарь — и такъ вамъ угодно знать лекарство

противъ сумасшествія? . . . гм! ге? Древніе, между прочимъ и отецъ медицины . . .

— Т. е. мачихи человѣчества . . . ввернулъ слово лейтенантъ.

— Гипно-по-кратъ, думали, что частое употребленіе геллебора, т. е. чемерицы, или въ просторѣчій чихотки, можетъ помочь, т. е. облегчить или лучше сказать исцѣлить поврежденіе церебральной системы . . . да и почему же не такъ? Развѣ не знаемъ, или не видали, или не испытывали вы сами, что щепотки три гренадерскаго зеленчака могутъ протрезвить человѣка — ибо носъ въ этомъ случаѣ служитъ вмѣсто охраннаго клапана въ паровыхъ котлахъ, чрезъ который лишніе пары улетаютъ вовъ. А поелику и самое безуміе есть не что иное, какъ сгущенная лимфа, или пары, или мокроты, именуемая вообще *serum*, которая, отдѣляясь отъ испорченной крови, наполняютъ клѣтчатую мозговую плевую . . . (въ это время лекаръ любовался гранеными изображеніями стакана, изъ котораго онъ орошалъ цвѣты своего краснорѣчія) — гм, ге! . . . плевую, и постепенно дѣйствуя и противудѣйствуя сперва на тунику, потомъ на перикраніумъ, а наконецъ и на бѣлое существо мозга . . . а, это вѣрно птица! или пава? — почему Авицена и Аверроэсъ, даже самъ Па-

рацельсь . . . пава, точно пава! — совѣтуютъ діету и кровопусканіе! другіе же, какъ напри- мѣръ, Бургавъ дѣйствуютъ шпанскими муха- ми, vessicatorіями и синапизмами; третьи, чтобъ сосредоточить умъ, вѣроятно разбѣжав- шійся по всему тѣлу, брѣютъ голову, льютъ холодную воду на темя, и охлаждають его ле- дянымъ калпакомъ . . .

— Чтобы чортъ изломалъ грота-рей на го- ловѣ проклятаго выдумщика такой пытки! Мало содрать съ живаго кожу — такъ давай зака- пывать въ ледъ, какъ бутылку вина на вымо- розки! Вся ваша медицина — умѣнье промѣ- нивать кухонную латынь на чистое серебро, покуда матушка природа не унесетъ болѣзни, или ваши лекарства больного!

— Прошу извинить, Нилъ Павловичъ — ме- дицина — за ваше здоровье, — происходитъ отъ Латинскаго слова . . . какъ бишь его . . . ну да къ чорту медицину! . . . А безуміе, какъ имѣлъ я честь доложить, дѣлится на мно- гіе разряды. Во-первыхъ на головокруженіе, во-вторыхъ на ипохондрію, потомъ на мацію, на френезію . . .

— И на магnezію . . .

— Какъ на магnezію? Это что за извѣстіе? Магnezія не болѣзнь, а углекислая извѣсть, а френезія напротивъ . . .

— Есть вещь — о которой вы часто говорите, которую вы рѣдко вылечиваете, и которой никогда не понимаете . . . Не правда ли, нашъ возлюбленный докторъ?

— Правда на днѣ стакана, Нилъ Павловичъ . . .

— То-то ей бѣднягѣ и достаются однѣ дрожжи.

— Пускай же она и вьется въ нихъ, какъ пискарь — мы обратимся къ нашему предмету.

— То есть, къ вашему предмету, докторъ.

— Гм! ге! Вы вѣрно не знаете, что многіе врачи причисляютъ къ безумію головную боль, цефальгію и даже сплинъ!

— Не знаю, да и знать не хочу.

— Вещь прелюбопытная-съ . . . вообразите себѣ, что однажды (это было очень недавно), нѣкто знаменитый Русскій медикъ, анатомируя тѣло одного матроза, нашелъ . . . то есть, не нашелъ у него селезенки, сирѣчь spleen, которая и дала свое названіе болѣзни. Изъ этого заключили, что человѣкъ одаренъ въ ней лишнею частію, безъ которой онъ легко бы могъ жить. Правда, иные утверждаютъ, будто въ животной экономіи селезенка необходима для отдѣленія желчи — по лучшіе анатомисты до сихъ поръ находятъ ее

пригодною только для гнѣзда сплина , счита-
ють украшеніемъ , помѣщеннымъ для симме-
тріи . . .

Медицинскія лекціи такъ еще свѣжо врѣ-
заны были въ памяти лекаря , что онъ и пья-
ный могъ говорить чепуху , съ равнымъ успѣ-
хомъ , какъ и на-трезвѣ ; но лейтенантъ , ко-
торый кончилъ уже свой ужинъ , остановилъ
оратора , такъ сказать , на самомъ разлетѣ .

— Усталъ я слушать твою микстуру , любез-
ный докторъ . Вамъ , ученымъ людямъ , все
то кажется лишнимъ , чему вы не отыщете
назначенія , и если бъ вы не носили очковъ
и тавлинокъ , то чай , и носъ осудили бы въ
отставку безъ мундира . Не о томъ дѣло , мо-
жно ли жить безъ селезенки , а о томъ , что
худо служить безъ ума . Мнѣ кажется , ис-
числяя виды сумасшествія , ты пропустилъ са-
мый важный — и этотъ видъ называется лю-
бовь , и больной , зараженный ею — капитанъ
нашъ .

— Капитанъ ? . . . вы шутите , Нилъ Пав-
ловичъ . . . произнесъ лекарь , протирая ту-
манные глаза и опять хватаясь за стулъ , какъ
будто чувствуя , что , полный винными парами ,
онъ можетъ улетѣть вверхъ , будто аэростатъ .

— Ни сколько не шучу , отвѣчалъ лейте-
нантъ . Я повторяю тебѣ , что это Илья Пе-

тровичъ Правинъ, достойный командиръ нашего фрегата — Правинъ со всеми буквами...

— Гм! ге! вотъ что . . . такъ онъ-то боленъ любовью? . . . съ вашего позволенія . . .

— Нѣтъ, вовсе безъ моего позволенія. Ужъ эта мнѣ черноглазая княгиня! — она словно околдовала Илью Петровича. И то сказать, хороша собой какъ царская яхта, вертлява какъ люгеръ, и, говорятъ, умна какъ бѣсъ... ты, я думаю, помнишь ее — ну, ту высокую даму въ черномъ платьѣ, съ которою въ красотѣ, изъ всѣхъ нашихъ гостей, могла поспорить только фрейлина Левичъ Какъ находишь ты, докторъ, которая лучше?

— Мадера лучше, возразилъ докторъ. Погруженный въ созерцаніе бутылокъ, онъ только и слышалъ два послѣднія слова.

— Мадера гораздо лучше: ближе къ цѣли.

— То есть, ближе къ постели. И дѣльно, братъ; пора твоей посудинѣ въ докъ на зимовку. Однако я говорю не о винахъ, докторъ, но о дамахъ!

— О дамахъ, или по просту, о жепщинахъ? Гм! Да развѣ это не все равно? Молодая женщина и молодца какъ разъ состарить . . . а старое вино помолодить и старика — гдѣ ядъ, тамъ и противоядіе; гдѣ боль тамъ и лекарство.

— Гротъ - марса - фаломъ клянусь ! оба эти зла , или оба эти блага вмѣстѣ , приведутъ хоть какой умъ къ одному знаменателю. Ужъ если бѣ выбрать меньшее зло , я бы скорѣй посоветовалъ капитану трепать почаще бутылочную , чѣмъ жеѣскую шейку ; и по мнѣ , пусть лучше зарится онъ на карточные очки , чѣмъ на очи красавицы. Отъ вина поболитъ голова , отъ проигрыша заведется въ карманѣ сквозной вѣтеръ , но отъ дамъ , кромѣ головы и кармана , зачахнетъ и сердце.

— Сердце ! сердце ? а что оно такое , какъ не химическая горлянка , въ которой совершается процессъ кровообращенія и окрашиванія крови посредствомъ вдыхаемаго кислотвора ! . . . Читали ли вы Гарвея ? . . . знаете ли вы трактатъ доктора Крейсига : о болѣзняхъ сердца ?

— И все таки я думаю , въ книгѣ этого добраго Нѣмца такъ же трудно найти лекарство противъ болѣзни нашего капитана , какъ шутку въ часословѣ. Право , я бы очень желалъ , чтобы ты , нашъ любезный докторъ , хоть крашеной водою и пластырями , магнетизированіемъ и шарлатанствомъ продержалъ его мѣсяца два на фрегатѣ . . . разлука и діѣта — два смертельные врага любви. Авось бы онъ развлекся службою ; авось бы наши споры

возвратили ему прежнюю веселость; а то онъ самъ не свой теперь. Бывало, его калачемъ не сманишь съ фрегата; ему не спалось на землѣ, ему душно казалось въ городъ — а теперь все бы ему жить на берегу, да кататься на колесахъ, да лощить бульвары. Подумаешь, право, что онъ поймалъ эту глупую страстишку, какъ жемчужину со дна моря, въ день смотра, когда стрыгнулъ въ воду спасать утопающаго канонера. За него нечего было ахать — онъ плаваетъ, какъ Ньюфундлендская собака * — за то самъ онъ растаялъ, когда увидѣлъ, что черноглазая княгиня, отъ участія къ нему, въ обморокъ . . .

— Да, да, да, да! . . . Теперь-то я припоминаю все дѣло. Я засталъ тогда капитана на колѣняхъ передъ нею — онъ былъ мокръ, какъ тюлень, а суетился, будто муха надъ дорожными. Подруга ея сама обезпамятѣла, и вмѣсто того, чтобъ помогать, кричала только: воды, воды, кликните соль, принесите лекаря! . . .

* Ихъ называютъ иначе *sovetage-dogs* . . . Въ Англіи близъ каждого опаснаго мѣста лежитъ ихъ множество; онѣ, видя разбитое судно, кидаются въ воду и вытаскиваютъ утопающихъ; также пригоняютъ къ берегу тюки и бочки.

— Скажите, пожалуйста, какая напраслина!... Ты, кажется, тогда могъ самъ ходить!...

— У васъ все шутки, Нилъ Павловичъ! Ну вотъ какъ я вошелъ — подруга ея приказывала капитану распустить ея шнуровку!...

— Вотъ тебѣ и разъ! съ ужасомъ вскричалъ лейтенантъ. — Распустить шнуровку! Пускай бы спросили у Ильи Петровича, куда проходить и гдѣ крѣпится послѣдній гитовъ¹ на каждомъ суднѣ Христіанскаго и Варварійскаго флота — онъ разскажалъ бы это, какъ Отче нашъ, отъ коуша² до бензеля³, а скоро ль было ему доискаться, гдѣ крѣпится дамскій булень⁴!... За то ужъ и попалась въ силокъ морская птичка!... Видно, чортъ возьми, не всякое *полушаріе* обойти безопасно, и хорошенькая дамочка бурливѣе мыса Горна. Съ тѣхъ поръ нашъ капитанъ рыскаетъ, будто самъ лукавый стоитъ у него на рулѣ. Говоришь ему объ укладкѣ трюма, а онъ толкуетъ о гирляндахъ. Просишь переменить якорь, а онъ переменяетъ жилеть. Глядитъ въ зрительную трубку, и ему кажет-

1 Снасть для сдержки паруса.

2 Кольцо жолобкомъ.

3 Закрѣпка,

4 Снасть съ боку паруса, удерживающая болѣе въ немъ вѣтра.

ся, что Голландскій гальотъ прогуливается по берегу въ желтомъ платьѣ. Налетитъ шквалъ, трещать стѣны, а онъ хохочетъ. Товарищи смѣются, а онъ вздыхаетъ. Мы пьемъ, а онъ смотритъ въ стаканъ, словно гадаетъ на кофейной гущѣ, какъ тетушка Пелагая Фарафонтъевна.

— Это манія — чистая манія! . . . Это столь же вѣрно, какъ и то, что гиппопотамъ пускаетъ себѣ кровь тростникомъ, боясь апоплексіи, а собаки лечатъ себя отъ бѣшенства водянымъ шильникомъ . . . Это манія — ма-манія, говорю я вамъ . . .

— Зови, какъ хочешь: отъ этого капитану не легче, намъ не лучше. Да и, между нами будь сказано, къ чему поведетъ такая глупая страсть? — Она его не можетъ любить: она за мужемъ; а если и полюбитъ, тѣмъ хуже — не должна. Если дѣло остановится на первомъ — онъ исчахнетъ; но если, чего Боже сохрани, дойдетъ до втораго — онъ совсѣмъ потеряетъ себя — онъ ничего не умѣетъ дѣлать и чувствовать въ половину. . . я вѣдь знаю его съ гардемаринскаго галуна до штабскаго эполета; отъ лапты на дворѣ Морскаго корпуса до картечь Наваринскаго дѣла. О какъ бы дорого далъ я! вскричалъ отъ глубины сердца лейтенантъ, проглотивъ

разомъ стаканъ вина, будто имъ хотѣлъ онъ залить свое горе, я отдалъ бы все свои призовыя деньги, лишь бы увидеть моего добраго друга, Илью, въ прежнемъ духѣ . . . Это душа въ обществѣ, это голова въ дѣлѣ: добръ какъ ангелъ, и смѣлъ какъ чортъ! . . . Я предвижу, что онъ настроитъ кучу проказъ; онъ вовсе забудетъ службу, совсѣмъ покинетъ море . . . и что тогда станется съ нашимъ лихимъ фрегатомъ, со всеми офицерами, съ командою, что его такъ любить? Пусть лучше молнія разобьетъ гротъ-мачту, пусть лучше сорвется руль съ петель, пусть лучше потеряемъ мы весь рангоутъ *, нежели своего капитана! Съ нимъ все это трынтрава, а безъ него команда не вывернетъ бѣгомъ якоря, не то чтобы на славу убрать въ штормъ паруса, и перещеголять чистотою и быстрою Англичанъ, какъ мы дѣлывали въ прошломъ году въ Средиземномъ морѣ. *Per bacco e signor diavolo!* я бы готовъ на полгода отказаться отъ вина и елѣя, лишь бы вылечить Илью . . . хоть, признаться сказать, я считаю это такъ же труднымъ, какъ проглотить собаку-блокъ послѣ ужина! . . .

Стеллинскій въ свою очередь говорилъ, не

* Все мачты, все дерево выше палубы.

слушая лейтенанта, о медицинѣ. Вино выказало страсти обоихъ — какъ обозначаетъ оно въ хрусталѣ незамѣтныя дотолѣ украшенія.

— Должно начать леченье прохлаждающими средствами... говорилъ онъ зѣвая — кремортартаръ, . . . маг-мандера . . . потомъ пиявки, потомъ можно послѣдовать совѣту славнаго Римскаго врача Анахарета, который рѣзалъ руки и ноги, чтобъ избавить отъ бородавокъ — и сдѣлать ам-пу-та-цію, да тереть противъ сердца чѣмъ нибудь спир-ту-о-ознымъ! . . .

Сынъ Эскулапа былъ пораженъ Морфеемъ въ началѣ рѣчи — участь, грозившая слушателямъ, если бъ они были тутъ. Голова его упала на грудь, руки повисли, и онъ началъ матеріально доказывать, что, согласно съ мнѣніемъ нашего знаменитаго корненскателя — Русскій глаголъ *спать* происходитъ отъ слова *сопѣть*.

Но прежде чѣмъ лейтенантъ кончилъ говорить, а лекарь началъ храпѣть, дверь каюты распахнулась съ трескомъ: въ нее вбѣжалъ вахтенный мичманъ, блѣденъ, испуганъ.

— Нилъ Павлычъ, сказалъ онъ задыхаясь: насъ дрейфуетъ*.

— Людей на верхъ, пошелъ всѣ на верхъ!

* Тащить съ якоремъ.

крикнулъ лейтенантъ такимъ голосомъ, что онъ могъ бы разбудить мертвыхъ.

Съ этимъ словомъ онъ кинулся на шканцы безъ шапки и безъ шинели — тамъ уже замѣнявшій его лейтенантъ хлопоталъ, какъ помочь горю. Окинувъ опытнымъ взоромъ море и небо, Нилъ Павловичъ увидѣлъ, что съ погодою шутить нечего. Крутые, частые валы съ яростію катились другъ за другомъ, напирая на грудь фрегата, и онъ бился подъ ними, какъ въ лихорадкѣ. Сила вѣтра не позволяла валамъ подыматься высоко — онъ гналъ ихъ, рылъ ихъ, рвалъ ихъ — и со всего раската билъ имъ какъ тараномъ. Черно было небо — но когда молніи бичевали мракъ — видно было, какъ ниже, и ниже, и ниже катились тучи, будто готовясь задавить море. Каждый взрывъ молніи разверзалъ на мигъ въ небѣ и въ хляби огненную пасть и, казалось, пламенные змѣи пробѣгали по пѣнистымъ гребнямъ валовъ. Потомъ чернѣе прежняго зіяла тьма, еще сильнѣе хлесталъ ураганъ въ обнаженныя мачты, крутя и вырывая верви, свистя между блоками.

— Пошелъ на брасы, на топсантаы*: хо-

* Снасти, коими поддерживаются и обращаются реп.

домъ, бѣгомъ! надо обрасопить¹ реи вдоль судна. Задержалъ ли якорь? — Есть². — Слава Богу! г. шкиперъ! разнесенъ ли канатъ плехта³? можетъ надо лечь фертоингъ⁴. Сдвоить стопора на даглистъ . . . очистить бухты⁵! Послать топоръ къ правой крапбалкѣ; если крикну — отдай: разомъ пертулинъ⁶ пополамъ. Г. мичманъ! вы эполетами отвѣчаете, если рустовъ⁷ отдадутъ рано . . . не забудьте участи Фалька⁸. Драй, драй, бакштаги въ струну вытягивай! — ну, молодцы, шевелись, поплясывай! не то я васъ завтра въ ворсу истреплю. — Гей вы, на марсахъ! все ли исправно у васъ? Ага! стеньги хрустятъ? эка невидаль! треснуть, такъ на зубочистки годятся! Боцмана! осмотрѣть крапцы⁹: чтобъ ни

¹ Поворотить.

² На морскомъ языкѣ *есть* значить: *да*, исполнена.

³ *Плехтъ* одинъ изъ большихъ якорей; *даглистъ* немного менѣе.

⁴ На два якоря.

⁵ Въ кольца сложенные снасти.

⁶ Веревка, на которой виситъ якорь.

⁷ Цѣпь, поддерживающая якорь въ горизонтальномъ положеніи.

⁸ Бриггъ Фалькъ погибъ отъ того, что якорь долго висѣлъ вертикально, и качаясь прошибъ лапою скулу судна.

⁹ Мѣста, гдѣ лежатъ ядра.

одно ядро не тронулось — теперь некогда играть въ кегли. Крѣпко ли задрасны порты*? Г. штурманъ, много ли футъ по лоту? сто двадцать . . . лихо! . . . гуляй душа! далеко еще килю до рачьей зимовки!

Такъ или почти такъ покрикивалъ Нилъ Павловичъ, прибавляя къ этому, какъ водится, сотни побранокъ, которыя Николай Ивановичъ Гречъ сравнилъ съ пѣною шампанскаго. Онъ, казалось, попалъ въ родную стихію: осматривалъ все своимъ глазомъ, успѣвалъ самъ вездѣ, и матрозы, ободренные его хладнокровіемъ, работали смѣло, охотно, но безмолвно, при тускломъ свѣтѣ фонарей. Порой, когда надъ головами ихъ разражался перунъ, подвижныя купы ихъ озарялись ярко и живописно — будто сей часъ изъ подъ мрачной кисти Сальватора; и только мѣрный стукъ ихъ бѣга, только пронзительный голосъ свистковъ мѣшался съ завываніемъ бури и съ тяжелымъ скрыпомъ фрегата.

— Ай да, ребята — спасибо! сказалъ Нилъ Павловичъ, потирая отъ удовольствія руки. За капитаномъ по чаркѣ! теперь дуй — не страшно — мы готовы встрѣтить самый задорный шквалъ, откуда бѣ онъ къ намъ ни по-

* Ставни амбразуръ.

жаловалъ. Хорошо, что я не послушалъ васъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ подвахтенному лейтенанту, и спустилъ заранѣ брамъ-стенъги*: ихъ бы срѣзало, какъ спаржу. Я, правда, съ вечера предвидѣлъ бурю: солнце на закатѣ было красно, какъ лице Англійскаго пивовара, и синія рѣдкія тучки будто шпіоны выглядывали изъ-за горизонта; признаюсь, однако, не ждалъ я никакъ такого шторма: всѣ вѣтры и всѣ черти спущены, кажется, теперь со своры . . . того и гляди, что сорветъ съ якоря и выкинетъ на Финскій берегъ по клюкву.

— Шлюпка идетъ! раздалось съ баку.

— Скажи лучше, тонетъ, вскричалъ съ беспокойствомъ Ниль Павловичъ. Кому это вздумалось искать вѣрной гибели? Опрашивай!

— Кто гребетъ?

— Матрозъ.

— Съ какого корабля? . . . Есть ли офицеръ!

Шумъ бури и волненія мѣшалъ разслушать отвѣты . . .

— Кажется, отвѣчаютъ: *Надежда* — закричали на бакъ**.

* Самыя верхнія части мачтъ.

** При опросѣ: *есть ли офицеръ?* — съ шлюпки,

— Ослы! загремѣлъ Нилъ Павловичъ, который въ это время вскочилъ на форъ-ванты*, чтобы лучше разсмотрѣть шлюпку. Развѣ не видите вы двухъ фонарей на водорѣзѣ**? Это нашъ капитанъ, Изготовить концы, послать фалрепныхъ*** съ фонарями къ правой!

Долгая молнія разсѣкла ночь, и оказала гонимую бурей шлюпку, съ изломанной мачтой, съ изорваннымъ парусомъ. Огромный валъ несъ ее на хребтѣ прямо къ борту, грозя разбить въ щепы о пушки — и вдругъ онъ опалъ съ ревомъ, и мракъ поглотилъ все.

— Кидай концы! кричалъ Нилъ Павловичъ, вися надъ пучиною . . . Прوماхъ! — Другой!

— Сорвался . . . Еще, еще!

— Новая молнія растворила небо, и на мигъ видно стало, какъ отчаянные гребцы цѣплялись крючьями и скользили вдоль по борту фрегата. Лови, лови! раздавалось сверху, и многія веревки летѣли вдругъ; по вихорь подхватывалъ ихъ и онѣ падали мимо.

когда въ ней командиръ судна, отвѣчаютъ именемъ судна. Бакъ — носъ судна.

* Лѣстницы веревочныя у передней мачты.

** Отправляя гребное судно на берегъ, условливаются взаимно о числѣ и мѣстѣ фонарей, чтобы ночью можно было опознать и найти другъ друга.

*** Веревки для всходящихъ на лѣстницу (трапъ) корабля.

— Боже мой! вскричалъ Ниль Павловичъ, сплеснувъ руками — они погибли . . .

Но они не погибли; ихъ не унесло въ открытое море. Одинъ багоръ удачно вцѣпилъ въ руль-тали, * и по штормтрапу, съ горемъ попаламъ, взобрались наши пловцы, чуть не утопленники, на ютъ (корму). Пустую шлюпку мигомъ опрокинуло вверхъ дномъ, и черезъ четверть часа на бакштовѣ ** остался лишь одинъ обломокъ шлюпочнаго ферштевня ***.

— Ты живъ, ты спасенъ, другъ мой, братъ мой карточный! говорилъ добрый Ниль Павловичъ, задущая въ объятіяхъ капитана.

Но вдругъ онъ вспомнилъ долгъ подчиненности — отступилъ на два шага и переважно началъ рапортовать о состояніи судна и команды. Въ этой сценѣ было много забавнаго и почтеннаго вмѣстѣ. Глядя тогда на Нила Павловича, вы бы сказали: Онъ прекрасный человекъ, онъ достойный солдатъ! вы бы поручились за него, что онъ не измѣнитъ ни одному благородному чувству, какъ не преступитъ ни одной причуды службы.

— Благодарю сердечно, благодарю всѣхъ

* Снасти у руля, снаружи висѣющія.

(**) Вѣрь, за которую вяжутъ шлюпки за кормою.

*** Носовая основа.

господъ за исправность, говорилъ капитанъ окружившимъ его офицерамъ — а васъ, Нилъ Павловичъ, особенно. За вами я бы могъ спать спокойно, если бъ вы могли повелѣвать такъ же удачно стихіями, какъ вахтой. Но я предвидѣлъ ужасную бурю, и хотѣлъ раздѣлить съ вами опасность. Могу вамъ разсказать новости о погодѣ, потому что я былъ тамъ, куда ни достануть ночью ваши взоры. Шквалъ налетитъ сію минуту. Готовъ ли другой якорь? — Готовъ — Тѣмъ лучше. На бакъ ало! . . . закричалъ капитанъ въ рупоръ... Изъ бухты вонъ! отдай якорь!

Какъ ни силенъ былъ плескъ волнъ и ревъ бури, но слышалось, когда бухнулъ въ воду тяжкій якорь и съ глухимъ громомъ покатился канатъ изъ клюза.

— Шквалъ съ вѣтра, шквалъ идетъ! разда-лось на бакъ.

Случалось ли вамъ испытывать сильный шквалъ на морѣ?

Передъ нимъ на минуту воцаряется какая-то грозная тишь, море кипитъ, волны мечутся, жмутся, толкутся, будто со страху; водяная мятель съ визгомъ летитъ надъ водою — это раздробленные вершины валовъ; и вотъ вдали, подъ мутнымъ мракомъ, изорваннымъ молніями, бѣлой стѣною катится валъ . . . бли-

же, близко — ударилъ! Нѣтъ словъ, нѣтъ звуковъ, чтобъ выразить гудѣнье и вой, и шорохъ, и свистъ урагана, встрѣтившаго препону; кажется, весь адъ пируетъ и хохочетъ съ какою-то сатанинскою злобою! . . . Такой-то шкваль налетѣлъ на фрегатъ Надежду, и зарылъ носъ его въ бурунъ, такъ, что волна перекатилась по палубѣ до самой кормы.

Ударъ водяной массы и порывъ вѣтра были такъ жестоки, что стопора* перваго якоря лопнули, прежде чѣмъ канатъ втораго вытянулся. Фрегатъ задрожалъ какъ листъ, и вдругъ съ невѣроятною быстротою кинулся по вѣтру. Второй канатъ, едва полужастопоренный, не могъ сдержать корабля съ разбѣга, и оба вдругъ пошли сучить въ оба клюза.

Не каждому моряку во всю свою службу случилось видать суматоху отъ высучки канатовъ. Это страшно и смѣшно вмѣстѣ! Вообразите себѣ два каната чуть не въ охватъ толщиною, которые съ ревомъ и громомъ бѣгутъ съ кубрика или изъ дека, гдѣ были уложены, вверхъ . . . они выются какъ удавы огромными кольцами, хлещутъ какъ волны, взбрасывая на воздухъ все встрѣчное, сундуки, койки, ядра, людей; и наконецъ, крутятся узломъ че-

* Снасти, коими канатъ прикрѣпляется къ кольцамъ (рымамъ), вбитымъ въ палубу.

резъ толстый брусъ битенга*, зажигають его треніемъ. Это пеньковый тифонъ, отъ котораго все летитъ въ дребезги или бѣжитъ съ воплемъ. Напрасно кидають въ клюзъ койки и вымбовки,** чтобы сдавило и забло канатъ — онъ бѣжитъ вонъ неудержимо.

Къ счастью на фрегатъ оба каната закрѣплены были огономъ за шпоръ*** гротъмачты. Удары отъ незапной задержки съ разбѣга заставили вздрогнуть весь остовъ, и едва, едва уцѣлѣли стеньги. Якоря забрали, фрегатъ сталъ въ тотъ мигъ, когда капитанъ, не надѣясь на канаты, послалъ по марсамъ, готовясь на обрывѣ вступить подъ паруса, чтобы жестокой нордъ-нордъ-остъ не выкинулъ его на отмели и рифы негостепріимнаго берега Финляндіи. Осмотрѣлись: люди были цѣлы, изъ янъ ничтоженъ. Волненье ходило горами, дождь лился потокомъ, и къ довершенію этой ужаснопрекрасной картины не вдалекѣ показались смерчи, или тромбы. Они очень замѣтны были во мракѣ, вздымаясь, бѣлые, изъ валовъ, какъ духъ бурь, описанный Камознсомъ . . . голова ихъ касалась тучъ, ребра увивались непрерывными молніями . . . Море

* Устой для крѣпленія канатовъ.

** Палки, коими вращають воротъ.

*** Низъ.

съ глухимъ гуломъ кипѣло и дымилось котломъ около — они вились, вытягивались и распадались съ громомъ, осыпая валы фосфорическими огнями. Матрозы съ благоговѣйнымъ ужасомъ глядѣли на это рѣдкое для нихъ явленіе.

— Не прикажете ли, капитанъ, поподчивать этихъ незванныхъ гостей ядрами? спросилъ Ниль Павловичъ.

— Прикажите только изготовить два плутонга пушекъ на оба борта, и стрѣлять тогда развѣ, когда какой нибудь любопытный тифонъ вздумаетъ пощупать насъ за утлегарь. Мнѣ не хочется дѣлать тревоги въ Кронштатѣ. Пожалуй, тамъ подумаютъ, что мы перепугались, что наша Надежда гибнетъ.

Миновалась опасность, но не буря. Вѣтеръ дулъ ровнѣе, но все еще жестоко, и фрегатъ, бросаемый волненіемъ, то носомъ, то кормой ударялся въ воду, разбрызгивая буруны въ пѣну, но содрогаясь, но стеноя и скрипя отъ cadaго взмаха. Половину команды распустили по койкамъ; другая смирно жалась у сѣтокъ. Ниль Павловичъ съ рупоромъ подмышкою ходилъ по шканцамъ, заботливо взглядывая то на море, то на капитана — а капитанъ, безмолвенъ, стоялъ опершись о колесо

штурвала. Свѣтъ лампы изъ нактоуза* падалъ прямо на его блѣдное, но выразительное лице. Взоры его слѣдили вереницы летящихъ тучъ и бразды молній, ихъ разсѣкающихъ... онъ не чувствовалъ ни вѣтру, ни дождя; онъ долго не слышалъ голоса друга — душа его носилась далеко, далеко.

Наконецъ Нилъ Павловичъ дернулъ его за рукавъ.

— О чемъ замечтался ты, Пля? спросилъ онъ съ братскимъ участіемъ.

Правишь будто проснулся.

— О чемъ? — какъ легко это спросить — за то какъ трудно отвѣчать на это! Вихорь мыслей крутился въ головѣ, и цѣлый водоворотъ мыкалъ мое сердце. Если бъ я и умѣлъ тебѣ высказать все это — я бы не досказалъ всего до сѣдыхъ волосъ. Впрочемъ, нѣтъ дѣйствія безъ причины, и если я не смогу рассказать, о чемъ мечталъ, то не умолчу, отъ чего эти мечты меня обуяли. Загадка, для чего насъ ото всей эскадры оставили однихъ на Кронштатскомъ рейдѣ — объяснилась: нашъ фрегатъ назначенъ въ Средиземное море; мы повеземъ важныя бумаги союзнымъ адмираламъ и президенту Греціи.

* Шкафъ, въ которомъ хранится компасъ.

— И вѣрно ядра да картечи для закуски Туркамъ! Гротъ-марса-рея меня убей, мнѣ смерть хочется сцѣпиться на абордажъ съ какимъ нибудь капитанъ-пашинскимъ кораблемъ!

— Но я, милый Ниль я краснѣю за себя! . . . душа моя рвется на двое: одна половина хочетъ пустить корни въ столицѣ, между тѣмъ какъ другая жаждетъ раздолья и битвы. И такъ, думалъ я, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше . . . сего дня же, сей часъ хотѣлъ бы я вырваться изъ оковъ своихъ . . . я съ радостію ждалъ минуты, когда насъ сорветъ съ якорей, чтобы распустить крылья и улетѣть изъ этого чада, растлѣвающего душу?

— Не долга пѣсня скомандовать на марса-фалы! Не вступать подъ паруса въ такую темную ночь, въ такую бурю! . . .

— Въ бурю? . . . повторилъ разсѣянно капитанъ: въ такую бурю! Что значить эта буря противу бунтующей въ моей груди? . . .

Ниль Павловичъ долго и пристально глядѣлъ въ лице друга — наконецъ крѣпко сжалъ ему руку и произнесъ:

— Бѣдный Илья!

Бѣдный Павликъ! повторяю и я.

КАПИТАНЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ПРАВИНЪ, КЪ ЛЕЙ-
ТЕНАНТУ НИЛУ ПАВЛОВИЧУ КОКОРИНУ.

«Что бы ты сказалъ, что бы подумалъ ты, добрый другъ мой, если бѣ увидѣлъ мои вчерашніе сборы на вечеръ къ княгинѣ? Я, я, которому, такъ же какъ и тебѣ, до сихъ поръ все платье шилось парусникомъ, я затянулся въ мундиръ, шитый самымъ лучшимъ, т. е. самымъ дорогимъ портнымъ столицы, да и тотъ не угодилъ на меня. То, казалось мнѣ, не выровнены пуговицы, то проглядываютъ кой-гдѣ преступныя складки . . . тамъ это, здѣсь не то . . . словомъ, я бы на вечеръ пріѣхалъ на завтрашнее утро, еслибъ бой часовъ не заставилъ меня поторопиться.

Волосы мои натированы* были помадою, бѣлье пробрызгано духами; галстухъ не галстухъ, перчатки не перчатки — верчусь передъ зеркаломъ, молодецъ хоть куда. Повторивъ нѣсколько разъ всѣ эволюціи салюта и ордеръ марша по гостиной, и потомъ ордеръ баталіи: «спуститься по вѣтру, чтобы прорѣзать линію непріятельскихъ стульевъ, потомъ лечь въ дрейфъ и начать перестрѣлку» — плащъ на плечо — наемная карета у крыльца — качу.

Крѣпко забилося мое ретивое, когда Каменноостровскій мостъ задрожалъ подъ колесами моей кареты. И вотъ дача князя! — въ окнахъ сіяетъ день, сквозь цвѣты мелькаютъ тѣни — народу тма — храбрость моя роняетъ брамсели. Однако жъ, снайтова** сердце, перехожу аванзалу такъ осторожно, будто сквозь каменистый входъ въ портъ Свеаборга. Имя мое изъ устъ офиціанта раздается словно боевая пушка — во мнѣ занялся духъ и на глаза упалъ туманъ, хоть подымай сигналъ: *не ясно вижу!* . . . Но экваторъ былъ уже перейденъ — ворочаться поздно — захожу, кланяюсь безъ прицѣла, краснѣю будто каленое ядро, верчусь направо и налево не лучше ры-

* т. е. *высмолены*, отъ Англ. слова *tare* — *смола*.
Тируютъ только стоячій такелажъ.

** Скрѣпя.

скливаго корабля, однимъ словомъ, чувствую самъ, что я такъ же ловокъ, какъ выброшенный на берегъ китъ — и мѣшаюсь вдвое пуще. Мужескіе лорнеты, казалось, сожигали меня въ пепелъ; дамскіе взгляды пронизывали на перекрестъ, будто Конгревовы ракеты; даже ковры егизили подъ ногами, и проклятыя зеркала, это оптическое эхо, передразнивали въ двадцати видахъ мое замѣшательство. О! если бы знала княгиня, какъ дорого стоило моему самолюбію быть на такой выставкѣ — она бы пожалѣла, она бы наградила меня! Вещь, которая для всякаго свѣтскаго повѣсы была бы или незначаща или пріятна, во мнѣ обращалась въ истинное самоотверженіе. . . . Пріѣхавъ въ надеждѣ поправиться княгинѣ, я уже трепеталъ за то, что не поправлюсь. . . . Истинный ложнаго стыда удушала меня. Къ счастью, эта сцена была непродолжительна. Толстякъ хозяинъ поспѣшилъ ко мнѣ на выручку, и сама хозяйка, привставъ съ дивана, такъ ободрительно меня попривѣтствовала, что душа моя распрямилась вдругъ. . . . я гордо поднялъ голову, я окинулъ всѣхъ свѣтлымъ окомъ: что значила для меня невзгода всѣхъ пустоцвѣтовъ и пустозвоновъ гостиней, когда я былъ уже обласканъ тою, чья единственно ласка была дорога мнѣ! — Гости поняли эту

безжизненные, носимыя вѣтромъ моды вмѣсто своей воли, и порой зеленѣющія чахлыми порослями, какія видѣлъ Парри въ Баффиновомъ заливѣ; и это-то называютъ они цвѣтами общества!

Но возвратимся къ ней, еще къ ней, опять къ ней! Я пилъ долгими глотками сладкій ядъ ея взоровъ — мнѣ было такъ хорошо!

Она шутила — я отвѣчалъ тѣмъ же . . . откуда что бралось! — не даромъ говорятъ, что любовь и сводитъ съ ума, и даетъ умъ.

Когда я говорилъ съ нею — застѣнчивость покидала меня; за то едва другая дама обращала ко мнѣ слово — я краснѣлъ, я блѣднѣлъ, я вертѣлся на стулѣ, будто онъ набитъ былъ иголками, и бѣдная шляпа моя чуть не пищала въ рукахъ. Ты знаешь, что я могу

лепетать по-Французски не хуже дымчатого попугая; но знаешь и то, что, изъ упрямства

ли, или отъ народной гордости, не люблю мѣнять роднаго языка на чужеземный. Вотъ,

сударь, волей и неволей, господа, удостоившіе меня своимъ разговоромъ, слыша твердо произнесенный отзывъ: *я не говорю по-*

Французски, принужденны были изъясняться со мной по-Русски, и признаюсь, я не разжалѣлъ, что не взялъ съ собою переводчика.

Охотиѣе всѣхъ и, къ удивленію моему, чище

всѣхъ говорила по-Русски княгиня — это дѣлаетъ честь Москвѣ — это приводило меня въ восхищеніе. Радъ ты или не радъ, а меня беретъ искушеніе послать къ тебѣ кусочекъ нашего разговора, хоть я очень знаю, что разговоръ, какъ вафли — хорошъ только прямо съ огня и въ летучей пѣнѣ шампанскаго.

Мы спорили. Княгиня вѣрить не хотѣла постоянству чувствованій моряковъ. Она называла насъ кочевымъ народомъ, людьми, которые ищутъ двухъ веснъ въ одинъ годъ, и гоняются за открытіями, чтобы оставить на нихъ чугунную дощечку съ надписью: *тогда-то здѣсь былъ такой-то*. Но развѣ *быть* значить *жить*! Или *видѣть* — значить *гусествовать*? Частыя переменны мѣсть не даютъ окрѣпнуть привязанностямъ до страсти, воспоминанію до глубокаго сожалѣнія.

— Даже вы сами, продолжала она: вы — скиталецъ съ раннихъ лѣтъ по далекимъ морямъ — признайтесь: надышавшись воздухомъ ароматныхъ лѣсовъ Бразиліи; набродившись по чуднымъ коралловымъ островамъ Тихаго океана или по исполинскимъ дебрямъ Австраліи; налюбовавшись пловучими ледяными горами южнаго полюса, или волканами, раскаляющими небо своимъ дыханіемъ, скажите, ка-

кова показалась вамъ послѣ того болотная, плоская, туманная родина!

— Прелестнѣе чѣмъ прежде, княгиня! — Вы меня считаете въ ощущеніяхъ вѣтренѣе всякой дамы, которая, сбросивъ съ себя украшеніе, на завтра забывается или, нашедши, презираетъ его. Чувства не лѣзя забыть какъ моду, и прекрасный климатъ не замѣна отечеству. Эти туманы были моими пеленами, эти дожди вспоили меня, этотъ репейникъ былъ игрушкою моего дѣтства. Я выросъ, я дышалъ воздухомъ, въ которомъ плавали частицы моихъ предковъ, я поглощалъ ихъ въ растеніяхъ. Русская земля во мнѣ обратилась въ тѣло и въ кости. О! повѣрьте мнѣ: отечество не мѣстная привычка, не пустое слово, не отвлеченная мысль; оно живая часть насъ самихъ; мы нераздѣльная мыслящая часть его — мы принадлежимъ ему правственно и вещественно. И какъ хотите вы, чтобы въ разлукѣ съ нимъ мы не грустили, не тосковали? Нѣтъ, княгиня, нѣтъ! въ Русскомъ сердцѣ слишкомъ много желѣза, чтобы не любить сѣвера!

— И въ вашемъ тоже, капитанъ? спросила княгиня.

— Я Русскій, княгиня; я суровый Славянинъ, какъ говорить Пушкинъ.

— Тѣмъ на этотъ разъ хуже: я ненавижу

чугунныя сердца — на нихъ невозможно сдѣлать никакого впечатлѣнія!

— Почему же нѣтъ, княгиня! разгорячите этотъ металлъ, и онъ будетъ очень мягокъ, и потомъ рука времени не сотретъ того, что вы на немъ изобразите.

— Но для изображенія чего нибудь — надо ковать молотомъ, а это вовсе не дамское дѣло.

— Терпѣніе, княгиня, даетъ умѣнье.

— Но всякой ли, капитанъ, можетъ командовать терпѣньемъ, какъ вы Надеждою? Да, кстати о Надеждѣ — все ли въ добромъ она здоровъ?

— Напротивъ, княгиня, бури ее одолѣли съ тѣхъ поръ, какъ вы ее оставили.

— Надѣюсь по крайней мѣрѣ, продолжала княгиня, все еще играя словами о имени моего фрегата: надѣюсь, она васъ не покинула!

— Все равно почти: я очень далеко отъ нея!

— Но, какъ вѣрный рыцарь, не покидаете за то ея символа: на воротникъ вашемъ таинственно блестятъ два якоря.

— Замѣьте, княгиня, примолвилъ я — съ вздохомъ: они съ оборванными канатами.

Въ это время офицеръ, сосѣдь мой, нахло-

нившись сзади меня къ дипломату, сказалъ ему въ полголоса : *Il se pique d'esprit, ce lion marin.*

— *Oui-da*, отвѣчалъ тотъ : *Il s'en pique!*

— Et cette fois il n'est pas si bête qu'il en a l'air, примолвилъ первый, презрительно показываясь на стулъ.

Я вспыхнулъ. Такое неслыханное забвение приличій обратило вверхъ дномъ во мнѣ мозгъ и сердце; я бросилъжигающій взоръ на наглеца, и я наконецъ склонился къ нему и также въ полголоса произнесъ :

— *Si bon vous semble, mr., nous faisons notre assaut d'esprit demain à 10 heures passées. Libre à vous de choisir telle langue qu'il vous plaira — celles de fer et de plomb y comprises. Vous me saurez gré, j'espère, de m'entendre vous dire en cinq langues européennes, que vous êtes un lâche!*

Не можешь представить себѣ, какъ смутился мой обидчикъ : онъ покраснѣлъ краснѣе своихъ отворотовъ, онъ окинулъ глазами собрание, какъ будто искалъ въ немъ подпоры или обороны — но все отворотились прочь, будто ничего не слыхали. Наглецъ и тутъ хотѣлъ еще отдѣлаться хвастовствомъ.

— Очень охотно, отвѣчалъ онъ, играя цѣпочкою часовъ; только я предупреждаю васъ : я быю на лету Машочку.

Я возразилъ ему, что не могу хвастаться такимъ же удалствомъ, но вѣроятно не промахнусь по сидячей воронѣ.

Противнику моему пришлось плохо — но мнѣ было едва ль не хуже его. Гнѣвъ пробѣгалъ меня дрожью; я кусалъ губы чуть не до крови, я блѣднѣлъ, какъ желѣзо, раскаленное до бѣла. Невнятные слова вырывались изъ моихъ устъ, подобно клочьямъ паруса, изорваннаго бурей... присутствіе людей, въ глазахъ которыхъ я былъ униженъ и еще не отомщенъ, меня душило... наконецъ я осмѣлился поднять глаза на княгиню... говорю: осмѣлился, потому что я боялся встрѣтить въ нихъ сожалѣніе, горчайшее самой злой насмѣшки... И я встрѣтилъ въ нихъ участіе, сострастіе даже. Взоры ея пролились на мою душу, какъ масло, утишающее валы... въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражались и гнѣвъ за мою обиду — и страхъ за мою жизнь... они такъ лестно, такъ отрадно укоряли и умоляли меня!... Я стихъ. Общество занялось прежнимъ, будто не замѣчая нашего *à parte*; разговоръ катился изъ рукъ въ руки. Я чувствовалъ себя лишнимъ, всталъ, раскланялся и вышелъ, но уже безъ замѣшательства, безъ оглядокъ: обиженная гордость придала мнѣ самонадѣяніе. — Мы надѣемся ви-

дѣтъ васъ почаще, молвилъ хозяинъ, проща-
ясь со мною. Ступая за дверь, я обернулся...
о, другъ мой, другъ мой! — я худо знаю
женскую сигнальную книгу, но за взоръ, бро-
шенный на меня княгинею, я бы готовъ былъ
вынести тысячу обидъ и тысячу смертей! . . .
Завтра со своими пулями и страхами для ме-
ня исчезло . . . всю ночь мнѣ видѣлась толь-
ко княгиня. Меня волновалъ только прощаль-
ный взглядъ ея.»

Петергофъ, іюля, 1829.

Отъ того же, къ тому же.

День послѣ.

Въ Кронштадъ.

«Брось въ огонь исторію кораблекрушеній, любезный Нилъ: мое сухопутное крушеніе куріознѣе всѣхъ ихъ вмѣстѣ, говорю я тебѣ. Воображаю, съ какимъ изумленіемъ проти-
ралъ ты глаза, читая послѣднее письмо мое. Илья влюбленъ, Илья щеголь, Илья въ гости-
ной, Илья наканунѣ поединка!! По твоему, все это для моряка столько же несбыточно, какъ прогулка Игорева флота на колесахъ — и между тѣмъ все это гораздо болѣе историче-
ское, чѣмъ романы Валтеръ-Скотта. Счастли-
вецъ ты, Нилушка, что не знаешь, не вѣда-
ешь, куда забросить можетъ сердце валъ стра-

сти. Я стыжусь другихъ, браню себя — и все-таки влекусь отъ одной глупости къ другой. Бѣднягу-умъ укачало на этомъ волненіи, и онъ лежить, да молчитъ и во все глаза глядя ни зги не видитъ.

Впрочемъ, что ни толкуй, а отъ прошлаго не отлавируешься. Дѣло было сдѣлано: поединку рѣшено быть; не доставало только тебя въ секунданты . . . Благодаря, однако жъ, принятому повѣрью, въ Петербургъ черезъ край охотниковъ въ свидѣтели суда Божіа, какъ говорили въ старину — удовлетворенія дворянской чести, какъ говорятъ нынѣ — съ одинаковою основательностію. Въ 10 часовъ утра мы съѣхались, раскланялись другъ другу съ возможною любезностію, и между тѣмъ, какъ секунданты отошли въ сторону торговаться о шагахъ и осѣчкахъ, противникъ мой, видно по пословицѣ утро вечера мудренѣе, подошелъ ко мнѣ ласковый: тише воды, ниже травы.

— Мнѣ кажется, капитанъ, сказалъ онъ мнѣ: намъ бы не изъ-за чего ссориться.

— Безъ всякаго сомнѣнія, намъ не изъ-за чего ссориться, но драться есть поводъ и весьма достаточный: я обиженъ вами, какъ человекъ, какъ Русскій и какъ офицеръ — пу-ли рѣшать наше дѣло, отвѣчалъ я.

— Но какъ рѣшать, капитанъ? убитый будетъ всегда виновать, а убитымъ можете быть и вы.

— Что жъ дѣлать, м. г.? Я ль виновать, что въ вашемъ свѣтъ право заключено въ удачу? Убьютъ, такъ убьютъ! Меня повезутъ тихомолкомъ на кладбище, а вы побѣдете въ театрѣ рассказывать въ междудѣйствіи о своемъ удалствѣ.

— Вы говорите объ этомъ по преданію, капитанъ. Нынѣшній Государь не терпитъ дуэлей; и если кто нибудь изъ насъ положитъ другаго — ему отведутъ келью немного развѣ поболѣе той, въ которую опустятъ покойника. Подумайте объ этомъ, капитанъ!

— М. г.! обидчикъ вы, а не я; ваше дѣло было подумать о слѣдствіяхъ прежде, чѣмъ такъ дерзко шутить на счетъ другаго!

— Но я вовсе не полагалъ, что вы знаете по-Французски: вы сами сказали, что не говорите на этомъ языкѣ.

— Значить, вы, м. г., плохо знаете Русскій языкъ, когда слово *не говорю* принимаете за *не понимаю*!

— О! что касается до Русскаго языка — я предаю вамъ его цѣлкомъ! Мнѣ вовсе не охота ломать копые за мадамъ грамматику; а такъ какъ я вижу, что вы благоразумный и

достойный человекъ, капитанъ, то за удовольствіе сочту кончить все попріятельски.

— Благодарю за пріязнь, м. г.; я не имѣю привычки дружитья подъ вліяніемъ пуль или пробокъ. Мы будемъ стрѣляться!

— Если за этимъ только стоитъ дѣло — мы будемъ стрѣляться; но какъ философы, какъ люди повыше предразсудковъ — такъ, чтобы и волки были сыты и бараны цѣлы. Послушайте меня, примолвилъ онъ тихо, отводя меня въ сторону: я знаю, что я не совсемъ правъ; но развѣ и вы не виноваты?... Вы можете принять, что я говорилъ о васъ заочно, а заочно и про царей говорятъ!... я съ своей стороны будто не слыхалъ чего-то рѣзкаго, вами въ лице мнѣ сказаннаго. Сдѣлаемтесь же, какъ многіе сдѣлываются. Выстрѣлимъ другъ въ друга, но такъ, въ сторону, мимо, понимаете? Объ этомъ никто не будетъ знать: можно надуть даже самихъ секундантовъ. Послѣ выстрѣла, я попрошу у васъ извиненія — и дѣло въ шляпѣ, и шляпы на головахъ. Послѣ всѣ станутъ кричать: вотъ истинно храбрые, благородные люди: одинъ умѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ, а другой остановиться въ пору. Конечно я могъ бы попросить извиненія и раньше; но извиняться передъ дуломъ пистолета — это какъ-

то нейдеть, не водится; пожалуй, иной зло-словникъ скажетъ, будто я струсилъ — а я дорого цѣню свою честь! . . . И такъ — по рукамъ, любезный капитанъ!

Не можешь себѣ вообразить, какое глубокое презрѣніе почувствовалъ я, видя столь безстыдное хвастовство, прикрывающее столь разсчетливое униженіе; и въ комъ же? въ человѣкѣ, который по привычкѣ, если не по духу, долженъ быть храбрымъ, или по крайней мѣрѣ для мундира, если не для лица — храбрымъ казаться! Не могу вѣрить, говорилъ маркизъ Граммонъ, чтобы Богъ любилъ глупыхъ. Не хочу вѣрить, говорю я, чтобы женщина могла любить, а мужчина уважать труса. Я такъ взглянулъ на него, что онъ потупилъ глаза и покраснѣлъ до ушей. Не сказавъ ни слова, указалъ я ему на секундантовъ: они приближались съ готовыми пистолетами; мы сбросили плащи, и стали на 30 шаговъ другъ отъ друга, каждому оставалось пройти по двѣнадцати до средняго барьера. Маршъ.

У меня секундатомъ былъ одинъ гвардеецъ, премилый малый и прелихой рубака . . . Въ дуэляхъ классикъ и педантъ, онъ проводилъ въ Елисейскія поля и въ клинику не одного, какъ другъ и недругъ. Онъ далъ мнѣ до-

брые совѣты, и я воспользовался ими, какъ не лѣзя лучше. Я пошелъ быстрыми, широкими шагами на встрѣчу, не поднявъ даже пистолета; я сталъ на мѣсто, а противникъ мой былъ еще въ полудорогѣ. Всѣ выгоды перешли тогда на мою сторону: я преспокойно цѣлилъ въ него, а онъ долженъ былъ стрѣлять на ходу. Онъ понялъ это и смутился: на лицѣ его написано было, что дуло моего пистолета показалось ему шире Кремлевской пушки, что оно готово проглотить его цѣлкомъ. Со всѣмъ тѣмъ стрѣлокъ по ласточкамъ хотѣлъ предупредить меня, заторопился, спустилъ курокъ — пуля свиснула — и мимо. Надо было видѣть тогда лице моего героя. Оно вытянулось до пятой пуговицы. — Прощу на барьеръ! сказалъ я ему — онъ не слышалъ, онъ стоялъ, какъ алебастровый истуканъ. Наконецъ секунданты подвели его къ барьеру; и такъ силенъ предразсудокъ надъ духомъ, не только умомъ слабыхъ людей, что онъ выискалъ въ стыдѣ замѣну храбрости, и принудилъ себя улыбнуться въ тотъ мигъ, когда бы со слезами готовъ былъ спрятаться въ кротовую норку, придавленную его пятою. Секундантъ съ дипломатическою точностію поставилъ его бокомъ, съ пистолетомъ, поднятымъ отвѣсно противъ глаза, для того,

говорилъ онъ, чтобы по возможности закрыть рукою бокъ, а оружіемъ голову, хоть прятаться отъ пули подъ ложу пистолета по мнѣ, одно, что отъ дождя подъ бороной. Это плохое утѣшеніе для человѣка, по которомъ цѣлать на пяти шагахъ, и какъ ни вытягивался противникъ мой, чтобы наименѣе представить площади пулѣ, но если бъ онъ превратился даже въ астрономическій меридіанъ, все еще оставалось довольно мѣста, чтобы отправить его верхомъ на пулѣ въ безъизвѣстную экспедицію. Я два раза подымалъ пистолетъ и два раза опускалъ его поправить кремень, наслаждаясь между тѣмъ страхомъ хвастуна; наконецъ мнѣ стало жаль его, или прямѣе сказать, онъ сталъ мнѣ такъ презрителенъ, что я подумалъ: для такихъ ли душъ изобрѣталъ порохъ Бартольдъ-Шварцъ, а Лепажъ тратилъ свое искусство? — отворотился и выпалилъ на воздухъ. Противникъ мой чуть не запрыгалъ отъ радости и схватилъ бы меня за руку, если бъ я не спряталъ ее въ карманъ.

— Господа! сказалъ онъ, обращаясь къ секундантамъ: теперь, выдержавъ выстрѣлъ (ему слѣдовало сказать: выслушавъ выстрѣлъ), я долгомъ считаю просить у моего противника извиненія . . . т. е. прощенія, примолвилъ онъ, замѣтивъ, что мой секундантъ принялъ

ся снова заряжать пистолеты . . . Я былъ точно виновать предъ нимъ — довольны ли вы этимъ ? Что жъ до меня касается , то отнынѣ я стану говорить всѣмъ и каждому, что г. Правинъ самый храбрый и благородный офицеръ.

— Жалѣю, что не могу отплатить вамъ тѣмъ же , сказалъ я своему противнику. Господа ! благодарю васъ . . . прощайте !

— Лихо ! — сказалъ мой секундантъ , влѣзая за мной въ карету — она помчалась въ городъ.»

С. Петербургъ.

Отъ того же, къ тому же.

Два дня спустя.

Въ Кронштатъ.

«Перевяжи узломъ мой брейтъ-вымпель, любезный другъ, опусти его въ полстеньги, вели пѣть за упокой моего разсудка — приказалъ онъ долго жить! Его стоитъ выкинуть теперь за бортъ, какъ пустую бутылку. Да и какая бы голова устояла противъ электрической батареи княгини Вѣры? До сихъ поръ мнѣ казалось, что привязанность моя къ ней — одна шалость; теперь я чувствую, что въ ней судьба моей жизни — въ ней сама жизнь моя. Сначала въ воображеніи моемъ любовные узлы путались со снастями; еще фрегатъ нашъ заслонялъ порой милый образъ своими ли-

селями*, и бурное море оспаривало владычество у любви; теперь же все соединилось, слилось, исчезло въ княгинѣ; не могу ничѣмъ запяться, ничего вообразить, кромѣ ея: всѣ мои мечты, всѣ страсти мои скипѣлись въ три магическія буквы: *она*. Это весь мой міръ, вся моя исторія. Но что я рассказываю, но кому говорю я! Можетъ ли безстрастный человекъ постичь меня, когда я самъ себя не понимаю! Можешь ли ты, со своимъ мѣднымъ секстаномъ, со своими вычисленіями безконечно малыхъ, охватить это новое, лишь сердцу доступное небо, опредѣлить быстроту и путь этой рѣющей по немъ кометы! По крайней мѣрѣ ты можешь пожалѣть меня, своего друга — меня, который не завидуетъ ничему въ обѣихъ жизняхъ: ни вѣнку генія на землѣ, ни крыльямъ серафимовъ въ небѣ, ничему, кромѣ взаимности Вѣры. О! если бѣ ты видѣлъ теперь мое сердце, и если бѣ ты былъ способенъ къ поэзіи, ты бы сравнилъ его съ Мильтоновымъ эмпиреемъ, оглашеннымъ битвою ангеловъ съ демонами!... оно — да нѣтъ у меня словъ выразить, что такое переполняетъ, волнуется, взрываетъ его!! Можетъ ли сказать какой нибудь путешественникъ-ден-

* Паруса, съ боку другихъ поднимаемые.

ди, скрывя табакеркою, выточенной изъ лавы: — я знаю, что такое лава! Вотъ мое писъмо — вотъ мое сердце. Не станемъ же переводить высокое на смѣшное, не станемъ точить игрушекъ изъ молніи. Но могу ли не говорить о ней, когда о ней одной могу я думать! Очень знаю, что мое болтанье для тебя несноснѣе штиля, скучнѣе расходной тетради офицерскаго стола, гдѣ всѣ страницы испещрены ризмами: водки, селедки, шпеку свинаго, уксусу реисковаго, и тому подобными — но если ты не хочешь, чтобы другъ твой задохнулся отъ сердечнаго угара, то читай волей и неволею, что я неволею пишу.

Въ самый день моего глупаго поединка, я поскакалъ къ княгинѣ, не смотря ни на какія приличія. Миѣ хотѣлось показать ей, что я живъ, что я не трусь, ибо мысль показаться трусомъ въ глазахъ всякой женщины, была бы для меня нестерпима, а въ ея глазахъ вовсе убійственна. Колокольчикъ прозвенѣлъ. — Княгиня въ саду — княгиня изволить прогуливаться. — Съ кѣмъ? — Одна-съ! Бросаюсь туда опрометью; сердце бьетъ рынду*, замѣчаю ее на траверзѣ** и прямо прыгаю къ

* Сплошной звонъ колокола, обыкновенно въ полдень.

** Т. е. съ боку.

ней на перерѣзъ, черезъ цвѣтникъ; встрѣчаюсь — и что жъ? останавливаюсь передъ ней безъ словъ, безъ дыханія... въ глазахъ у меня кружилась огненная мять, а языкъ будто растаялъ. Бездѣльная опасность протекла между нами, какъ долгія лѣта разлуки, и уже сколькими чувствами надо было подѣлиться, сколько промѣнять разсказовъ! Я былъ такъ радъ, и такъ смущенъ, что забылъ скинуть шляпу. Хорошъ былъ я, нечего сказать; зато и она была не лучше. Румянецъ пропалъ и выступалъ на бѣлизнѣ ея щекъ попеременно; она протянула на встрѣчу ко мнѣ руки, она готова была вскрикнуть отъ изумленія, заплакать отъ радости — да, да, отъ радости! Это не была мечта самолюбія. Сладостна, неизъяснимо сладостна была для меня эта нѣмая сцена; отрадно это лице, горящее ко мнѣ участіемъ — и все исчезло въ мигъ, подобно туману, который принимаешь иногда за берегъ: дунетъ вѣтеръ и спохнетъ обѣтованную землю!

Княгиня оправилась; ни какого выраженія, кромѣ обыкновеннаго участія, не осталось на ея лицѣ. Боже мой, что за хамелеонъ свѣтская женщина!

— Какъ я рада васъ видѣть здоровымъ и невредимымъ, капитанъ, сказала она мнѣ. Ска-

жите скорѣй, какъ вы кончили вашу ссору съ N. N.! гдѣ онъ? что съ нимъ случилось? —

— Я оставилъ его на мѣстѣ — былъ отвѣтъ мой: я былъ уколотъ ея участіемъ къ моему противнику.

— Богъ мой! вы убили его! вскричала княгиня.

— Успокойтесь, княгиня, онъ будетъ долготѣнъ на землѣ. Я оставилъ его здоровѣе, чѣмъ прежде поединка.

— Но за то сами стали менѣе прежняго добры: вы испугали меня. Сколько раскаянія дали бы вы самому себѣ, сколько слезъ роднымъ, если бъ его убили! Повѣрите ли, что я вчужѣ не спала цѣлую ночь: мнѣ все представлялись кровавыя сцены поединка и страшныя слѣдствія его для васъ.

— Цѣною вашего сожалѣнія, княгиня, готовъ бы я купить самое злѣйшее несчастье и, что еще болѣе, не роптать на него. Но не только участіе, ваше мнѣніе цѣню я такъ высоко, что поспѣшилъ сюда нарочно: рассказать, какъ было у насъ дѣло. Я уже довольно знаю свѣтъ, и увѣрился, что онъ злобно осуждаетъ дерзающихъ вступить въ завѣтный кругъ его — я хочу предупредить толки злорѣчія. Пусть другіе говорятъ обо мнѣ, что угодно, лишь

бы вы, княгиня, лишь бы вы одинъ худо обо мнѣ не думали.

Я разсказалъ ей дуэль нашу. Я кончилъ.... она молчала въ глазахъ ея, обращенныхъ къ небу, блистали двѣ слезы, лице горѣло умиленіемъ; какое-то нектарное пламя протекло, облило мое сердце я самъ готовъ былъ плакать, Богъ знаетъ отъ чего; я жаждалъ упасть къ ногамъ ея, распасться въ прахъ у милыхъ ногъ; я не дерзалъ и думать цѣловать ихъ; мнѣ довольно было бы прильнуть устами къ слѣду ея стопы, къ краю ея платья — и я не смѣлъ того! я былъ уже слишкомъ счастливъ ея присутствіемъ, слишкомъ несчастливъ моими желаніями, я былъ просто безуменъ, другъ мой! Но за этотъ припадокъ сумасшествія я бы отдалъ всю мудрость вѣковъ и все собственное благоразуміе! Къ намъ приближались. Княгиня встала, закрыла на мигъ рукою глаза, и потомъ, краснѣя, приподняла ихъ.

— Вы не будете впередъ играть такъ своею жизнію, сказала она я требую этого, обѣщайте мнѣ это.

— Вы заставите меня любить жизнь, отвѣчалъ я, вы я не сумѣлъ сказать ничего лучше; я не смѣлъ сказать ничего болѣе. — То-то простакъ! скажетъ какой ни-

будь Ловласъ: потерять такую драгоценную
для признанія минуту?

.... — Пусть такъ.... минута эта была потеря-
на для любви, но не для сердца.... глаза
наши встрѣтились — о, она меня любитъ, она
любитъ меня !!!

С. Петербургъ.

II.

Frailty — thy name is — woman!

Shakespeare.

Въ кругу молодыхъ повѣсь и полустарыхъ Петербургскихъ степенниковъ, всѣхъ болѣе понравился Правину бывшій секундантъ его, ротмистръ Границынъ. Какъ представитель нашего военнаго дворянства, онъ стоилъ изученія, потому, что крайности рисовались на его нравѣ рѣзкими чертами. Правинъ нашелъ въ немъ и болѣе и менѣе нежели ожидалъ. Богатъ, и въ долгахъ по маковку, и за рѣдкость съ рублемъ въ карманѣ. Умень, и вѣчно дѣлалъ одиѣ глупости. Вольнодумецъ, и третей въ переднихъ безъ всякой цѣли. Надо всеѣмъ смѣется, а не смѣетъ ничѣмъ пренебречь; всѣхъ презираетъ, и всѣ имъ помыкають.

Храбрѣйшій офицеръ, и не имѣеть довольно смѣлости, чтобы иному мерзавцу сказать *нѣтъ*! Благороденъ въ душѣ, и краснѣя бывалъ употребленъ на недостойныя порученія, участвовалъ въ постыдныхъ шалостяхъ; однимъ словомъ: *человѣкъ безъ воли*. Существо, которое въ свѣтской книгѣ животныхъ значится подъ именемъ: *добрый малой и лихой малой* названіе самаго эластическаго достоинства, какъ резиновые корсеты: оно для неразборчиваго нашего племени заключаетъ въ себѣ всякую всячину, начиная съ людей истинно благородныхъ и отличныхъ, до игрока, поддерживающаго карты, и виртуоза, подслушивающаго у дверей — терпимость истинно христіанская, достойная подражанія. Пускай себѣ воятъ Французы да Англичане со своимъ общимъ мнѣніемъ: мы и безъ этого рогаля живемъ припѣваячи.

Совсѣмъ тѣмъ любопытно, если не пріятно бывало разсидѣть съ нимъ вечеръ иль присосѣдиться къ нему за обѣдомъ. Гдѣ не былъ, чего не видалъ онъ? Хотя по привычкѣ онъ большую часть жизни промаячилъ съ пустѣйшими людьми, но онъ могъ цѣнить живой умъ въ другихъ, и *служаеми* читывалъ дѣльныя книги. Къ привязчивому, чтобъ не сказать наблюдательному духу отъ природы, прижилъ

онъ невольную опытность. Онъ не даромъ проѣлъ съ пріятелями свое имѣнье; не даромъ отдалъ женщинамъ свою молодость. Отъ обоихъ осталась у него пустота въ карманѣ и душѣ — а на умѣ ѣдкій окисель свинцовой истины. Имъ-то посыналъ онъ щедрою рукою все свои анекдоты о походныхъ проказахъ, все розказни о столичныхъ сплетняхъ. Къ чести Границына прибавить надобно, что онъ былъ самый откровенный болтунъ и самый безкорыстный злоязычникъ. За душой у него не схоронится, бывало, ни похвала врагу, ни насмѣшка пріятелю, и часомъ онъ безпощадно смѣялся надъ самимъ собою. Иной бы сказалъ: это апостолъ правды, другой бы назвалъ его кающимся грѣшникомъ; третій произвелъ бы въ Ювеналы — бичеватели пороковъ! Онъ не былъ ни то, ни другое, ни третье. Не хотѣлъ онъ самъ исправляться, не думалъ исправлять ближнихъ, за то не думалъ и вредить имъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что тамъ, гдѣ цѣнится лишь наружность добродѣтелей, не укоръ скрытые пороки; а потому злословіе есть лишь гальваническое средство пробуждать смѣхъ въ притупленныхъ сердцахъ. Этимъ исполнялъ онъ невольно наклонность нашего времени: разрушать все нелѣпое и все священное старины: предразсудки

и разсужденія, повѣрья и вѣру. Вѣкъ нашъ истинный Діогенъ: надо всѣмъ издѣвается. Онъ катилъ бочку свою по распутіямъ всѣхъ странъ, давая ея цвѣты и грибы безъ различія. Не заслоняй солнца, не отнимай того, чего дать не можешь, гордо говоритъ онъ Македонскому донъ Кихоту, и потомъ освистываетъ Платоново безсмертіе, и потомъ съ циническимъ безстыдствомъ хвастаетъ своею наготою. Люди нынѣ не потому презираютъ собратій, что себя высоко цѣнятъ; напротивъ потому, что и къ самимъ себѣ потеряли уваженіе. Мы достигли до точки замерзанія въ нравственности: не вѣримъ ни одной доблести, не дивимся ни какому пороку. Но, слава Богу, не всѣ таковы. Есть еще избранные небомъ, или сохраненные случаемъ смертные, которые уберегли или согрѣли на сердцѣ своемъ дѣвственныя понятія о челоуѣчествѣ и свѣтѣ. Издали жизнь имъ кажется завѣтнымъ садомъ, и они съ нензъяснимымъ любопытствомъ читаютъ на воротахъ Дантову надпись: *Pér me si va nella citta dolente!* и думаютъ: какъ жаль, что я не знаю по-Итальянски: я бы разгадалъ эту заманчивую загадку.

Таковъ былъ Правиль. Изъ корпуса онъ перешелъ на палубу, и какъ прежде каменная стѣна граничала его ребяческій міръ, теперь

его міромъ сталъ безграничный океанъ. Онъ хорошо узналъ нравъ моря, но гдѣ могъ узнать характеръ людей? Знакомо ему стало лице неба: по малѣйшему его румянцу, по малѣйшей морщинкѣ облачной предугадывалъ, предсказывалъ онъ всѣ прихоти погоды — по лице женщины о, это на каждой минутѣ приводило его въ замѣшательство, ставило въ тупикъ. Какое-то темное, но вѣрное чутье говорило ему, не вѣрь и половинѣ того, что говорятъ и выказываютъ люди, но вотъ вопросъ: которой половинѣ не вѣрить? Явившись въ свѣтъ съ твердымъ сомнѣніемъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть на сторожѣ отъ всѣхъ и отъ всего, таялъ онъ отъ перваго, казалось, душой затепленнаго взора; готовъ былъ отдать послѣднюю пуговицу, не только денежку, за квакерское пожатіе руки. Зная страсти и обязанности только по слуху или изъ рѣдкихъ романовъ, имъ читанныхъ, онъ загорѣлся любовью какъ отъ молніи, предался ей какъ дикарь, несвязанный ни какими отношеніями. Океанъ взлелѣялъ и сохранилъ его дѣвственное сердце, какъ многоцѣнную перлу — и его-то, за милый взглядъ, бросилъ онъ, подобно Клеопатрѣ, въ укусъ страсти. Оно должно было распуститься въ немъ, все, все безъ остатка. Слѣдя свою

звѣзду-княгиню повсюду, онъ не могъ уже снести уединенія, которое прежде было ему такъ сладостно; уединеніе стало ему одиночествомъ, и онъ кинулся въ разсѣяніе. Быть съ нею или не быть съ собой: вотъ мысль, которая овладѣла имъ, и онъ началъ посѣщать гульбища, театры, гостиницы.

Въ одинъ изъ такихъ дней онъ сошелся, въ одномъ изъ лучшихъ трактировъ столицы, съ ротмистромъ Границынымъ. — А, дружище! Съли за обѣдъ рядомъ; слово за слово, бокаль за бокаломъ — языки разгулялись, и сердца зашипѣли, словно шампанское. — За Балканъ, за Саганлугъ! за Варну, за Ахалцыхъ! — за счастье Россіи, за славу Царя! Было тогда чѣмъ пить, было и за что пить.

— Ну, теперь чередъ за женщинъ, за прекрасныхъ Петербургскихъ дамъ! сказалъ Границынь Правину. Не знаю, право, почему, только ископи, гдѣ слава, тутъ приплетаются и дамы: уже не за тѣмъ ли развѣ, что сама слава — женщина? И такъ: *pro teterrima causa omnis belli**! Я страхъ люблю этотъ Англійскій тостъ: *I like the women too, forgive my folly***, какъ говоритъ Байронъ. *Amour aux*

* За сокрытую причину каждой войны.

** Охотникъ я и до женщинъ — простите мнѣ эту глупость.

dames, honneur aux braves *! Чортъ меня возьми! Шампанское славный самоучитель: оно свой языкъ вяжетъ, а чужимъ учить!... Я право скоро стану язычникомъ, какъ Іосифъ Сенковскій... Алла верды **! Пей же скорее, amico diletto, шампанское выдыхается такъ же скоро, какъ и добродѣтель женщины! —

— Ты опять припаялся за свою старую пѣсню, несецѣлимый грѣшникъ, отвѣчалъ Правинъ, осушая бокалъ до капли. Видно, братъ, укололся шипами, а бранишь розы.

— Шипами! шипами строгости, не-бось? Ха, ха, ха! да ты презабавный чудакъ, mon cher: ты своимъ простодушіемъ не испортилъ бы ни одной классической комедіи, въ которой всѣ ваши братья моряки одного набора и одного разбора. Клянутся громомъ да молніей, и пьютъ пуши въ прикуску со здоровымъ смысломъ. Шипы у тафтяныхъ розъ! ха, ха, ха! да этакихъ диковинокъ не показывалъ въ Петербургѣ самъ Пинетти. Впрочемъ, не думай, пожалуйста, будто я хочу хвастать тебѣ побѣдами, какъ пѣхотный подпоручикъ, и божиться по Кіевскимъ святцамъ, что нѣтъ такой дамы, которая бѣ устояла противъ огня стальныхъ моихъ очковъ и гар-

* Любовь дамамъ, честь храбрымъ.

** Боез далз! заздравное восклицаніе мусульманъ.

моніи серебряныхъ шпоръ!! Удача съ одной стороны — прихоть, съ другой — случай, и если мнѣ подъ часъ доставалось вѣеромъ по пальцамъ, изъ этого слѣдуетъ только, что я не былъ счастливъ, не то, что онѣ были неприступны.

— Границынь! помни, что униженіе паче гордости!

— Испытай самъ, увидишь. Стоитъ тебѣ разъ попасть въ оглашенные съ какою нибудь модницею, такъ расхватятъ по пуговкамъ. Въ этомъ, правда, чаще всего удается дуракамъ; но вѣдь у тебя, слава Богу, на лбу не написано: *здѣсь живетъ разумъ!* Притомъ же морякъ въ обществѣ рѣдкость и новинка. Иная красавица возьметъ тебя изъ любопытства, чтобъ увѣриться, не кусаешься ли ты. Другая, чтобъ похвастать любезнымъ земноводнымъ, котораго надобно держать на розовой ленточкѣ, чтобы не юркнулъ въ воду. Не теряй поры, Правиль: я предсказываю тебѣ легкія побѣды! . . .

— Та бѣда, что я до легкихъ побѣдъ не охотникъ.

— Бери вещи, какъ онѣ плывутъ, а не какъ издали кажутся . . . Намъ не перестроить на свой ладъ свѣта; пристроимся же мы къ его ладу. Да и правду сказать, для меня

смѣшна эта рыцарская любовь, которая чахла
глазѣя на окошко своей Дульциней. Богъ со-
здалъ міръ и человѣка въ шесть дней, а мы
станемъ любить вѣчно! это что за извѣстіе!
Любовь весна сердца — но у весны много
цвѣтовъ . . . рви же розы и ландыши. Хо-
рошо бордо въ полѣ-обѣда, но теперь лучше
эперне . . . посмотри на эту пѣну; это свѣт-
ская любовь, *mon cher* — она рѣзва и сладо-
стна, но она мгновенна — пей ее на полету!
— Я не понимаю тебя, Границынъ. Ты
подчиваешь меня свѣтскими радостями, какъ
будто бы онѣ у тебя въ погребу, какъ будто
бъ мнѣ стоитъ только ототкнуть пробку, чтобъ
онѣ полились рѣкою.
— Славно, милый; право, славно! въ тебѣ
будетъ прокъ. Сперва у тебя не было и охо-
ты, а теперь ужъ не достаетъ только возмож-
ности. Вотъ тебѣ правило: смѣлость беретъ
города . . . Я увѣренъ, что тебѣ недолго по-
ситься съ пустымъ сердцемъ, какъ съ сумою
по міру . . . Столичные дамы такія добрыя,
такія чувствительныя, а ты такъ свѣжъ и за-
нимателенъ, что грѣхъ заставить вздыхать по-
напрасну.
— И ты говоришь о подобныхъ связахъ
такъ легко и равнодушно, будто о трюфе-
ляхъ . . .

— Да неужели ты думаешь, что онъ для моднаго свѣта важнѣе, чѣмъ трюфели? Разу-вѣрься, mon ami! Наше воспитаніе обстригло у страстей ногти, и потому онъ мало опасенъ. Дѣвушки у насъ разсчетливы на жениховъ; дамы осторожны съ любовниками; ни тѣ, ни другія не захотятъ себя компрометтировать; но разогни у послѣднихъ молитвенникъ — и ты увидишь науку любить въ переплетѣ подъ крестами. Да я ихъ за то и не виню. Откро-венно говоря, смѣхъ и горе, какъ у насъ совершаются свадьбы! Мы торопимся жить, а жениться опаздываемъ: всякой хочетъ добыть-ся до штабскихъ или генеральскихъ эполетовъ, чтобы дороже перепродать ихъ по рядной за-писи. Невѣста идетъ въ придачу къ прида-ному, а какъ сочтутся на дѣлѣ: смотришь, у невѣсты недочетъ душъ, у жениха даже тѣла. И вотъ нашъ его высокоблагородіе или его превосходительство, которому уже въ 17 лѣтъ не за чѣмъ было ѣздить въ Египетъ за раз-гадкою таинствъ природы — изволилъ женить-ся. Жена у него профессоръ туалетнаго ис-кусства. Рукава пуфъ съ новоизобрѣтеннымъ механизмомъ; носки башмаковъ тупѣе ума графа Сивича! шаль продѣнь сквозь кольцо — но врядъ ли саму ее вдѣнешь въ ухо. Она скачетъ верхомъ и стрѣляетъ въ летъ; она

играетъ и поетъ, только пѣсни ея не всегда подъ голосъ мужа. Хороша ли, пѣтъ ли она собой, но она молода, она желаетъ правиться и наслаждаться, она умѣетъ спрягать глаголь *я хожу*, не хуже г-жи Линьель; а что находить она въ благовѣрномъ своемъ супругѣ? Подъ сукномъ, да ватою — завернутый фланелью барометръ, наполненный сладкою ртутью. Находить усталаго, чахлаго человѣка, который по утрамъ кашляетъ, цѣлый день зѣваетъ, и каждый вечеръ скучаетъ или докучаетъ. День денской онъ на службѣ, а ночь въ гостяхъ: или играетъ до утреннихъ пѣтуховъ, или хочетъ побѣдить питуховъ за бокаломъ; онъ весь вѣкъ будто маятникъ между бутылкой бургонскаго и стеклянкой съ лекарствомъ. Хорошо еще, если онъ не отправляется тратить случайную искру веселости и здоровья съ какой нибудь актрисой. Таковы, братъ, всѣ мы гуси: чего же тутъ ждать добраго! Жена по неволѣ станетъ бѣгать изъ дома: тамъ пахнетъ пустотою! Кончается тѣмъ, что домъ ея будетъ въ ложѣ 1-го яруса, отечество въ Англійскомъ магазинѣ, а рай — на балу. . . . Глядь . . . молодежь увивается около ней, словно хмѣль, и вотъ какой нибудь краснощекій франтикъ приглянулся ей болѣе другихъ. Разсыпается онъ въ объясне-

ніяхъ мелкимъ бѣсомъ — на счетъ ума наши дамы не прихотливы, и если запоздаетъ почта изъ Парижа, принимаютъ и вывороченныя доморощенныя пѣжности. Клянется онъ такъ, что вѣдьмы крестятся отъ ужаса, и не рѣдко, проигравши и прогулявши всю ночь на пролетъ, увѣряетъ, что блѣденъ съ отчаянія отъ ея жестокости. Она, разумѣется, ничему этому не вѣритъ, но съ должнымъ для чиновной дамы приличіемъ, съ ноги на ногу идетъ на встрѣчу къ обману, для того, чтобъ при случаѣ броситься въ кресла, закрыть платкомъ глаза, и сказать — вы, сударь, камень, вы, сударь, ледъ — вы злодѣй, вы меня обольстили! Ну долго ли до бѣды! хоть бѣды въ томъ я никакой не вижу. А Мефистофель тутъ какъ тутъ съ своимъ носомъ. Онъ, скаля зубы, уже готовить его превосходительству рожки самой лучшей работы — точеные и позолоченные.

— Ты клеветашь, вскричалъ Правинъ: ты сочиняешь изъ головы злые пасквили на общество. Я недавно трусь между вами, однако же не замѣтилъ и тѣни, не только слѣда того разврата въ нравахъ, какой ты проповѣдуешь. Миѣ кажется, напротивъ, Петербургскія дамы черезъ-чуръ щекотливы и недоступны.

— Нѣтъ, mon cher! вскричалъ проказникъ Границыиъ, поперхнувшись отъ смѣха : — ты изъ рукъ вопъ ! Ужъ не служилъ ли ты, полно, подъ командою перваго адмирала Ноя, гардемаринномъ ? Съ твоею допотопною простотою не уйдешь ты у женщинъ далѣе гостинной : я тебѣ пророчу это. Вѣрить щекотливости и недоступности здѣшнихъ дамъ — такъ вѣрить всякой эпитафiи. Правда, Потемкинскiй вѣкъ миновалъ для любовниковъ, но не для любви. Теперь дама не краснѣетъ прiѣхать на балъ съ мужемъ, или поцѣловать его въ лобъ при многихъ, а съ кавалеромъ-сервенте своимъ говорить о разводахъ, о семипольномъ засѣвѣ и о Викторѣ Гюго. Но утѣшься, милый : Купидонъ возьметъ свое. Она знаетъ, что хромоногiй бѣсъ не сниметъ кровли съ ея будуара ; — что замокъ ея спальни, чуть тронутый, паигрываетъ «réveillez-vous, belle endormie,» и что нескромный взоръ не упадетъ на трюмо, передъ которымъ она примѣриваетъ или поправляетъ пелеринку у своей marchande de modes. Благодаря Европейскому просвѣщенiю и столичному удобству, у насъ всѣ репутации такъ же круглы и бѣлы, какъ бильярдные шары — по какому бы сукну онѣ ни катились. —
Доброе, чистое сердце Шравица сжалось,

внимая этой холодной повѣсти о порокахъ общества, украшенныхъ столь блестящею личною смиренства.

— Въ самомъ дѣлѣ, молвилъ онъ съ горькою улыбкою: я зналъ не болѣе устрицы о правахъ свѣта въ корабль своемъ! Я постигаю въ женщинѣ слабость; могу представить, что страсть можетъ увлечь ее; но помѣститъ въ свою голову мысль объ этомъ глубокомъ, разсчетливомъ, безстрастномъ развратѣ, — это выше силъ моихъ! Я видѣлъ въ Турціи одну баядерку: она вынула изъ-подъ подушки своей вѣски, и медленно взвѣшивала предлагаемые ей червонцы, надбавляя цѣны, глядя въ очи путника. Не такъ ли взвѣшиваютъ твои дамы сердечную забаву, бросая въ другую чашку возможность скрыть ее! Онѣ берутъ оброкъ и съ титула добродѣтели — уваженіемъ, и съ сущности порока — наслажденіями. О свѣтъ, свѣтъ! ты даже изъ самой невинности дѣлаешь новый порокъ, заставляя порочныхъ быть самозванцами, и скрываться подъ краденнымъ у тебя платьемъ!

— Ты напрасно горячишься, возразилъ ротмистръ. Лицемеріе есть невольная дань правдивости — а всякая дань узда. Нерѣдко знатныя дамы обязаны сохраненіемъ своего имени безъ пятна, мелочному разсчету не запят-

нать своего платья, и я увѣренъ, что китовые усы въ старину сохранили болѣе браковъ, чѣмъ въ наше время разорвали ихъ гусарскіе усы. Пускай же плетутъ пустые люди кружева изъ песку, называемыя модою; пускай себѣ старушки въ чепцахъ, и фракахъ съ важно-стію разсуждаютъ о лучшемъ способѣ чихать за обѣдней и кланяться на выходахъ: безъ этихъ вздоровъ лучшее общество сгнило бы, какъ Прѣсенскіе пруды. Не бывать въ лохани бурѣ, такъ ему надобно мутовка. Впрочемъ: будемъ безпристрастны, *mon cher*. Слова нѣтъ, свѣтъ очень развратенъ, но совершенства, слава Богу, нѣтъ и въ этомъ. Природа великое дѣло. Она хоть и не смѣетъ горланить въ гостиной, какъ въ трагедіи, но въ тиши кабинета обращаетъ въ свою вѣру многихъ. Бываетъ, что связь, начатая минутною прихотью, очищаетъ огнемъ своимъ сердца и переливается въ долгую, безкорыстную страсть, готовую на все жертвы, выкупающую все заблужденія, страсть, которая бы сдѣлала честь любому рыцарю среднихъ вѣковъ и любому человѣку во всехъ вѣкахъ. Я, не вѣрующій ни въ невинность мужчинъ, ни въ вѣрность женъ — я самъ . . .

Границынъ глубоко вздохнулъ и умолкъ въ раздумьѣ . . . передъ его очами носились образы милые, но укорительные . . .

— Да, молвилъ онъ печально про себя — да, я ее не стоилъ! . . .

— Послушай, Границынъ, мнѣ жаль тебя, съ чувствомъ сказалъ Правинъ — и я не могу понять, какъ, проповѣдуя противъ пороковъ не хуже Саллюстія, ты пляшешь по дудкѣ, не говорю ужъ какъ Саллюстій, но какъ Репетилловъ въ Горе отъ ума!

— Таковы всѣ мы, рожденные на границѣ двухъ вѣковъ, милый мой; XVIII-й насъ тянетъ за ноги къ землѣ, а XIX-й за уши къверху. Не разберешь, право, что мы такое? ни рыба, ни мясо, ни Европа, ни Азія. На прошлое мы недоумки, въ настоящемъ недоросли, а въ будущемъ недовѣрки, чуть ли не Spottgeburt aus Dreck und Feuer.* Животнымъ привычкамъ нашимъ любо валаться въ грязи-матушкѣ; но умъ ужъ проснулся; умъ проситъ поѣсть и хочетъ разгрызть орѣхъ современнаго просвѣщенія, да жалуется, что у него болятъ зубы отъ свекольнаго сахару.

Правинъ былъ недоволенъ оборотомъ разговора. Макиавель и Купидонъ заклятые враги другъ друга. Ему хотѣлось получше извѣдать море, называемое женщиною; а когда онъ думалъ о женщинахъ вообще, это значило, что

* Выродки брѣнія и огня. Гете.

онъ разумѣлъ въ особенности княгиню Вѣру. И вотъ онъ искусно свелъ разговоръ на прежнее.

— Неужели, сказалъ онъ Границыну, возвращеніе столичное такъ всеобщее? Неужели не пайти дамы, на чье доброе имя, какъ на этотъ хрустальный бокалъ, не всполети ни одному червяку злословія?

— Я не оберъ-полицеймейстеръ, милый другъ; мнѣ вѣдь не подають списковъ о числѣ рогатаго племени въ столицѣ. Буало насчиталъ въ Парижѣ до двухъ Лукрецій; Пушкинъ въ цѣлой Россіи не находитъ трехъ паръ стройныхъ ножекъ — я принимаю то и другое за клевету, и хотя суровыя сердца должны быть рѣже, нежели маленькіе слѣдки, со всѣмъ тѣмъ я въ самомъ Петербургѣ назову тебѣ болѣе дюжины вѣрныхъ супруговъ.

— И вѣрно въ числѣ ихъ помѣстишь жену Милона Ильича Н. и княгиню Вѣру, жену князя **?

Произнося, однакожь, послѣднее имя, Правинъ покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Первая любовь не можетъ равнодушно слышать любимаго имени, не можетъ безъ змѣшательства произнести его.

— Про первую ничего не скажу, и этого ужъ довольно къ ея чести, а другая, Москов-

ская звѣздочка — гмъ! она такъ недавно блеснула на Петербургскомъ горизонтѣ . . . она еще въ медовыхъ мѣсяцахъ супружества — гдѣ ей просвѣтиться! гдѣ успѣть злословію подстеречь ее, если бъ что и было?

Лице Павлина прояснѣло.

— Если бъ что и было! молвилъ онъ . . .
Никогда и ничего не можетъ быть.

— Ты не членъ ли страхового общества, Павлинъ? насмѣшливо возразилъ ротмистръ. Смотри, другъ — обанкрутишься, если принимаешь на поруки такія ломкія вещи. Важное слово *нѣтъ*, а не *можетъ быть* еще важнѣе. Постои-ка, дай Богъ памяти . . . княгиня Вѣра? . . . гмъ!! князь Петръ! . . . онъ толстъ и простъ, она красавица и мечтательница . . . скорѣе соединишь масло съ шампанскимъ! . . . ну, я раскину словно на картахъ . . . между ними улегся какой-то червонный валетъ — это дипломатъ — поэтъ, кудрявый архивариусъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Этотъ поэтъ ищетъ себѣ на прокатъ вдохновенія и пожаловалъ, кажется, княгиню въ музы. Слепой развѣ не замѣтитъ, какъ увивается онъ около ней, какъ оборачивается слѣдомъ за нею, будто подсолпечникъ. Куда бы княгиня ни явилась, онъ какъ грибокъ изъ-подъ земли вырастаетъ; ни дать, ни взять, сказочный сив-

ка-бурка, вѣщій каурка. На балѣ у Австрійскаго посланника онъ напѣвалъ ей что-то на ухо въ продолженіи высокоснаго котильона: вѣроятно читалъ 7-ю главу Онѣгина! Ну, пускай мнѣ первый мой врагъ скажетъ *comment vous portez-vous* передъ разводомъ, если между ними чего нибудь не заводится. Я старый воробей: меня, братъ, не озадачатъ никакія маски.

— Его имя? заботливо спросилъ Правинъ.

— Ты знаешь его въ лице, не только по имени: да если и не знаешь, такъ замѣтишь съ перваго взгляда, когда найдешь ихъ вмѣстѣ. Одинъ развѣ безстрастный мужъ или страстный влюбленникъ можетъ быть такъ слѣпъ, чтобы ничего тутъ не видѣть.

— Его имя? съ бѣшенствомъ повторилъ капитанъ.

Кровь его кипѣла.

— Иеронимъ Леновичъ.

Какъ шпага пронзило это имя сердце Правина, и на него пизались уже въ его памяти тысячи вѣроятій, тысячи сомнѣній. Да, точно, онъ самъ видѣлъ ихъ умильные взоры!... Правинъ уже не слыхалъ болѣе, что говорилъ товарищъ. Сердце его дрожало будто въ лихорадкѣ, кровь то стыла, то жгла его.... невинный ропотъ исчезалъ на губахъ. Онъ по-

жалъ Границыну руку, бросилъ на столъ ассигнацію и, не ожидая сдачи, вышелъ, поскакалъ домой. Отрывчатая восклицанія и мысли сталкивались:

— Такъ молода и такъ коварна! говорилъ онъ. И къ чему было обманывать меня сладкими рѣчами и взорами? зачѣмъ манить къ себѣ?.... Или она хочетъ забавляться, дурачить меня? держать вблизи вмѣсто отвода? Меня дурачить! Нѣтъ, нѣтъ, этому не бывать! скорѣй я стану ужасенъ ей, чѣмъ для кого нибудь смѣшонъ.. И кто бы могъ подумать, кто бы!.... впрочемъ, быть можетъ, все это вздоръ, зависть, пустая сплетня.... да и что мнѣ до этого?.... чѣмъ я привязанъ къ ней, чѣмъ она мнѣ обязана? А хотѣлось бы узнать однако же истину — такъ, изъ одного любопытства — я бы посмѣялся ей.... я бы заставилъ ее плакать кровью!!.... Но какъ добратся до открытія въ городѣ, въ которомъ рѣдкій мужъ не дерзнетъ поклясться, цѣлуя жену свою вечеромъ, что цѣлуетъ ее сегодня первый, — гдѣ потому только всѣ невинны, что въ истинной невинности можно усомниться, а истинной вины не лѣзя доказывать.

И сонъ не освѣжилъ Павлина. Подъ изголовьемъ его шевелились ревнивыя мечты — и

сколько насмѣшекъ наготовилъ онъ для первой встрѣчи съ княгинею Вѣрою, для первой ошибки съ ея угодникомъ! Дай только мнѣ увидѣться съ нею, говорилъ онъ, скрежеща зубами....

И всему этому виной были слова Границына, слова, основанныя на пѣнѣ шампанскаго и на желчныхъ догадкахъ болтуна. Бѣгите, юноши, встрѣчь, не только дружбы съ подобными людьми! Они безжалостно обрываютъ почки добрыхъ склонностей съ души неопытной; они жгутъ и разрушаютъ въ прахъ довѣріе къ людямъ, вѣру въ чистое и прекрасное; бросаютъ пепелъ своими правилами — и засѣваютъ его солью сомнѣнія.

Сколько наемщиков выстроились
ионъ, и въ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ,
ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ,
ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ,

... ионъ

ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ,
ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ,
ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ,
ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ, ионъ,

Капитанъ - лейтенантъ Правинъ къ лей-
тенанту Кокорину.

Августа 1829 г. Въ Кронштатъ.

«Бду, бду къ вамъ, завтра же бду, любез-
ный Нилъ! Да и что мнѣ дѣлать въ этомъ
Петербургѣ, въ этой столицѣ *раскрашенныхъ*
снѣговъ *, какъ говоритъ Байронъ. Да и
какой безумецъ выдумалъ влюбляться, да и ка-
кой лукавый дернулъ меня за полу полюбить
свѣтскую даму? . . . Любить! любить! Какъ
дико звучить это слово въ свѣтъ! отголоски
будто въ пещерѣ, повторяютъ, много разъ,
любить — но кто отвѣчаетъ вамъ? — Камни . . .
хуже чѣмъ камни — пустота! Содрогаюсь

* «This famed capital of painted snows.» Childe Harold's pilgrimage.

отъ негодованія! . . . И я могъ думать, могъ вѣрить, что любовь можетъ уютиться въ сердцѣ, слѣпленномъ руками свѣта! Безумецъ! Безумецъ! скорѣе найдешь сочувствіе въ раззолоченномъ яичкѣ для дѣтей, на которомъ снаружи написаны нѣжности, въ серединѣ насыпаны сладости — а все вмѣстѣ дерево, крахмалъ и сусальная позолота. Но что говорить о томъ, чего не воротишь! не возвратиться и любви моей. Поздравь меня, Нилушка, я здоровъ; я сбросилъ съ себя страсть къ княгинѣ Вѣрѣ, вмѣстѣ съ модными побрякушками. Теперь, чѣмъ скорѣе въ море, тѣмъ лучше. Земля, кажется, горитъ подо мною — горитъ и сердце — и лишь въ туманахъ океанскихъ погашу я его!!

Поговоримъ о дѣлѣ. Ты пишешь, что адмиралтейство не даетъ довольно мастеровыхъ и не отпускаетъ хорошихъ матеріаловъ, что во всемъ задержки и недопуски . . . все это, всѣ эти господа, меня скоро взбѣсятъ: я буду жаловаться прямо начальнику штаба, или воображаютъ они, что послѣ грозы для нихъ будетъ роскошнѣе сѣнокося? . . . Пусть разубѣдятся въ этомъ. Прошли ужъ тѣ времена, когда корабельные мастера строили дома изъ мачтовыхъ деревьевъ и крыли ихъ мѣдною обшивкою . . . Теперь едва они спроворятъ себѣ на глаголь.

Поставилъ ли ты козлы, чтобы перемѣнить бизань? * Посадилъ ли въ должный уклонъ бушпритъ? ** Навѣсь 10, 20 ть на него бочекъ съ водою, если упрямится... я терпѣть не могу бушпритовъ, которые задираютъ носъ къ верху, словно дежурный камеръ-юнкеръ. Для марсовыхъ септоровъ *** просилъ ты рисунка сътокъ! Долой ихъ, сбрось совсѣмъ прочь и прежнія. Эти узорчатые плетенки напоминаютъ мнѣ дамскія кружева.... на послѣднемъ балѣ княгиня была вся ими изувѣшена. Ты, пожалуй, скажешь, что вѣрно я пришелъ туда, увидѣлъ, побѣдилъ. Увидѣлъ и возненавидѣлъ ее, другъ мой.... стоитъ рассказать тебѣ, какъ это было: можетъ статься, для тебя это будетъ любопытно, а для меня какъ памятно! Чудомъ показалось тебѣ, что я ѣздилъ на балъ; что же будетъ, когда я скажу, что ѣздилъ на балъ незванный и въ домъ мнѣ вовсе незнакомый; что я былъ тамъ только изъ желанія взглянуть на нее и взглянуть непріятельски. Я ужъ писалъ къ тебѣ о своихъ подозрѣніяхъ: я жаждалъ или прояснить или разсѣять ихъ, и долго напрасно. Не находилъ я ее дома, не встрѣчалъ въ го-

* Задняя мачта.

** Наклонная, изъ носа выдающаяся, мачта.

*** Поручни.

родѣ. Наконецъ узнаю, что княгиня Вѣра отправилась на званый вечеръ за городъ, къ графу Т. Какъ быть? Я тамъ незнакомъ, туда не званъ; нетерпѣніе мое возрасло до нестерпимости, ревность до бѣшенства. Рѣшаюсь хоть умереть, а взглянуть на нее. Сажусь въ наемную карету, и скачу на 13-ю версту по Петергофской дорогѣ. Пріѣзжаю вхожу встрѣчаю хозяина — на дорогѣ уже изобрѣлъ я предлогъ посѣщенія: графъ, страстный охотникъ до рѣдкихъ книгъ, и обладаетъ богатою библіотекою — я прицѣпился къ этому. Простите, графъ, флотскому чудаку неумѣстность его визита, но пусть необходимость извинитъ меня: я могу располагать только настоящею минутою и, проѣздомъ въ Ораниенбаумъ, рѣшился заѣхать къ вамъ съ просьбою. Вотъ въ чемъ дѣло. Я пишу записки объ исторіи мореплаванія, а ваша библіотека знаменита въ цѣлой Россіи; только у васъ можно найти книги рѣдчайшія самыхъ кладовъ, и между прочими, я знаю, что у васъ есть въ оригиналѣ путешествіе Испанца Гвереры въ Южномъ Океанѣ; а оно для моего предмета необходимо. Отъ васъ зависитъ крайне obligать меня, ссудивъ этой книгою для прочтенія. Графъ былъ доволенъ, какъ не льзя болѣе цапъ меня подъ мышку, и потащилъ

въ свою бібліотеку. Скрѣпя сердце, долженъ я былъ дивиться глупостямъ всѣхъ форматовъ, типографическимъ рѣдкостямъ въ ослиной и въ телячьей кожѣ, безцѣннымъ лишь потому, что ихъ давнымъ давно никто не читаетъ. Я чихалъ отъ пыли старины, я протиралъ себѣ глаза, я проклиналъ и книгопечатаніе и книгобѣсіе, но хозяинъ этой кунсткамеры былъ неумолимъ, и отпустилъ мою душу на покаяніе не ранѣе, какъ перешунавъ спинки всѣхъ своихъ диковинокъ. Наконецъ, вручивъ мнѣ завѣтныя сказки Испанца, пригласилъ въ танцевальную залу — я только того и ждалъ. Закрывъ шляпою сердце, точно какъ голубка, чтобъ оно не выпорхнуло, пробирался я дальше и дальше. Прелестныя личики мелькали мимо въ бѣшеномъ вальсѣ, то оперенныя, то разцвѣченныя, то осыпанныя алмазами; но какъ въ тысячахъ звѣздъ называлъ бы я звѣзду любимую, такъ издали и въ толпѣ распозналъ я княгиню Вѣру никогда еще не казалась она мнѣ такъ прелестна, такъ воздушна, такъ идеальна! Любовь проникла и освѣтила все ея существо: она горѣла въ очахъ, дышала устами, пробивалась лучами сквозь всѣ поры — зачѣмъ измѣна можетъ быть столь очаровательна! И вдругъ я замѣтилъ, къ кому обращены были ея очи,

кто одушевлялъ ее такою необычайною прелестью — душа у меня превратилась въ ледъ, а умъ въ уголь ужасный мигъ! И такъ все, что мнѣ говорено, все, что подозрѣвалъ я — правда! И такъ я потерялъ ее, не владѣвъ ею! Не замѣчая меня, она сѣла рядомъ съ вѣчнымъ моимъ соперникомъ; что-то говорила съ нимъ въ полголоса; оба они улыбаались отъ удовольствія, и порой она задумчиво склоняла голову и глаза ея подергивались туманомъ мечты О какъ проклиналъ я тогда сладкозвучную музыку! Она мѣшала мнѣ слышать разговоръ ихъ! она раздражала мнѣ слухъ, распиливала сердце, кипятила кровь въ жилахъ моихъ растопленнымъ металломъ О, да избавить небо злѣйшаго моего врага отъ мученій ревности — какой еще ревности! которой я не имѣлъ права чувствовать, и не смѣлъ показать; но могъ ли я тогда владѣть собою? Думаю, что лицо мое было страшно, потому, что страшное совершалось въ душѣ моей. Въ ту минуту, какъ они оба встали, чтобы вальсировать въ свою очередь, когда она подала ему свою руку — я устремился какъ тигръ на добычу — я возникъ передъ ней, какъ призракъ-укоритель — и я наслаждался ея смущеніемъ, я съ улыбкою видѣлъ, какъ погасъ ея взоръ, блиставшій за

мигъ яснѣе алмазовъ ея діадимы; видѣлъ, какъ поблѣкъ ея румянецъ, какъ замеръ льстивый голосъ на устахъ! О, сладка мѣсть, сладка! Гомеръ не даромъ назвалъ ее страстью боговъ зачѣмъ же не лѣзя сказать того же объ ревности? зачѣмъ же нѣту въ ней, въ этой адской страсти, ни одной отрадной капли, напоминающей небо!

Я отвратилъ мое Медузино лице отъ испуганной четы — и скрылся. Я мчался во весь опоръ Катай, извозчикъ, удуши лошадей; пять, десять, двадцать рублей тебѣ на водку! Я летѣлъ; колеса жгли мостовую; я хотѣлъ закружить себя быстротой, упиться самозабвеніемъ — напрасно! Чудныя чувства бушевали въ моей груди: то я давалъ полный разгулъ моему негодованію, и смотрѣлъ на княгиню и ея Миловзора съ ледяной вершины презрѣнія. Стоитъ ли взора, не только вздоха женщина, которую слѣпить мишура, плѣняютъ пошлые каламбуры? Потомъ горячая, глубокая зависть проницала душу: я завидовалъ, и чему же! блистательной ничтожности свѣтскихъ любезниковъ, ихъ кукольной развязности, ихъ птичьей болтовнѣ съ дамами — мало этого — я завидовалъ примаичивому богатству глупца, связямъ мерзавца, даже искусству бездѣльника дѣлать огромные долги, умѣнью

игрока обыгрывать въ карты, низости продавать себя дорого, или учтиво грабить другихъ, средствамъ, принятымъ у насъ въ число оптовой торговли душою, которыя бы дали мнѣ возможность часто быть съ нею, дивить ее, блистать въ обществѣ, въ которомъ золото, какими бы путями ни было добыто оно, даетъ всѣ права гражданства! . . . Правда, такое унижительное желаніе пролетѣло сквозь меня въ мигъ — но пожалѣй меня, что оно могло пролетѣть даже мимо. О, любовь, любовь! ты мать и мачиха душъ человѣческой! ты можешь ее возвысить до звѣздъ и утопить въ лужѣ. Ты дѣлаешь героевъ или злодѣевъ изъ людей съ могучею душою; честолюбцевъ или мерзавцевъ изъ людей слабыхъ духомъ . . . я ненавижу тебя, я проклинаяю тебя, я срываю долой твои путы! — и . . . о слабость недостойная — я плачу надъ обломкомъ своего ярма . . . хорошо, если бъ я могъ плакать, если бъ я могъ еще разсуждать!»

С. Петербургъ.

III.

« Zwei liebende Herzen sind wie zwei Magnetuhren; was in der einen sich regt, muss auch die andere mit bewegen, denn es ist nur Eins, was in beiden wirkt; eine Kraft, die sie durchgeht.»

Goethe.

Фрегатъ Надежду приказано было изгот-
вить къ осени для дальнаго похода. Его вве-
ли опять въ гавань для перегрузки трюма,
для перемѣны нѣкоторыхъ частей рангоута и
стоячаго такелажа. Командиръ судна, Пра-
винъ, былъ уважаемъ какъ офицеръ отличной
храбрости и познаній, и ему дали средства
украсить фрегатъ свой на щегольство, со все-
ми прихотями, доступными боевому судну:

бронзу на винты каронадъ, на рѣшетки каютныхъ люковъ, на кофель-нагели, на поручни къ трапамъ; дубъ съ рѣзьбой и красное дерево по каютамъ. За дѣло принялись горячо; вели его неустомимо. Терзаемый ядомъ ревности, Правинъ хотѣлъ дѣятельностію по-давить тоску сердца, и старою страстью заглушить новую. Отъ зари до зари не сходилъ онъ съ палубы, и ни одна бездѣлка, ни малѣйшая подробность не ускользала отъ его вниманія. Онъ все осматривалъ лично, все поправлялъ самъ; своею привязчивостію онъ надобѣлъ даже Нилу Павловичу, а Ниль Павловичъ самъ былъ знаменитъ во флотъ своею точностію.

— Слава Богу, сказалъ однажды тотъ лекарю Стеллинскому: нашъ Илья образумился: служба какъ рукой сняла съ него дурь. Я не даромъ говорилъ, что распрысканная духами модница — любовь, убѣжить отъ смолянаго духу, какъ бѣсъ отъ ладону!

— Если она и убѣжала, такъ вовсе отъ другой причины, возразилъ Стеллинскій. Капитана исцѣлили мои фумигаціи... Онъ вовсе не замѣчалъ въ разсѣянности, что я подмѣшиваю въ его курительный табакъ лекарственныя травы.

Но исцѣлился ли полно Правинъ??

— — — — —

Между тѣмъ работы кипѣли, вооруженіе расло, не по днямъ а по часамъ, и съ нимъ вмѣстѣ расло нетерпѣніе Правина. — Скорѣй бы, скорѣй бы тянуться намъ на рейдъ и тотчасъ въ море, и какъ можно вдалѣ отъ этого проклятаго Петербурга! — вовѣки нога моя не будетъ тамъ! воскликнулъ онъ однажды — и черезъ два часа Правинъ стоялъ уже надъ колесомъ Бертовскаго парохода, какъ будто считая каждый оборотъ его, шумно роющій воду. И вотъ г. капитанъ-лейтенантъ и кавалеръ Правинъ въ столицѣ. — Да помиуйте, какъ ему и не быть въ столицѣ! На обсерваторіи у него повѣряются хронометры; изъ академіи наукъ надобно ему получить ученныя инструкціи, изъ адмиралтейства новыя карты, отъ начальника штаба особенныя приказанія. Да и почему не остаться ему день, другой лишній? вѣдь не завтра подымать якорь. У него же такой надежный помощникъ на фрегатѣ! . . . Мы чрезвычайно богаты на доводы, когда хотимъ потѣшить свою прихоть. Стоитъ только вздумать, да загадать — за возможностью дѣло не станетъ.

Со всѣмъ тѣмъ гордая рѣшимость Правина: не искать, не видать княгини, была непоколебима. Мысли его, какъ улитковыя линіи, сходились всегда въ одну точку — и эта точ-

ка была она; за то самъ онъ, будто ринутый средобѣжною силою, все далѣе и далѣе бродилъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы могъ встрѣтиться съ нею. Правинъ былъ поэтъ въ прозѣ, поэтъ въ душѣ, самъ того не зная: да и есть ли на бѣломъ свѣтѣ человѣкъ, который бы ни однажды не былъ имъ? Вся разница въ томъ, что одинъ чаще, другой рѣже; одинъ глубже, другой мимолетнѣе. Не однѣ величавыя красоты природы поражали и плѣняли Правина, нѣтъ, онъ горячо любилъ всѣ произведенія искусства, запечатлѣнныя поэзіею, въ чемъ бы она ни проявлялась: въ стихѣ, въ смычкѣ, въ кирпичѣ, въ бронзѣ — и тамъ, гдѣ человѣкъ слилъ свои труды съ природою, и въ томъ, гдѣ перетворилъ ее по своему безотчетному идеалу. Любовь изострила въ немъ чувство изящнаго, и теперь чувство, выброшенное изъ русла, разливалось прямо изъ сердца на всѣ предметы, одушевляло все его окружающее. Лоно водъ дышало для него звуками грустными, но пріятными; воздухъ вѣялъ словно дружеской рукою въ лице. Онъ находилъ новый, но знакомый смыслъ въ книгахъ; схватывалъ сладостные переливы въ стихахъ, которые не за долго казались ему беззвучными; занимательность сказалась ему въ наличникѣ дома, въ стрѣлѣ колокольни, въ

столбъ, въ картинѣ. Онъ иногда простаивалъ по четверти часа, любуясь какою нибудь частью города, улицею, мостомъ, красивымъ домикомъ. Онъ не замѣчалъ усмѣшекъ и толчковъ прохожихъ, благоговѣя передъ монументомъ Петра Великаго; но всего болѣе полюбилъ онъ бродить по великолѣпнымъ комнатамъ дворца, извѣстнаго подъ именемъ Эрмитажа. . . . это было его наслажденіе, его утѣшеніе. Тамъ казалось ему, что онъ снова повторялъ свои путешествія — и образы міра на мигъ заслоняли отъ очей души образъ ненавистный и милый. Онъ утихалъ, какъ дремучія болота Рюиседаля, вдыхалъ свѣжесть почей Фанъ-деръ-Несра, летѣлъ съ кораблемъ по желтому Нѣмецкому морю Фанъ-Остада. Протреты Фанъ-Дейка шевелились — небо Рафаэля растворялось. . . . Правицъ хотѣлъ удержать камни, летящіе въ св. Стефана Лесюерова; врубался въ ряды Мидянъ съ Пуссеномъ, молился съ блуднымъ сыномъ Мурильо. Прелестныя личики улыбались ему, рыцари протягивали руки, сельскій праздникъ манилъ къ себѣ. Шумная встрѣча штатгалтера тянулась мимо, и будто знакомые люди кивали изъ толпы головою, грозили перстомъ изъ окна. Влѣвъ шумѣлъ черный лѣсъ Сальватора, вправѣ плескалось бурное море Вернета

— люди, климаты, города, небеса, океаны во весь ростъ, во всю прелесть развивались, росли, смѣшивались, меркли. То былъ какой-то гармоническій, но безмолвный танецъ образовъ, идей, вѣковъ; то былъ осязаемый микрокосмъ души человѣческой, начиная съ грязной вещественности Теньера, до недосигаемой святости Урбино — безкопечный какъ хаосъ, неясный какъ сны, уже готовые, но еще невиданные человекомъ.

Правинъ обжился, ознакомился съ обитателями этого міра, въ которомъ дремалъ онъ на яву. Но кромѣ безкорыетнаго наслажденія разсматривать зеркальныя ширмы свѣта, закрывавшія отъ него досадный, настоящій свѣтъ, Эрмитажъ привлекалъ его прямымъ отношеніемъ къ его страсти. Въ комнатахъ, заключающихъ въ себѣ музей Жозефины, между прелестною Гебою и танцовщицею Кановы, возвышается, его же рѣзца, чета Амура и Душеньки. Душенька эта была ни дать, ни взять, вылитая княгиня Вѣра. Къ ея-то подножію спѣшилъ Правинъ отдыхать отъ заботъ службы . . . отдыхать? — О, столько же отдыхаетъ труженикъ на постели, усыпанной щебнемъ!! Нѣтъ, онъ спѣшилъ туда горевать наединѣ, и высказывать подобію измѣнницы свои упреки, проклипать ее и восхищаться ею.

Вы вѣрно видѣли эту прелестную купу, одно изъ лучшихъ твореній Кановы! Душенька, обнявшись съ Амуромъ, любитъ бабочкою, сидящею у нея на ладони. Высока такъ какъ небо, чиста какъ лучъ солнца, многоплодна какъ самый климатъ Греціи, была идея выразить сочетаніе души съ тѣломъ, или юности съ любовью, любовью Амура и Психеи. Но если группа Скопаса (поцѣлуй ихъ) превосходна въ отношеніи къ искусству, въ отношеніи полноты превосходнѣе группа Кановы. Въ той вы видите символъ первобыта — страсть; въ этой символъ нашего времени — мысль. У современнаго намъ художника идея жизни расцвѣла идеею безсмертія. Вглядитесь хорошенько въ идеальныя лица обоихъ любовниковъ: подъ младенческую улыбку Душеньки вкралась уже неясная дума. Она еще усмѣхается рассказамъ своего милаго, но уже мечтаетъ о преображеніи, загадка эта уже томить ее. Напротивъ, вѣтренникъ Амуръ едва обращаетъ вниманіе на бабочку — его глаза прильнули къ Душенькѣ, будто бабочка къ розѣ. Положеніе кисти лѣвой руки, ласкающей плечо Душеньки, на которомъ она покоится, доказываютъ, что чувство для него сладостнѣе думы — а движеніе правой руки, кажется, молвить уже: пусть она летитъ, эта

бабочка ! Со все́мъ тѣмъ мысль невольно броса-
сила на лице , на осанку обоихъ тѣнь важно-
сти , въ противоположность съ отроческими
ихъ формами. За то какая прелесть въ пово-
ротѣ головъ , какая нѣга въ выраженіи лицъ,
какая легкость въ постановкѣ (pose), благород-
ство въ осанкѣ ! Пламенный рѣзецъ Кановы раз-
мягчилъ въ тѣло мраморъ, но мысль дала жизнь
этому тѣлу, сдѣлала его прозрачнымъ и воздуш-
нымъ — однимъ словомъ, вдохнула въ него душу.

Вереница другихъ сравненій, другихъ при-
мѣненій, мелькала въ воображеніи Правина.
Какъ мало лѣтъ и какъ много происшествій,
какъ много историческихъ лицъ протекло у
стопъ этого мрамора ! Передъ нимъ, можетъ
быть, не однажды плакала развѣнчанная цари-
ца Французовъ. На нее падалъ мимолетный,
какъ молнія, взоръ Наполеона, безумствующаго
о завоеваніи міра. На него глядѣла
толпа королей и полководцевъ — одни съ
разсѣянностію пресыщенія, другіе съ рав-
нодушіемъ невѣжества, многіе съ завистію :
зачѣмъ это не мое ! И гдѣ очутился этотъ
мраморъ изъ чертоговъ Тюльери ? И потомъ
гдѣ тѣ , которые любовались имъ такъ недав-
но и тамъ и здѣсь ? — Однихъ ужъ нѣтъ,
другіе страпствуютъ далече ! со вздохомъ ду-
малъ Правинъ.

Поутру въ какой-то праздникъ, Правинъ, самъ не зная какъ, очутился у стопъ Душеньки. Онъ погрузился въ глубокую думу, въ живую грусть, любуясь милыми чертами.

— Когда я увидѣлъ тебя впервые, думалъ онъ: мнѣ казалось, что ангелъ кликнулъ мою душу по имени, что ты изъ младости обручена мнѣ сердцемъ! Безумецъ! . . . я смѣялся надъ этою дикою мыслию — и влюбленный повѣрилъ ей, предался ей . . . и чему послѣ этого вѣрить, если не вѣрить такому лицу? Такъ прелестна и такъ коварна! столь умна и столь легкомысленна! И зачѣмъ я встрѣтилъ ее, зачѣмъ дозволила она себя полюбить! Впущить такую пылкую страсть, раздуть пожаръ, и потомъ развѣять пепелъ сердца по воздуху, не уронивъ даже слезы участія, не только взаимности; поманить надеждой и предаться другому! . . .

Правинъ былъ одинъ одиноконекъ . . . онъ тихо колебалъ головою и слезы текли неслышимо по его лицу.

— Вы плакали! сказалъ кто-то подлѣ него. Голосъ этотъ бросилъ трепеть во все его существо. Сладкозвученъ и нѣженъ былъ онъ. Глубокое участіе отзывалось въ немъ. Правинъ обернулся: рядомъ съ нимъ стояла княгиня Вѣра, въ глазовомъ золотошвейномъ

платъѣ, въ полномъ блескѣ убора и красоты и молодости — во всемъ очарованіи чувства... Она была лучезарна, божественна! Видно было, что она ускользнула съ выхода, подышать свободнѣе на просторѣ, взглянуть на мастерскія произведенія рѣзца и кисти, быть можетъ, влекомая тайнымъ предчувствіемъ сердца — а сердце нашъ вѣщунъ! не даромъ сказано Дмитріевымъ.

— Вы плакали? повторила она: она была тронута.

Первое обаяніе прелести мимовало, вспышка негодованія улетѣла съ сердца Павлина, но обиженное самолюбіе — червь; оно не имѣетъ ни ногъ, ни крыльевъ — оно осталось. Онъ отступилъ, поклонился княгинѣ съ холодною почтительностію и отвѣчалъ, краснѣя:... — Да, княгиня, я плакалъ, и горьки были слезы мои... я думалъ, что я здѣсь одинъ...

— Неужели для васъ больно, капитанъ, что я въ вашихъ глазахъ застала слезу?... Чудныя созданія мужчины: не краснѣя могутъ хвастаться кровью друга, и стыдятся слезы чувства!...

— По крайней мѣрѣ я долженъ стыдиться этихъ слезъ, и признаюсь, всѣхъ менѣе васъ желалъ бы я имѣть свидѣтелемъ такой слабости: слезъ моихъ не видалъ и не увидитъ

свѣтъ, и будьте увѣрены, княгиня, что онъ не прибавятъ блеснокъ ни на чье платье!

Правинъ никогда не говорилъ княгинѣ о любви своей, но какая женщина не понимаетъ пламенной рѣчи взоровъ, румянца щекъ, волненія груди, трепетанія руки? Княгиня и въ этотъ разъ поняла весь укоръ Правина. Въ ея отвѣтъ видно было болѣе чувства, чѣмъ гордости.

— Нужели вы думаете, капитанъ, что удѣлъ мой одна мишура и блески, что я не знаю слезъ горя? Но вы бросили стрѣлу еще далѣе, еще глубже: вы почти сказали, что я могу радоваться чужому горю. Скажите, чѣмъ заслужила я такое несправедливое обвиненіе? и отъ кого же! . . . отъ кого это?

Правинъ смѣшался. Онъ былъ пойманъ, какъ школьникъ, который выскочилъ впередъ для объясненія съ учителемъ, и оробѣлъ отъ его грознаго взгляда. Въ такомъ случаѣ начинаютъ обыкновенно увѣрять, что и не думали ничего намекать противъ; что никогда бы не осмѣлились и подумать обвинять! . . . Правинъ наговорилъ кучу подобныхъ пошлостей.

Княгиня грустно качала головою.

— Капитанъ, сказала она: — откровенность флотскихъ вошла въ пословицу — вы хотите

опровергнуть ее. Я уже нѣсколько дней замѣчаю, что вы на меня сердиты.

Правинъ будто проснулся отъ сна.

— Я докажу вамъ на дѣлѣ откровенность мою! сказалъ онъ горячо. Знаете-ли, княгиня, на кого походить эта Душенька!

Княгиня улыбнулась съ самодовольнымъ видомъ, подняла глаза на мраморъ, и зарумянившись, сказала:

— Многія изъ подругъ моихъ находятъ, будто во мнѣ есть небольшое сходство съ этою статуею, но, признаюсь, я мало вѣрю complimentамъ женщинъ.

— Повѣрьте же чувству мужчины, княгиня! Сердце не обманчивый знатокъ. Признаюсь вамъ, я уже не впервые у ногъ этой Душеньки. Было время, что я приходилъ сюда любоваться ею, высказывать ей то, чего не смѣлъ говорить ей подобію, и не могъ таить въ себѣ. Теперь . . . о, теперь совсѣмъ иное дѣло: я пришелъ излить на нее свои укоры и уронить на безчувственный мраморъ слезу тоски невыразимой. Вы сами вызвали мою откровенность — услышите же ее вполнѣ. Да, княгиня! теперь не время притворствовать: я не хочу этого, если бъ могъ — не могу, если бъ и хотѣлъ . . . не отрицайтесь, не говорите: «нѣтъ» — вы видѣли, вы знали, что я люблю

васъ; но вы не знали, *какъ* я любилъ васъ; вы не поняли меня, не оцѣнили этого сердца — сердца, переполненнаго къ вамъ любовью! . . . Видите ль эти царскія сокровища? Видѣли ли вы Грановитую Палату? Въ нее каждый вѣкъ сносилъ свои драгоценности, свои короны, свои оружія и воспоминанія — не смѣйтесь же сравненію: мое сердце — это Грановитая Палата! Его я бросилъ, его рассыпалъ бы я къ ногамъ вашимъ: мои чувства, мои мысли, моя страсть — стояли бы жемчуга и золота! . . . Черпая изъ этой сокровищницы, я могъ бы стать всѣмъ, чѣмъ бы только захотѣли вы меня видѣть — вы властительница, царица души моей! всѣмъ, чѣмъ вы бы велѣли мнѣ быть! Сказали бы мнѣ: *будь поэтомъ!* — и черезъ годъ я склонилъ бы свою увѣнчанную голову передъ тою, которой обязанъ вдохновеніемъ. Развѣ не поэзія высокая любовь моя! Развѣ нѣтъ пылу въ моей душѣ? Я бы разбилъ ее въ искры, и звуки, и мысли — и свѣтъ отвѣтилъ бы мнѣ вздохами и слезами и рукоплесканіями! Пожелали ль бы вы увидѣть меня героемъ — и что бы устояло противъ меня? И скоро я бы сжегъ ваше сердце лучами моей славы. Этого мало: я, жадный дѣятельности, я, честолюбецъ въ душѣ, я, въ которомъ внутренній

голосъ говорить: ты можешь быть многимъ, я бросилъ бы саблю и перо, отказался бы отъ милыхъ бурь океана, ото всѣхъ радостей и обольщеній земли, даже отъ страсти къ познаніямъ, и весь вѣкъ мой бросилъ бы слиткомъ золота въ потокъ забвенья, для того только, чтобы любоваться вами, какъ міромъ, слушать, какъ райскую птичку; чтобы только быть близъ васъ часто, дышать вашимъ дыханіемъ — угождать вамъ, боготворить васъ но вы, вы не захотѣли этого

Говоря это, Правинъ схватилъ руку княгини, между тѣмъ какъ его пылающія рѣчи и взгляды пронзали сердце ея.

— Полноте, перестраивайте, умолкните, капитанъ! вскричала она: я не хочу, я не должна васъ слушать. Вспомните, кто я, вспомните, что я — на рукѣ моей сжимаете вы кольцо — оно видимое звено невидимой, но неразрывной цѣпи, меня окружающей. Судьба моя — навѣкъ принадлежать другому!

Правинъ горестно опустилъ ея руку.

— О, еслибъ одна судьба стояла между нами, я бы менѣе ропталъ. Я бы завидовалъ, глубоко бы завидовалъ человѣку, которому досталась рука ваша, но онъ самъ позавидовалъ бы мнѣ, если бъ вы отдали мнѣ свою душу. Было время, что я вѣровалъ въ это сочета-

ніе, въ это супружество душъ . . . напрасно! Поманивъ меня взаимностію, вы съ пасмѣшкою отвернулись отъ меня, отвергли мою безграничную любовь, оттолкнули мое сердце — и не долгъ супружества были тому виною, нѣтъ: иное чувство, иная любовь! Да, княгиня — я сей часъ думалъ — эта Душенька вылитая княгиня Вѣра; жаль только, что Амуръ не похожъ на Леновича. Будь еще это, и всякой бы сказалъ, что Капова снималъ эту чету съ васъ обоихъ, когда вы сбирались вальсировать!

— Удержитесь, Правинъ, съ жаромъ прервала его княгиня. Пустая ревность ослѣпляетъ васъ: Леновичъ близкій родственникъ моего мужа, и давно женихъ моей двоюродной сестры, Софьи З., единственнаго друга моего дѣвчества. Теперь, когда я говорю съ вами, онъ уже въ Москвѣ, онъ уже у ногъ ея. Объ ней-то, объ ея-то судьбѣ говорили мы съ нимъ, когда вы явились незапно, неприглашенные на балъ къ Графу Т. Несчастный балъ! несчастная Вѣра? . . . внушить столько страсти, и нисколько довѣрія . . . Нѣтъ, капитанъ! кто любить, тотъ вѣритъ, до легковѣрности вѣритъ: это я знаю по себѣ; нѣтъ, сударь, вы не стойте, чтобы я оправдывалась. Боже мой, Боже мой! думала ли я когда ни-

будь, что изъ пустого подозрѣнія, изъ ничтожной наружности — я потеряю доброе мнѣніе чловѣка, котораго всегда отличала, котораго такъ много уважаю, такъ горячо люблю! . . .

Вѣра была увлечена досадою: досада есть лучшее средство заставить женщину высказать сердце. Но что для опытнаго любовника было бы дѣломъ разсчета — тутъ было дѣломъ случая. Послѣднія слова княгини вырвались изъ сердца не какъ признаніе, но какъ восклицанье. Она забылась — но могъ ли счастливецъ забыть сказанное? могъ ли не вѣрить, что признанное было истинное чувство? Нѣтъ, никогда лицемѣріе не говорило такимъ голосомъ, не сверкало такимъ взоромъ! всѣ сомнѣнія исчезли — душа растаяла въ Правинѣ — онъ впалъ въ какое-то изступленіе восторга: осыпалъ поцѣлуями руку Вѣры, прижималъ ее къ своему сердцу.

— Опо ваше, навѣки ваше, божественная женщина! восклицалъ онъ. Кто дастъ мнѣ силъ вынести мое благополучіе! . . . теперь я готовъ сжать руку злѣйшему врагу, какъ другу, обнять цѣлый міръ, какъ брата!

Княгиня ничему не внимала, ничего не видѣла; казалось, съ роковою тайною вылетѣла изъ нея жизнь. Склонясь челомъ на пьеде-

сталь Душеньки, она была блѣдна, какъ та... Крупныя слезы дрожали на опущенныхъ рѣсницахъ — она вся трепетала, какъ листъ; Правинъ испугался . . .

— Что съ вами, княгиня? вскричалъ онъ.

— Удалитесь! едва могла она произнести — теперь вы все знаете, будьте же великодушны — уйдите! Въ иной разъ, въ другой день мы увидимся . . . теперь я умру со стыда, если взгляну на васъ. Когда вы дорожите хоть сколько нибудь моимъ спокойствіемъ — оставьте меня!

Полонъ блаженства и страха, Правинъ удалился.

Ввечеру князь Петръ съ озабоченнымъ видомъ, но съ салфеткою въ рукѣ, вышелъ изъ столовой на встрѣчу къ доктору, который на цыпочкахъ выходилъ изъ спальни княгини Вѣры.

— Ну, что, любезный докторъ, спросилъ онъ вытирая губы: какова моя Вѣрочка?

Докторъ со значительною улыбкою, которую носилъ онъ неизмѣнно на всѣ обѣды и похороны, отвѣчалъ, что слава Богу, что это не опасно, что это пройдетъ! Докторъ этотъ, изволите видѣть, мастеръ былъ золотить пи-

люли, и отъ того кармашки его всегда подбиты были золотомъ. Не рѣшали впрочемъ, потому ли онъ знаменитъ, что искусенъ, или потому, что дорогъ.

— Прописали ли вы ей что нибудь, докторъ?

— О, за мной дѣло не станетъ, ваше сіятельство! Я настрочилъ рецептъ длиннѣе майскаго дня, и если княгиня будетъ въ точности принимать, что я предписалъ ей, то лихорадка убѣжитъ отъ перваго взвода баночекъ.

— Каковъ у нея пульсъ, докторъ?

— Немножко неровенъ, в. с. — отвѣчалъ тотъ, натягивая съ трудомъ нижнюю петлю фрака на пуговицу . . . да это миуетъ, когда уймется попеременный знобъ и жаръ: надобно потеплѣе укрыть княгиню.

— Что за причина ея болѣзни, докторъ? Сего дня поутру на выходѣ она была весела, словно ласточка, и вдругъ . . .

— Самая естественная причина, в. с. ! Изволите видѣть: наша зеленая зима, которую мы условились называть лѣтомъ, очень непостоянна, а дамы одѣваются черезъ-чуръ легко . . . мудрено-ль, что сквозной вѣтеръ уноситъ ихъ даже съ бѣлаго свѣта . . . все у нихъ зефиры, да дымки, да кисеи, да газы...

— Не лзя же въ палатинѣ ѣздить на выходѣ ! замѣтилъ князь Петръ съ важностію.

— Нельзя же въ газовомъ платьѣ и не простудиться, ваше сіятельство.

— Такъ вы думаете, что это отъ простуды, докторъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, ваше сіятельство.

— Но она такъ тяжело вздыхаетъ, докторъ, будто у нея заложило грудь; она стала такъ капризна, что ни сообразить, ни вообразить нѣтъ способа . . . не хочетъ даже, чтобы я былъ при ней.

— Это все отъ простуды, ваше сіятельство. Добрякъ докторъ готовъ былъ клясться иготью Эскулапа, что это отъ простуды.

IV.

Strudzilem usta daremnen u'zyciem
Teraz je s twemi chce stopic ustami,
I chce rozmawiac tylko serca biciem
I westchnieniami i calowaniami.
I tak rozmawiac godziny, dni, lata,
Do końca swiata i po koncu swiata.

Mickiewicz.

Быстро и сладостно утекають дни счастья. Минувшія радости и будущія надежды сливаются воедино устами, и мигъ настоящаго походитъ на привѣтное лобзанье друзей на порогѣ. Вчерась, сегодня, завтра не существуетъ для любовниковъ — нѣтъ для нихъ самаго времени — оно превращено въ какую-то волшебную грезу, въ которой воздушная нить мечтаній вьется съ нитью бытія нераздѣльно, въ которой сердце каждое біеніе свое считаетъ наслажденіями — о нѣтъ! наслажденіе не умѣетъ считать — счетъ изобрѣтенъ нуждою или тоскою.

Правинъ любилъ впервые, Правинъ любимъ сталъ впервые; а какая дѣвственная любовь, какая истинная страсть не робка до простоты, не почтительна до обожанія? Но скоро переживаетъ любовникъ всѣ возрасты страсти. Вѣчный младенецъ въ своемъ лепетѣ, въ своихъ прихотяхъ, взысканіяхъ, ссорахъ, не по годамъ, а по часамъ растетъ онъ своими желаніями, мужаешь волею, беретъ силу взаимностію. Бѣднякъ искатель, онъ спитъ и видитъ, какъ бы удостоиться привѣтливаго словца, пѣжнаго взгляда, самой ничтожной ласки. «Я былъ-бы счастливъ тогда!» говоритъ онъ, и озирается, не подслушалъ ли кто его, и трепещетъ дерзости своего воображенія. Но онъ скоро знакомится, дружится, роднится съ нею — скоро она овладѣваетъ имъ — и онъ гордъ, похитивъ первый цоцѣлуй, какъ Прометей похитивъ огонь съ неба. Раскипаясь счастіемъ, словно бокаль шампанскаго (я увѣренъ, что счастье какой нибудь газъ и что химики на дняхъ разложатъ его), онъ уходитъ черезъ край, радость улетучивается изъ сердца, а природа не любить пустоты, вопреки Паскалю и водяному насосу — и вотъ новыя желанія проникаютъ въ ретивое — закупорьте вы его хоть герметически. Они будто волосатики впиваются въ персты, разогрѣваютъ кровь лучами взора,

упоютъ легкія воздухомъ, вѣющимъ съ милой, топятъ васъ въ звукахъ ея голоса, въ благоуханіи ея кудрей! Ночью они распускаются кактусомъ; днемъ взбѣгаютъ будто кресъ-салатъ. Проклевываются птичками . . . тормозать, щиплютъ, терзаютъ бѣдное сердце — хоть изъ груди бѣги! — Опять новыя завоеванія, опять новыя причуды. Повадка балуетъ шалуна; вчерашняя уступка для него завтрашнее право! По мнѣ, сердце — настоящій Вестминстерскій кабинетъ: оно умѣетъ и выканючить и выторговать, и обыграть и выбить. «Если ты любишь меня!» говоритъ любовникъ, нѣжно ласкаясь. «Только это, это одно — и я богъ!» Но этотъ богъ — языческій; амбрезія для него постъ; онъ готовъ превратиться изъ орла въ лебедя, изъ лебедя въ бычка. Съ каждымъ днемъ онъ становится смѣлѣе, съ каждымъ днемъ онъ обламываетъ по иглѣ, обороняющей розу — поглядишь, вянетъ сама роза подъ жаркимъ дыханіемъ страсти! Знаете ли, какъ называю я знаменателя всѣхъ страстей, и всѣхъ болѣе любви? — Я называю его — любопытство! — Узнали мы, испытали мы, повладѣли мы — и уже знаніе, опытъ, власть намъ скучны. Мы ужъ хотимъ постичь иное, извѣдать лучшаго, завладѣть большимъ. *Еще, еще, дальше и больше* — вотъ границы духа человѣ-

ческаго, а границы эти за звѣздами млечнаго пути, за тѣнью могилы.

Но не каждому дано пересѣкать пути многихъ страстей, подобно кометѣ, пронзающей многія солнечныя системы. Не каждому удастся побыть любовникомъ, поэтомъ, честолюбцемъ, корыстолюбцемъ, и лечь въ гробъ съ тою же побрякушкою, которая тѣшила его первое ребячество. Многіе глубоко врѣзаются въ колею, катятся вдоль которой нибудь одной дороги — и не рѣдко съ рожденія души до смерти тѣла. Такъ Наполеону выпало распутіе власти, на которомъ первая верста была батарея подъ Тулономъ, а послѣдняя островъ с. Елены. Исполинъ-выкидышъ революціоннаго волкана, онъ отдалъ свои останки волканической скалѣ, горѣ застывшей лавы. Какой величественный, многомысленный памятникъ, какой чудный ризомъ судьбы съ вещественностію! . . . Багряныя облака — точно огневые думы — толпятся вокругъ чела твоего, неприступный утесъ св. Елены . . . Экваторъ опирается на твои рамена; сизыя волны океана какъ столѣтія, съ ропотомъ расшибаются о твои стопы — и сердце твое — гробъ Наполеона, заклеяменный таинственнымъ іероглифомъ рока!! . .

Простите отступленіе: я увлекся Наполеономъ, и мудро ли? При жизни — онъ та-

шилъ за своей колесницей по грязи народы. По смерти — его геній уноситъ наши помыслы въ область громовъ, свою отчизну. Впрочемъ, примѣръ Наполеона вездѣ кстати; его имя приходится на всякую руку; оно какъ всезначащее число 666 въ Апокалипсисѣ. Какъ ненасытенъ былъ онъ (олицетворенное властолюбіе) къ завоеваніямъ — почти такъ же ненасытны всѣ любовники ласками. Послѣ перваго письма — ихъ перехода черезъ Альпы — они уже вздыхаютъ о лаврахъ Іены и Маренго . . . они забываютъ, что у самаго Наполеона была Москва, гдѣ онъ чуть не сгорѣлъ, путь за Березену, гдѣ онъ чуть не замерзъ, и Литовскія грязи, въ которыхъ едва, едва не утонулъ. Горячая кровь не слишкомъ покорна доктору философіи, г-ну разсудку, и рѣчь сердца начинается — обыкновенно — съ чистѣйшаго платонизма, а заключенье у ней: «индѣекъ малую толику!» Къ слову стало о платонизмѣ: онъ очень похожъ на ледяную гору, съ которой стоитъ разъ пуститься — ужъ не удержишься; или, пожалуй, хоть на коверъ, постланный въ ноги дѣтей, чтобы имъ не больно было падать. Да, милостивые государи и милостивѣйшія государыни — зовите меня какъ вамъ угодно — а я зло усмѣхаюсь, когда слышу молодую особу или молодого чело-

вѣка, разсуждающихъ о безкорыстной дружбѣ платонизма, прелестнаго и невиннаго какъ цвѣтокъ, соединяющій въ чашечкѣ своей оба пола. Усмѣхаюсь точно такъ же какъ слыша игрока, толкующаго о своей чести, судью о безмездіи, дипломата о правахъ человѣка. Опять грѣхъ сказать, будто платонизмъ всегда умышленный подыменикъ * эротизма; напротивъ, его скорѣй можно назвать граничной ямой, въ которую падаютъ неожиданно, чѣмъ западней, поставленной съ намѣреніемъ; и вотъ почему желалъ бы я шепнуть иной дамѣ: не вѣрьте платонизму — или иному благонамѣренному юношѣ: не довѣряйте своему разуму! Платонизмъ — Калиостро, заговорить васъ; онъ вытащитъ у васъ сердце, прежде чѣмъ вы успѣете мигнуть; подложитъ вамъ подъ голову подушку изъ пуху софизмовъ, убаюкаетъ гармоніей сферъ, и вы уснете будто съ маковки; за то проснетесь отъ жажды угара, съ пзмятымъ чепчикомъ и, можетъ быть, съ лишнимъ раскаяніемъ. Притомъ — но неужто вы не замѣтили, что я шучу, что я хотѣлъ только попугать васъ? . . . Помилуйте, г. г.! мнѣ ли, всегдашнему поклоннику этого милаго каплуна

* Подъ чужимъ именемъ торгующій. Слово употребительное между купцами.

въ нравственномъ мірѣ, поднять на него руку! Миѣ ли писать противъ него, когда я вслухъ и въ полголоса всегда говорилъ въ его пользу, писалъ ему похвалы стихами и прозою! Любопытные могутъ прочесть мою статью: Нѣчто о любви душъ. Она напечатана въ Соревнователь просвѣщенія и благотворенія, не помню только въ которомъ году, рядомъ съ рѣчью: О вліяніи свирели и барабана на юриспруденцію.

— Но къ дѣлу, къ дѣлу, говорятъ миѣ, а развѣ слово не дѣло? Юридически говоря, между ними великая разница; законъ дѣйствуетъ положительно, но мы сравниваемъ относительно. Конечно человѣкъ рѣдко говоритъ, что думаетъ, еще рѣже исполняетъ, что говоритъ; потому-то не лѣзя обвинять, ни хвалить его, если онъ обѣщаетъ или грозитъ — но это относится къ будущему; напротивъ, прошлое переходитъ въ полное владѣніе слова, оно существуетъ только словомъ — слово можетъ обличить или оправдать его. Я для того веду свою долгую присказку, чтобы доказать любезнымъ читателямъ, что слова мои — факты, что намеки мои на госпожу никто, *Mistriss Nobody* Англійскихъ фарсовъ, летѣли не въ бровь, о прямо въ глазъ; однимъ подчеркомъ, что нравъ всѣхъ любовниковъ вообще — такой же

какъ у Правина въ особенности: такъ бывало съ другими, такъ было и съ нимъ.

Да-съ, Правина любили нѣжно, даже страстно; но самъ онъ любилъ беззавѣтно, бѣшено. Правинъ былъ звѣрекъ, котораго не всегда обуздаешь дамскою подвязкой. Въ одну и ту же минуту онъ ропталъ то на холодъ, то на горячность Вѣры.

— Не считаете ль вы меня ртутью, княгиня, которая тогда постоянна и ковка, когда заморожена? — говорилъ онъ съ укоромъ. То умоляющимъ голосомъ восклицалъ: — О, не гляди такъ на меня, очаровательница! развѣ хочешь ты, чтобъ я истаялъ, какъ воскъ подъ тропическимъ солнцемъ!

Цѣлуя браслетъ, онъ клялся, что не завидуетъ раю, и черезъ часъ онъ клялся, что онъ самый несчастный изъ смертныхъ — зачѣмъ? Ему полюбился поясъ, завѣтный еще для его губъ; послѣ пояса слѣдовало ожерелье, а тамъ я не знаю, право, что. Близость разлуки извиняла его порывы и восторги, его гнѣвъ и самозабвеніе. Лестно, но страшно было быть такъ любимой. Жаркія битвы должна была выдержать Вѣра и съ бурнымъ правомъ Правина, и съ собственнымъ сердцемъ. Каждый отказъ стоилъ ей слезъ непритворныхъ. Она плакала, и пламя погасало въ Правинѣ

отъ немногихъ слезъ милой, какъ по народному повѣрью гаснетъ молніею запыленный пожаръ отъ парнаго молока. Она противилась, какъ порохъ, смоченный небесною росой, противится искрамъ огнива: сотни ударовъ напрасны, но каждый ударъ сушитъ зерна пороха, и близокъ мигъ, когда онъ вспыхнетъ.

Какъ Московская барышня, Вѣра половину своей юности прожила среди полей, другую въ столицѣ. Но дѣвушки въ Москвѣ имѣютъ гораздо болѣе свободы, чѣмъ въ Петрополѣ, а гдѣ свобода, тамъ и природа. Вотъ почему дѣвушекъ находилъ я гораздо занимательнѣе въ Москвѣ, дамъ въ Петербургѣ. Въ первыхъ найдете вы перѣдко милую простоту, въ послѣднихъ остроуміе; въ первыхъ прелесть, во вторыхъ ловкость, которую даетъ лишь Дворъ, и вкусъ, впрочемъ болѣе дитя привычки, нежели чувства; однимъ словомъ, въ Москвѣ есть гармонія — въ Петербургѣ тонъ. Въ Москвѣ учатся многимъ иностраннымъ языкамъ и много читаютъ. Въ Петербургѣ нѣтъ времени ни для науки, ни для чтенія, а владыка языкъ Французскій. По-Итальянски только поютъ, о Байронѣ говорятъ по наслышкѣ, и боятся языка Шиллера, чтобы не изломать своего. Притомъ же въ Петербургѣ столько

гвардейцевъ и дипломатовъ, столько чиновниковъ всѣхъ цвѣтовъ, столько парадовъ, гуляній, спектаклей, визитовъ, выходовъ, что будь день о 48-ми часахъ, — и тогда не стало бы времени на разсѣяніе. Кромѣ того, въ Москвѣ еще пахнетъ Русью; въ ней хоть не много характеровъ, за то куча оригиналовъ, въ ней есть свои повѣрья, свои причуды, свои обычаи — въ ней есть старина. За то ужъ въ Петербургѣ хоть мало современнаго, но все новое, все съ молотка — и ни Русскаго міра, ни Русскаго словца! На площадяхъ толкуются Маймисты, на перекресткахъ стоятъ сипыіоры съ продажными зонтиками, по набережнымъ покачиваются Англичане съ руками въ карманахъ и съ годдемомъ въ зубахъ; у крылецъ шаркаютъ Французы, въ нижнихъ этажахъ шевелятся Нѣмцы. Русскій калачъ тамъ чужестранецъ; благословенная борода пробирается по стѣнѣ, и рада, рада, если унесетъ въ цѣлости свои бока отъ будочника, или отъ дышла какого нибудь посланника, который скачетъ разыгрывать во весь духъ дипломатическую ноту. Нѣтъ дома, гдѣ бы сядились за столъ крестясь одинаково, гдѣ бы хвалили одно и то же кушанье, просили однимъ и тѣмъ же языкомъ напиться. Про высшій кругъ и говорить нечего: тамъ отъ соба-

чки до хозяина дома, отъ плиты тротуара до Этресской вазы — все не Русское, и въ на-рѣчїи и въ приемахъ. Бары наши преважно разсуждаютъ, каково Брюно игралъ Жокрисеа, какъ была одѣта любовница Ротшильда на послѣднемъ роутѣ въ Лондонѣ; получаютъ телеграфическія депеши о привозѣ свѣжихъ устрицъ, а спросите-ка вы ихъ, чѣмъ живетъ Вологодская губернія? Они скажутъ: Je ne saurais vous le dire au juste, mr.; у меня нѣтъ тамъ помѣстьевъ.

Впрочемъ правдивенность одна въ обѣихъ столицахъ: посредственность и эгоизмъ! Никто не заботится о томъ, что подумаютъ о насъ добрые люди: у нихъ лишь то на умѣ, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна. Во всѣхъ личность, все частность, вездѣ разсчетъ. Ничего общаго, ничего высокаго. Княгиня Вѣра выросла на такомъ же миндальномъ молокѣ, но она была довольно счастлива, что нашла истинно добрыхъ и умныхъ подругъ, и довольно умна сама, что ихъ оцѣнила. Чтеніе поэтовъ познакомило ее съ прекраснымъ міромъ; она пристрастилась къ нему, восхищалась имъ; но эта страсть дала ей другую опасность — опасность мечтательности. Не всѣхъ птицъ можно стрѣлять сидячихъ: иныхъ выходишь на лету; Вѣра при-

надлежала къ числу послѣднихъ. Недоступная ничтожности вертопраховъ, — нестараемая отъ мышьяго огня свѣтскихъ болтуновъ, закруженная вихремъ свѣта, въ который только что явилась — она была равнодушна, хотя ея не защищала любовь къ человѣку доброму, но пустому, но холодному, къ которому тетушки и судьба приковали ее, какъ узника къ колодѣ. Чтобы плѣнить ее, надо было сперва поразить вниманіе чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, раздражить любопытство занимательностію — а тамъ не далека и любовь, потому что сердце ея жаждало любви, какъ сухая губка. Такъ и случилось. Встрѣча съ человѣкомъ безъискусственнымъ, пылкимъ, новымъ, который такъ чудно выходилъ изъ рамъ всего, что дѣлается и говорится въ свѣтъ — побѣдила ее потому именно, что съ этой стороны она не ждала нападенія, еще меньше паденія. Она одна-кожъ скоро почувствовала, что любить, и письма ея къ подругѣ стали съ той поры скромнѣе, хотя краснорѣчивѣе . . . она говорила обо всемъ, кромѣ своего сердца, обо всѣхъ, кромѣ Павлина. Да и могла ли замужняя женщина дѣлать изъ дѣвушки, изъ невѣсты повѣренную тайну, которыхъ бы сама она не желала имѣть? Эта недѣлимость, это одиночество страсти еще болѣе одолевали Вѣру. Бы-

стро увлеченная въ чужой слѣдъ, она однако жъ уступала, борясь мужественно; она чувствовала, что для спокойствія, если не для счастья къ свѣтскому правилу: *sauvez les apparences*, необходимо было прибавить: *sauvez la conscience!* и надѣясь на эту рѣшимость, вмѣсто того чтобы вытащить свой челнъ на берегъ, она смѣло простирала свой газовый парусъ противъ бурнаго дыханія страсти — и валъ, грозный валъ разсыпался въ прахъ о слабую грудь ея ладьи, или отбитый, съ ропотомъ катился обратно.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, но мѣсяцъ вѣкъ для признанной любви. Онъ вѣкъ броженія. Думы, желанія, требованія роятся, кочуютъ, смѣняются, истребляютъ другъ друга. Корабль, будто плывущій ледникъ, сохранилъ сердце Правина дѣвственнымъ, и въ немъ силы юности. Онъ бушевали неудержимо, особенно когда свѣтская философія надѣвала на себя мундиръ Границына, и пѣнила и кипятила ихъ своими кислотами.

— Мнѣ кажется, ты воспитаецъ въ брюхѣ кита, говорилъ Границынъ, разстегивая крючки воротника своего. — Вмѣсто того, чтобы вторить своей княгинѣ Вѣрѣ въ *arini di tanti palpiti*, тебѣ бы надо увѣрить ее, что *una voce poco fa*. Терпѣніе прекрасная добродѣтель въ

дромадеръ, но сами дромадеры, mon cher, нужны въ степяхъ, а не на паркетъ. Правда, многіе пояса затянуты Гордіевымъ узломъ; за то рѣжь ихъ пополамъ, если не хочешь, чтобъ другой разорвалъ ихъ у тебя подъ носомъ. Право стыдно будетъ, если эта бѣлокаменная Московочка проведетъ тебя. Вотъ тебѣ моя рука — она надъ твою простотою смѣется, а быть можетъ, и сама досадуетъ на твою застѣнчивость.

Эти насмѣшки, перемѣшанные съ шампанскимъ, лились прямо въ сердце Правина: онъ то льстили, то подстрекали его страсть. Нѣтъ, думалъ онъ: полно мнѣ жеманиться. Сегодня или никогда! И на завтра было то же, на послѣзавтра то же. Пламенные письма, неистовыя сцены, упреки, угрозы, гнѣвъ, разлука, все было напрасно: Вѣра стояла непреклонна. Правинъ рѣшился.

Любовь хитра на выдумки свиданій: Правинъ видался по нѣскольку разъ въ день съ княгинею, и все устроивалось будто самымъ естественнымъ и случайнымъ образомъ. Однажды онъ пріѣхалъ къ ней на дачу въ полдень.

— Что это значитъ, капитанъ, спросила Вѣра: вы въ полномъ мундирѣ?

Любовь есть страсть исключительная: ей нестерпима мысль о множествѣ или раздѣлѣ.

Вотъ почему такъ скоро переходятъ любовники отъ мѣстоименія *вы* къ мѣстоименію *ты*. Со всѣмъ тѣмъ первыя привѣтствія встрѣчи принадлежатъ свѣту; любовь беретъ свои привычки послѣ.

— Княгиня, сказалъ онъ, холодно поцѣловавъ у ней руку: я пріѣхалъ къ вамъ проститься — надолго — можетъ навсегда.

— Вы шутите, капитанъ — ты меня пугаешь, Elie — зачѣмъ это? Развѣ не тысячу разъ увѣрялъ ты меня, что воротишься на весну, и возвратишь весну душѣ моей!

— Я сей часъ отъ начальника штаба. Узнавъ, что фрегатъ мой готовъ, онъ былъ такъ добръ, что позволилъ выбрать мнѣ любое изъ двухъ порученій: или идти не надолго въ Средиземное море — тамъ что дѣлать? вѣдь миръ съ Турками почти подписанъ — или отправиться на четырехъ-лѣтнее крейсерство къ Американскимъ берегамъ, частью для открытій, частью для покровительства нашей ловли у Ситхи, у Алеутскихъ острововъ и близь крѣпости Россъ. Я избираю послѣднее!

— Нѣтъ! ты этого не сдѣлаешь, ты не смѣешь этого сдѣлать! И какъ рѣшаешься ты, не посоветовавшись со мною? Развѣ я чужая твоему сердцу! вскричала вскочивъ, вспылчивая княгиня. Я бы могла еще помириться съ мы-

слію, что неотразимый приказъ службы забросилъ тебя отъ меня далеко и надолго; но чтобы ты по своей доброй волѣ бросилъ меня на четыре года — нѣтъ, этому не бывать, никогда не бывать!

— Никогда не говорите: никогда, княгиня! Это слово имѣеть вѣсь только въ устахъ судьбы. Вы сказали, что я по доброй волѣ отправляюсь отсюда — и вы могли это сказать, вы, за чей взоръ отказался я отъ собственной воли, для кого жертвовалъ и обязанностями службы и обѣтами славы! Вы! . . . Для кого жъ инаго мила мнѣ жизнь? за кого жъ красна была бъ мнѣ смерть? за кого, если не за тебя отдать бы я душу свою, промѣнялъ на любовь твою рай, и за мигъ счастья — вѣчность!! Но вы, ваше сіятельство, не удостоили спознать до взаимности; вы любили на мѣрку и раскланивались чувству, когда приходили на границу, дѣлящую удовольствіе отъ опасности; вы въ то же время думали, какъ бы не смять своихъ газовыхъ лентъ, когда сердце мое разрывалось, когда я умиралъ у ногъ вашихъ!

— Злой человѣкъ, неблагодарный человѣкъ! Я ли не цѣнила тебя, я ль не дѣлила твоей любви! но я не раздѣляю твоего безумія. Тебѣ отдала я чистоту души и покой совѣсти,

по чести моей не отдамъ — она принадлежит другому.

— Какъ вы искусны въ теологіи и геральдикѣ, ваше сіятельство! Вы до золотника знаете, что вѣситъ поцѣлуй на вѣсахъ неба, и какую тѣнь бросаетъ онъ на гербъ. Признаюсь вамъ, я не постигалъ никогда градусовъ любви по Реомюру. Гордостью считалъ я любить безмѣрно, беззавѣтно, предаваться весь — такъ люблю я, такъ желалъ быть любимъ, такъ или ни сколько. Чувствую, что я теряю рассудокъ, а вы, вы не хотѣли бросить вздорнаго предразсудка! . . . Помните ли, въ одномъ письмѣ я писалъ къ вамъ — не читайте далѣе, или исполните, что далѣе сказано . . . Зачѣмъ же вы преступили завѣтъ и отринули мольбу! Однако не думайте, княгиня, будто я ни во что ставлю ваши ласки, вашъ умъ, ваши достоинства! О, никто въ мірѣ не могъ лучше, не могъ выше оцѣнить и ваши прелести, и вашу списходительность ко мнѣ. Но любовь питается жертвами, доказывается пожертвованіями — все или *ничего*, — ея девизъ, а я измученъ вашими полужестокостями, уничтоженъ вашими полумилостями. Уже ли хотите вы, чтобы я забывалъ васъ съ другими, лишь бы — не забывался съ вами! Признаюсь! это чудесная любовь!

— Боже великій! и я могла любить такого безжалостнаго человѣка!

— Любить? . . . бросимъ-те этотъ разговоръ, княгиня. Я уступаю вамъ пальму нѣжности. Я беру на себя всѣ вины, я неблагодаренъ; я жестокосердъ, я все, что вамъ угодно. Будьте счастливы, княгиня! Люди съ вашимъ правомъ созданы для свѣтскаго счастья. Они очень довольны, если на сердцѣ у нихъ пробьются цвѣтки, хоть эти цвѣтки жалкіе поденѣжники. Еще разъ будьте счастливы. Наслаждайтесь своею любовью» съ дозволенія правительства»; ожидайте съ поклономъ прилива нѣжности своего супруга, за которую обязаны вы будете бутылкѣ бургонскаго или перигорскаго пастету!

— Слезы, а не слова — отвѣтъ на такую обидную насмѣшку!

— Слезы — роса, княгиня. Взойдетъ солнце, укажетъ часъ ѣхать на прогулку — и онѣ высохнутъ!

— Онѣ высохнутъ раньше — но это будетъ отъ отчаянія!

— Отчаяніе? . . . это что-то новое выраженіе въ модномъ словарѣ! Нѣтъ ли какого перстня или браслета такого имени! Вѣдь есть же супиры и репантиры и суве-

ниры у любого золотыхъ дѣлъ мастера. Отчаяніе!!

Не долго женскую любовь
Печалить хладная разлука;
Пройдетъ печаль, настанетъ скука...
Красавица полюбитъ вновь!

Съ гордостію подняла княгиня свои заплаканныя очи на Павлина и взоръ ея пронзилъ его укоромъ.

— Кто такъ худо зналъ прошлое, тому напрасно братья за пророчества, сказала она. Любуйтесь своимъ жестокосердіемъ, капитанъ; хвалитесь своимъ подвигомъ, смѣйтесь надъ бѣднымъ сердцемъ, которое вы разбили. Да, вы убиваете меня, какъ Авеля, зачѣмъ я принесла одни чистые плоды на жертвенникъ любви!... Будьте же сестроубійцею за то, что я любила васъ, какъ брата!

— Какъ брата, говорите вы? но развѣ братскія мученія не требуютъ братскаго раздѣла? Впрочемъ, я не пришелъ считаться съ вами, княгиня, ни укорять васъ, ни умолять васъ — я ожидаю одного прощальнаго поклона... ни полслова, ни полвзора болѣе!

Изображаютъ вѣчность змѣй, грызущую свой хвостъ — точно такъ же изобразилъ бы

я гнѣвъ . . . онъ тоже поглощаетъ самъ себя; крайности слиты и въ немъ. Правинъ, чрезвычайный во всемъ, увлекся несправедливымъ негодованіемъ: оно, подавленное будто льдомъ, хладнокровіемъ наружнымъ, тѣмъ сильнѣе крушило сердце — и вдругъ замѣтилъ онъ губительную силу словъ своихъ надъ Вѣрою. Она была блѣдна, какъ батистъ; слезы застыли на лицѣ — но она уже не плакала, не рыдала. Лѣвая рука ся сжата была на колѣнѣ, между тѣмъ какъ правою упиралась она въ грудь свою, будто желая выдавить оттуда удушающій ее вздохъ; въ очахъ, въ устахъ ея замиралъ укоръ небу.

О! злобенъ тотъ, кто заставляетъ свою милую проливать горькія слезы, кто влагаетъ въ ея уста ропотъ на провидѣніе; но тотъ, кто съ усмѣшкою удовлетворенной мести или равнодушія можетъ ихъ видѣть, или слышать — тотъ чудовище. Правинъ упалъ къ ногамъ Вѣры — плакалъ, плакалъ какъ дитя, и рѣчи раскаянія пролились смѣшаны съ горячими слезами.

— Вѣра, прости меня, говорилъ онъ, обнимая ея колѣна, цѣлуя ея стопы. Ангелъ невинности! я оскорбилъ тебя, я не понимаю, что говорю, не знаю, что дѣлаю! я безумецъ! Но не вини моего сердца ни за прежнія оби-

ды, ни за теперешнія клеветы — у меня доброе сердце — и можетъ ли быть злобно сердце, полное любовью, любовью къ тебѣ!!... За то у меня буйная кровь... у меня кровь — жидкій пламень: она бичуетъ змѣями мое воображеніе, она палитъ молніями умъ!... я ль виноватъ въ этомъ? я ли создалъ себя! За каждую каплю твоихъ слезъ, я бы готовъ отдать послѣднія песчинки моего бытія, послѣднюю перлу счастья. Да, нѣтъ мнѣ отнынѣ счастья! На одной вѣткѣ распустились сердца наши — вмѣстѣ должны бѣ они цвѣсть; но судьба разрываетъ, рознитъ насъ! Пускай же океанъ протечетъ между нами — пускай бушуетъ — опъ не зальетъ моей любви, лишь бы ты, ты, сокровище души моей, была невредима отъ этого пожара! Я ѣду — не говори: нѣтъ, ангелъ мой — не могу я, не долженъ я остаться. Это необходимо для твоего, для моего спасенія, для сохраненія моего разсудка и твоей чести — прощай!!... О! какъ тяжело разлучаться! легче, легче, разстаться душѣ съ тѣломъ, чѣмъ душѣ съ душею. И я буду жить не съ тобой, вдали отъ тебя, не имѣя вечеромъ надежды увидѣться по утру; осужденъ буду не любоваться твоими очами, не чувствовать на сердцѣ твоего дыханія, не слышать рѣчей твоихъ, не вкушать поцѣлуя! и

быть одному — и въ этомъ ужасномъ одиночествѣ знать, что ты принадлежишь иному!! Скажи: какая мука превыситъ это, кромѣ муки при глазахъ своихъ видѣть тебя въ чужихъ объятіяхъ? Прости жъ, прости! Мнѣ суждено бѣжать тебя всегда и всегда любить безнадежно. Душа моей души! ты была единственною радостью моей жизни; ты останешься единственною моею горестью, всегдашнею мечтою, послѣднею мыслию при смерти! О! я любилъ тебя, Вѣра, много люблю — взгляни на меня по прежнему, милая, и прощай — я ѣду.

Столь быстрый переходъ отъ укоровъ къ нѣжности, отъ гнѣва къ грустному отчаянію — изумилъ княгиню. Раздирающія душу жалобы любовника ее поколебали, его слезы побѣдили ее. Взоръ княгини блеснулъ необычайною ясностію; прелестное лице ея одушевилось зарею самоотверженія.

— Поѣзжай хоть на край свѣта, Илья, сказала она Правину голосомъ, который звучалъ сладостно, какъ вѣсть прощенія преступнику на плахѣ . . . Поѣзжай, молвила еще, цѣлуя его голову — но ты поѣдешь не одинъ: я сама отправлюсь съ тобою; съ этого часа у насъ одна доля, одна судьба. Тебѣ я жертвую всѣмъ, для тебя все перенесу! лишь бы

ты, одѣваясь могильною тѣнью, сказалъ: Въ-
ра меня любила! Не спрашивай, какъ я сдѣ-
лаю, чтобы намъ не разлучиться — любовь
научить меня. Требую одного и непремѣн-
но: иди въ Средиземное море, а не въ Аме-
рику!

Это произошло 17 августа 1829-го года, ров-
но въ часъ за полдень. Такъ по крайней мѣ-
рѣ отмѣчено было краснымъ карандашемъ въ
памятной книжкѣ Правина.

V.

L'homme s'épuise par deux actes instinctivement accomplis qui tarissent les sources de son existence. Deux verbes expriment toutes les formes que prennent ces deux causes de la mort: vouloir et pouvoir.

Balzac.

Ровно черезъ десять дней послѣ числа, записаннаго красными буквами, отличной красоты фрегатъ снялся съ якоря, и съ южнаго Кронштатскаго рейда пошелъ въ открытое море. На кормѣ его рисовалась группа изъ трехъ особъ: одного стройнаго флотскаго штабъ-офицера, подлѣ него человѣка небольшого роста съ генеральскими эполетами, и прелестной дамы. Фрегатъ этотъ назывался Надежда; на кормѣ его стояли: капитанъ Правинъ, князь Петръ ** и его супруга.

Объщаніе княгини Вѣры сбылось; да какъ и не сбылось бы оно? Если женщина рѣшительно захочетъ чего нибудь, для нея нѣтъ

невозможности. Князь Петръ давно проговаривалъ, что ему хочется попутешествовать для поправленія здоровья — воля жены заставила его рѣшиться, даже убѣдиться, что для него необходимы макароны въ оригиналѣ, устрицы прямо изъ Адриатическаго моря. Разумѣется, къ этому прибавилъ онъ нѣсколько восклицаній о чистой радости дышать небомъ Авзоніи, прогуляться по Колизею, бросить нѣсколько Русскихъ гривенниковъ лазаронамъ Неаполя, и на закуску покататься по Брентѣ въ гондолѣ, дремля подъ напѣвъ Торкватовыхъ октавъ! Князь Петръ безъ подписи не отличилъ бы Караважа отъ Поль-Поттера, и не разъ покупалъ чуть не Суздальскія мазилки за работу Луки Крапаха; но князь Петръ, какъ человекъ, который хотѣлъ слыть ровесникомъ вѣка, или, какъ выражаются у насъ, *à la hauteur du siècle* — скрѣпя сердце заглядывалъ иногда въ Энциклопедію, и довольно бѣгло, хоть очень не въ попадѣ, толковалъ о художествахъ и о пушкахъ Пекгсана, о паровой машинѣ и примадоннѣ Каменно-Островскаго театра, о сморчкахъ и политикѣ. Вздумано — прошено. Князя Петра не думали удерживать. Напротивъ, ему дали еще нѣсколько порученій, и позволили ѣхать до Англіи на фрегатъ Надеждѣ: это случилось такъ невзна-

чай и такъ кстати!! Князь Петръ не зналъ, откуда у него взялась такая охота къ морю! Конечно, сборы князя Петра продолжались бы, вѣроятно, до заморозковъ: то нѣтъ дичиннато бульюну или толченыхъ рябчиковъ или сушеныхъ сливокъ, то не нашли настоящихъ Picalilli, то не достали вѣчнаго Донкинсова супу въ жестянкахъ. За то княгиня не долго было уложить свое сердце, а имѣвши его въ груди, влюбленная женщина смѣло можетъ сказать: *omnia mecum porto*, все съ собою ношу!

— Я готова, мой другъ, ласково сказала она своему раздумчивому супругу, фрегатъ не будетъ ждать насъ — завтра мы перебираемся на него непременно.

Такой лаконизмъ не очень понравился князю Петру, который начиналъ уже догадываться, что какъ ни вкусна морская рыба, за то она все таки далѣе отъ губъ, нежели теленокъ на рынкѣ; но услышавъ, какъ рѣшительно объявила княгиня его повару и камердинеру, что если они не будутъ во всей готовности къ пути сегодня, то завтра слѣда ихъ не останется въ ея домѣ, проглотилъ свое *но* — и вотъ онъ волею, а пуще того неволею — морской путешественникъ.

Покуда вывертывали якорь, покуда фрегатъ

катился подъ вѣтеръ съ парусами, трепещущими будто отъ нетерпѣнія, сомнѣнье: точно ли мы останемся на фрегатѣ? волновало грудь Вѣры. Взоры ея перелетали съ береговъ, словно кружащихся около, на мужа, который съ сожалѣніемъ ловилъ ихъ глазами. За то, когда фрегатъ взялъ ходъ и сталъ салютовать крѣпости: это торжественное прощанье съ Россіею убѣдило Вѣру, что уже возвратъ на берегъ невозможенъ, что она долго и близко будетъ съ Правинымъ: очи ея засверкали; она взглянула на море, которое развивалось впереди все шире и шире — потомъ на своего милаго — и взоръ ея сказалъ: передъ нами море, море блаженства! Ни одна печальная мысль, ни малѣйшій страхъ не возникали между нею и Правинымъ: чувство счастія казалось ей безпредѣльнымъ.

Но высоко билось сердце Правина, и не однимъ наслажденіемъ: какой мужчина покинетъ родину, не оглянувшись на нее, не вздохнувши по ней, будучи даже подлѣ любимой особы? Сомнительная дума: увижу-ль-то я тебя и какъ я тебя увижу? — щемитъ ретивое, и сквозь слезу тускнеть синева дали.

Грустно смотрѣлъ Правинъ на покинутый берегъ отечества, и съ какимъ-то безпокойнымъ любопытствомъ прислушивался къ пере-

катамъ отвѣтныхъ выстрѣловъ съ Кроншлота. Съ промежутками, одно за другимъ гремѣли огромныя орудія, грозно, таинственно, повелительно! Вы бы сказали: то голосъ судьбы, которому вторило небо... Правинъ внималъ имъ, будто своему приговору, прочитанному на невѣдомомъ для него языкѣ; но непостижимый смыслъ убѣгалъ отъ понятія человеческого. Наконецъ седьмой, послѣдній выстрѣлъ сверкнулъ и грянулъ, какъ седьмая роковая пуля во Фрейшицѣ, и постепенно громъ стихъ. Умолкли и далекіе гулы во всѣхъ четырехъ сторонахъ горизонта. Тогда черныя облака дыма, слетѣвшія съ чугуновыхъ устъ, возникать стали передъ очами Правина. Казалось, роковые звуки превратились въ іероглифы, подобныя надписи, начертанной огненнымъ перстомъ на стѣнѣ пиршества для Вальтасара!... Потомъ іероглифы сіи развились чудными, вѣщими образами, будто переходя изъ мысли въ существенность, будто олицетворяя, дополняя собою непонятное изрѣченіе. Дунуль вѣтеръ, и спалхнулъ эту величественную строфу, этотъ дивный очеркъ судьбы!... еще мигъ, и тамъ, гдѣ виталъ онъ — весело сіяло вѣчное солнце, однообразно катились вѣчныя волны... тайная грусть влилась въ сердце Правина.... Не звукъ ли, не чудные

ли ієроглицы, не перелетный ли образъ дыма сами-то мы въ вѣчности міра! подумалъ Правинъ; но онъ взглянулъ на Вѣру, и родина съ своими воспоминаніями, море съ своими волнами, небо со своимъ солнцемъ, будущее со своими страхами — все, все исчезло отъ Правина; онъ видѣлъ одну ее, существовалъ только для нея; онъ былъ весь наслажденіе, весь любовь!

На три вещи могу я смотрѣть по цѣлымъ часамъ, не замѣчая ихъ бѣга. Три вещи для меня ненаглядны: это очи милой, это Божіе небо и синее море. Велико ли яблоко глаза? но въ немъ между тѣмъ раздольно тремъ мірамъ, т. е. чувству, мысли и свѣту видимому. Въ глазѣ, какъ въ яблокѣ познанія добра и зла, таятся сѣмена жизни и смерти. Сладостно созерцать въ любимыхъ очахъ игру свѣта и тѣней, т. е. чувства и мысли; замѣчать, какъ распускается и сжимается зрачекъ, на коемъ, какъ на Гомеровскомъ щитѣ Ахиллеса, рисуется вся природа; слѣдить, угадывать, ловить искры страсти, проникать туманъ грусти, и по складамъ читать въ глубинѣ души понятія, склонности, печальности; наблюдать, какъ на милую особу дѣйствуетъ міръ и какъ бы она дѣйствовала на міръ. Это разговоръ сердець взорами, это гальваническая

сплавка душъ. Но любопытенъ и глазъ каждаго человека: чудный, хотя и неизданный романъ таится въ немъ; каждый взоръ его есть уже глава, то въ родъ Жилблаза, то въ родъ донъ Кихота или Робъ-Роя. Какъ въ двухчасномъ снѣ переживаемъ мы иногда цѣлые годы, такъ въ одной клубкомъ свитой мысли, мысли умирающей въ полуродахъ, мысли, которой весь вѣкъ четверть мига, заключается и желанье добыть, и готовность на всякое зло, чтобъ добыть, и раскаянье за то совѣсти, и страхъ закона, страхъ общаго мнѣнія, и наконецъ торжество добраго начала, которое стираетъ эту черную точку даже съ памяти. Или, напротивъ, мысль чистая, какъ слеза, сверкаетъ во взоръ, помочь несчастному, выручить изъ бѣды друга, отдать все, погибнуть за правду — и въ слѣдъ за тѣмъ сомнѣнье: полно, правда ли это? полно, право ли это? потомъ отсрочка: еще завтра успѣемъ; потомъ дать, пожертвовать менѣе, менѣе, и наконецъ совѣтъ себялюбія: есть люди богаче и сильнѣе тебя ты что за выскочка? За этимъ слѣдуетъ обыкновенно финалъ самой бездушнѣйшей скупости:

Ты все пѣла? — Это дѣло,
Такъ поди же, попляши.

И потомъ какое быстрое сплетеніе намѣреній, выдумокъ, уловокъ, приключеній; сколько злыхъ замысловъ, никогда не свершающихся; сколько словъ, которыя никогда не будутъ произнесены; сколько дивныхъ мыслей, которыя сольются съ ничтожествомъ! — И все это, какъ сказалъ я, заключенное въ одномъ мигѣ, въ одномъ взорѣ, даже въ одномъ сотрясеніи зрачка. О! кто хочетъ изучить Битайскую грамоту души человѣческой, кто желаетъ видѣть ее нагою, тотъ изучай ихъ очи! Но знай тотъ, что онъ берется за ремесло могильщика; что на каждый день онъ будетъ зарывать въ прахъ по лестной мечтѣ, по доброму мнѣнію о людяхъ, что онъ схоронитъ, какъ родныхъ своихъ, участіе къ нимъ и наконецъ собственное сердце разобьетъ свой заступъ о черепъ, и уйдетъ въ лѣсъ съ базара — кладбища, которое въ просторѣчїи называютъ : свѣтъ! Уйдетъ туда умереть одинъ, отдать трупъ свой звѣрямъ и птицамъ и вѣтрамъ, лишь бы не потѣшить своею коичиною любезныхъ братьевъ человѣковъ!!

Но неужели таково все человѣчество, все люди? Сохрани Богъ задумать, не только повѣрить! Поколѣніе наше бурная, мутная волна, но и въ этой волнѣ есть легкая пѣна, есть чистыя капли, есть перлы, вымытыя со дна морей. Сколько вы-

сокихъ душъ зналъ я, сколько знаю доселѣ! Онѣ мирять человѣка съ человѣчествомъ, какъ мирить природа человѣчество съ его судьбою. Повѣрьте, если не все добро дѣлають, то все добро признають — а это не бездѣлица.

Люблю я глядѣться и въ безбрежное небо. Когда пристально и долго смотришь въ него, то замѣтны становятся струйки эфира, прелестно играющія по синеви... это истинная гармоника для очей. Раздольно тамъ, привольно тамъ ширяться орлу, рѣять вѣчно вешней ласточкѣ, жужжать незамѣтной мушкѣ, порхать однодневной бабочкѣ! Тамъ странствуютъ тучи, чреватые перунами, тамъ гуляютъ облака, играющія отливомъ радуги. Тамъ живутъ звѣзды; оттуда живить насъ солнце.

Мирныя свѣтила! вы не знаете бурь и смуть нашихъ!... Солнце не блѣднѣетъ отъ злодѣйствъ земныхъ: звѣзды не краснѣютъ кровью, рѣками текущею по землѣ. Нѣтъ! они совершаютъ пути свои беззаботно и неизмѣнно. Солнце встаетъ такъ же пышно на утро, хоть можетъ быть цѣлое поколѣнiе, цѣлый народъ исчезъ съ лица земли послѣ его заката, и во мракѣ, по прежнему, распускаются — ночные цвѣты неба — звѣзды, по прежнему сверкають намъ огнемъ любви, и, мнится, текутъ въ океанъ благодати! Да, со-

зерцая сводъ неба, мнѣ кажется, грудь моя расширяется, растеть, обнимаетъ пространство. Солнцы, будто отраженные телескопомъ на зеркалѣ души, согрѣваютъ кровь мою; мириады кометъ и планетъ движутся во мнѣ; въ сердцѣ кипить жизнь безпредѣльности, въ умѣ совершается вѣчность! Не умѣю высказать этого необъятнаго чувства, но оно просыпается во мнѣ каждый разъ, когда я топлюсь въ небѣ . . . оно залогъ безсмертія, оно искра Бога! О, я не доискиваюсь тогда, лучше ли называть Его Іегова или Dios или Алла? Не спрашиваю съ Нѣмецкими философами: онъ ли *das immerwährende Nichts* — или *das immerwährende Alles*? но я Его чувствую вездѣ, во всемъ, и тутъ — въ самомъ себѣ. О, тогда весь шаръ земной кажется мнѣ не больше и не дороже мѣднаго гроша. Но жизнь, подобно удаву, наводитъ на меня свои обаяющіе глаза, и я, какъ жаворонокъ, падаю въ пасть ея съ неба!!

И ты, море, бурный другъ моей юности! какъ горячо любилъ я тебя въ старину, какъ постоянно люблю донынѣ! Отрокъ, я игралъ съ твоими всплесками; юноша, я восхищался твоими зеркальными тишинами и грозными бурями съ вышины мачты. Праздники были мнѣ тѣ дни, тѣ недѣли, которые могъ я про-

водить на палубѣ, вырвавшись изъ душевной столицы, сбросивъ свинцовыя цѣпи педантизма. Помню, какъ бывало вахтенный лейтенантъ, шутя, отдавалъ мнѣ рупоръ для поворота — и съ какимъ неизъяснимо-сладкимъ удовольствіемъ командовалъ я: право на бортъ, и кливеръ шкотъ отдай! Какъ важно посматривалъ на вымпелъ, чтобы во время крикнуть: гротъ-марса-булень отдай! Съ этимъ магическимъ словомъ всѣ рей, съ рокотомъ блоковъ, переметывались на другую сторону, и корабль, подобно коню, который дрожитъ отъ ярости, но покоряется волѣ всадника, довершалъ оборотъ по слову 13-лѣтняго мальчика. Я высоко подымалъ брови, я гордо смотрѣлъ на небо, у котораго уловилъ я вѣтеръ, на море, которое пробѣгалъ безстрашно, на фрегатъ, которымъ повелѣвалъ по прихоти, коимъ могъ повелѣвать даже по ошибкѣ! . . . я уже постигалъ это; я чувствовалъ силу свою!

Море, море! тебѣ хотѣлъ я ввѣрить жизнь мою, посвятить способности. Я бы привольно дышалъ твоими ураганами; валы твои побратались бы съ моимъ духомъ. Твои вѣтры носили бы меня изъ края въ край, тобою раздѣляемые и тобою же связанные. Статься можетъ, моя бы молодость проснала, какъ чайка, на твоихъ бурунахъ, статься можетъ,

отшельникъ свѣта въ пловучей кельѣ, не зналъ бы я душевныхъ грозъ въ заботѣ отъ грозъ океана . . . но судьба судила иначе . . .

Ты не моя, прекрасная стихія, но все еще я люблю тебя, какъ разлученнаго со мною брата, какъ потерянную для себя любовницу! Сколько разъ, мучимъ бессонницею въ теплой постели, завидоваль я ночамъ, проведеннымъ на шлюпкѣ, подъ ливнемъ осеннимъ, подъ бурей и страхомъ, на драпицу отъ смерти. Сколько разъ, въ противоположность тому, сожалѣль я, въ грязи биваковъ, о зыбкой койкѣ на кубрикѣ, въ которой засыпалъ, внимая журчанію скользящей вдоль борта воды надъ самымъ ухомъ, и повременному оклику вахтеннаго лейтенанта на рулевыхъ: Держи вѣсть-зюдъ-вѣсть! — Есть такъ. — Полшлага еще! — Есть. — Держи такъ! — Есть такъ.

И теперь, съ холоднымъ сердцемъ не могу я глядѣть на зыбкую степь твою, по коей рыщутъ дружины волнъ, внимать твоему реву и ропоту; ты говоришь мнѣ роднымъ языкомъ, ты вѣешь мнѣ стариною. Люблю я мечтать, склонясь надъ тобою, и переживать то, чего давно нѣтъ; люблю вскачь пускать коня моего вдоль песчанаго берега, разбрызгивая твою пѣну, и любоваться, какъ волны смываютъ мгновенный слѣдъ мой!

Это мое бывшее и будущее.

Такъ любовался Правинъ черными очами Вѣры, такъ глядѣлась она въ голубые глаза Правина, глаза, которые чудной игрой природы освѣнены были черными рѣсницами, черными бровями и кудрями. Рука съ рукой любовались они пѣнною колеей, врѣзанной кормою, колеей, безпрестанно новой и безпрестанно исчезающей. Волны, какъ друзья, то улыбались имъ, то хмурились на нихъ, и мѣрно поражая фрегатъ, звучали какъ стихи Пушкина; при солнцѣ разсыпались радужными снопами, при лунѣ растопленнымъ серебромъ; въ темную ночь сверкали фосфорною пѣною: корабль плылъ въ морѣ свѣта. И бездонное небо, то со своимъ ночнымъ пологомъ, вышитымъ звѣздами, то съ голубымъ шатромъ дня, у коего маковкой было солнце, то въ бурной ризѣ изъ тучъ, такъ величаво и таинственно возставало надъ любящимися, что они безмолвно терялись въ созерцаніи и въ разгадываніи. Очи, небо и море! море, очи и небо! — Какого вѣка было бѣ достаточно, чтобъ насытиться вами, наглядѣться вами!! Но любовь даетъ душѣ тысячи граней: въ нихъ, въ одно мгновеніе отражается множество предметовъ, и всѣ различно, всѣ ярко, всѣ блистательно. Такъ малѣйшая красота природы,

пустая шутка офицеровъ за чайнымъ столикомъ, смѣшная сказка матрозовъ, усѣвшихся съ трубками надъ лоханью воды у камбуза * подъ бакомъ, страница книги, прочитанной вмѣстѣ, давали нашимъ любовникамъ неистощимый родникъ споровъ и разговоровъ, порождали тысячи новыхъ мыслей.

Правду сказать, имъ для этого было довольно досуга. Правинъ уступилъ гостямъ все свои каюты, за исключеніемъ самой маленькой въ сторонѣ. Безпечный супругъ скоро привыкъ къ корабельной жизни; да и о чемъ было ему горевать? Поваръ съ нимъ былъ отличный, живности вдоволь, слѣдовательно любимое его Изящное Художество, т. е. Plastik des fließenden (зодчество жидкостей), по выраженію Нѣмецкихъ мыслителей, шло какъ не лъзя лучше. Потолковавъ съ художникомъ поварни, онъ цѣлое утро игралъ въ каютъ-компаніи съ мичманами въ шахматы; за обѣдомъ подливалъ Стеллинскому бордо; послѣ обѣда отдыхалъ, а тамъ опять таже исторія. Между тѣмъ какъ князь Петръ живмя жилъ въ каютъ-компаніи, между тѣмъ, какъ иной шалунъ, лукаво улыбаясь, замѣчалъ, что самая слабая его игра — шахъ ферязи, капитану Правину припала не-
* У печи.

обыкновенная охота къ письменнымъ дѣламъ: онъ безпрестанно сидѣлъ за астрономическими выкладками, у коихъ итоги были едва ль не взоры княгини, и за журналомъ своихъ путешествій вокругъ обѣихъ гемисферъ.

Взгляните на карту: какое раздолье между Тигромъ и Ефратомъ приписано было земному раю, для первой четы нашихъ праотцевъ; мы не такіе баловни, мы попрывыкли къ тѣснотѣ Эдемъ нашъ умѣститься можетъ на одной полосѣ земли, въ четырехъ стѣнахъ кабинета, въ скромной каютѣ, гдѣ вамъ придется жить втроемъ съ любовью и съ тридцати-шести-фунтовою пушкою. Если не вѣрите, стросите у Правина и княгини Вѣры. Къ счастью (жъ Правина и княгини Вѣры, хотя къ большой досадѣ всѣхъ его товарищей, бури и противные вѣтры замедляли ихъ плаваніе, задерживали въ портахъ, куда необходимо было зайти для освѣженія припасовъ и наливки водою. Такъ все относительно въ этомъ свѣтѣ. Вожделина молнія, когда указываетъ она потерянную дорогу. Ужасна заря, открывающая осужденному эшафотъ. Для путника первая блистаетъ, какъ свѣча пиршества; для преступника вторая, какъ лезвее топора. То, что раждало зѣвоту и побранки на устахъ моряковъ, внушало

любовникамъ сладкія рѣчи и еще сладчайшіе поцѣлуи.

— Не бойся, милочка! говорилъ Правинъ Вѣрѣ, когда она страстно прижималась къ его груди, принимая ударамъ разъяренныхъ валовъ въ составъ фрегата.

— Мнѣ ли бояться ихъ, возражала она, когда я знаю, что каждая волна приноситъ мнѣ лишнюю минуту счастья. Пускай дрожить отъ нихъ дубъ: мое сердце трепещетъ не отъ робости.

Оба любовника не выходили изъ забытья любовной горячки, забытья, оживленнаго наслажденіями и пламенными мечтами. Правда, минутная ревность злобно терзала сердце Правина, когда князь Петръ приближался къ Вѣрѣ со своими насущными ласками, но тогда ея умоляющій взоръ, но послѣ ея беззавѣтная преданность награждала его терпѣніе — и онъ уснокоивался. Чистое сердце — точно волшебная прялка: она выпраждаетъ золото поэзіи изъ самой грубой пеньки вещественности; любовь Правина и Вѣры была истина: то была страсть, какой давно не видить и не вѣрить свѣтъ. Они блаженствовали.

Я сказалъ, что противные вѣтры замедляли путешествіе фрегата Надежды . . . безъ сомнѣнія любовь въ томъ выигрывала; но едва-ль не теряла въ томъ служба, и очень

много. Правинъ утопилъ въ своей привязанности все другія заботы. Любоваться Вѣрой, когда вмѣстѣ, думать о ней, когда врознь, стало его любимымъ занятіемъ. То задумчивъ, то разсѣянъ, онъ мало обращалъ уже вниманія на порядокъ управленія парусами, на внутреннее устройство фрегата и команды. Только въ буряхъ, только въ опасностяхъ пробуждался онъ отъ дремоты, схватывалъ трубу и грознымъ словомъ своимъ укрощалъ злобу стихій. Но съ бурей утихалъ онъ самъ и снова падалъ въ досадное равнодушіе ко всему, кромѣ предмета своей страсти.

Иль Павловичъ сперва лишь качалъ головою; потомъ сталъ пожимать плечами, а наконецъ безъ шутокъ началъ журить Правина за его небреженіе къ службѣ.

— Я предсказывалъ тебѣ, говорилъ онъ не разъ, что кто начнетъ кривить противъ долга честнаго человѣка, противъ связей общества, тотъ конечно не минуетъ забвенія обязанностей службы. Полно ребячиться, Илья: твоя связь не доведетъ тебя до добра; ты можешь въ эту игру проиграть здоровье и доброе имя — кто знаетъ, можетъ быть, самую жизнь; а что всего хуже, ты погубишь съ собой и княгиню . . . это прелестное созданіе, которое стоитъ лучшаго свѣта и чистѣйшей

судьбы. Грѣшно человѣку съ душею вербовать ее въ дружину падшихъ ангеловъ.

Правинъ сперва оправдывался—ссылался на примѣръ другихъ, на силу своей страсти. Потомъ онъ отыгрывался шутками—наконецъ сталъ молчать и сердиться. Совѣты друга ему наскучили, выговоры его досаждали ему. Не желаніе блага, а тщеславіе своего превосходства находилъ онъ въ прямизнѣ Кокорина. Его строгость называлъ онъ безчувственностію, его неуклончивость гордостью. Такова бываетъ участь всѣхъ тѣхъ, которые не поблажаютъ нашимъ слабостямъ, которые даютъ лекарство, не обмазавъ медомъ края стакана. Мы терпѣть не можемъ людей, которые угадываютъ наши тайные помыслы и даютъ имъ клички по шерсти; для насъ обидно, когда собственная совѣсть заговорить чужими устами. Кстати ли послушаться когонибудь! Да что я за ребенокъ? Да я развѣ не знаю, что дѣлаю? У каждого свой умъ—царь въ головѣ! Я не люблю плясать по чужой дудкѣ . . . Самолюбіе засыплетъ подобными пословицами, уколи его хоть булавкою. Холодность и принужденіе разрознили старыхъ друзей. Правинъ забылъ, что съ Ниломъ Павловичемъ дѣлилъ онъ и дѣтскія забавы и опасности мужества; что его попеченіямъ обязанъ былъ, если не жиз-

нію, то здоровьемъ, ибо жестоко раненый подъ Навариномъ, за что произвели его послѣ въ капитанъ - лейтенанты, онъ цѣлый мѣсяць не могъ двинуться, а Нилъ Павловичъ, во все время его выздоровленія, не спалъ ночей, предупреждая всѣ его желанія и нужды, снося его причуды.

О! любовь чуждаемое растеніе . . . Оно скоро разрастается по сердцу, и скоро выживаетъ вонъ всѣ другія чувства!

Между тѣмъ, не смотря на бури, не смотря на вѣтры, не смотря на умысленныя замедленія ходу отъ капитана, давно остались назади дебристые острова и гранитныя скалы Финляндіи — рыцарскій Ревель, коего шпицы и башни вонзаются въ небо словно копья великановъ, и другой стражъ, противоставшій ему съ берега Швеціи — Свеаборгъ, опоясанный тремя ярусами батарей. Побывавъ въ Копенгагенѣ, пролетѣвъ Зундъ, оставивъ Гельсингоръ за собою, фрегатъ миновалъ грозные утесы Дернеуса, крайняго мыса печальной Норвегіи — и вошелъ въ Нѣмецкое море. Накопецъ Нордъ-форъ-ландскій маякъ, какъ звѣзда Венеры, блеснулъ ночью надъ зыбями . . . Англія! радостно закричалъ матрозъ съ форсалинга*; но этотъ блескъ, этотъ звукъ зло-

* Верхній перекрестокъ веревокъ на передней мачтѣ.

въще поразили чувство обоихъ любовниковъ . . . они сказали имъ близкую разлуку!

Князя Петра уговорили выйти на берегъ въ Плимуть. Фрегату способнѣе было тамъ освѣжиться, чтобы оттоль прямо спуститься въ океанъ. А князю, изъ Плимута до Лондона, предстояло любопытное путешествіе, избавлявшее его лишнихъ хлопотъ нарочно ѣздить посмотрѣть Англію и возвращаться обратно. И такъ фрегатъ неся по Ламаншскому каналу, ловя, такъ сказать, лишь пѣну видовъ Англіи и Франціи. Кале и Дувръ мелькнули какъ сонъ; скрылся и Спитгидъ, подобный вдали дикобразу отъ множества мачтъ; и Вайтъ — изумрудный перстень Англіи. Берега Пертшира бѣжали, и наконецъ завидѣлся Эдди-стонскій маякъ, истинный геркулесовъ столбъ, вонзенный рукою человека въ подводную скалу. Величавый памятникъ воли — не той тиранской воли, которая воздвигла бесполезныя пирамиды въ бесплодныхъ пескахъ Египта, но воли благотворной, хранительной, которая зажигаетъ для пловцовъ новыя звѣзды, чтобы онѣ, подобно оку Провидѣнія, неусыпно стерегли и блюли отъ гибели тысячи кораблей. Вправѣ открылся Плимуть, славный своимъ портомъ, который защищенъ недавно великанскимъ волнорѣзомъ

(break-wa-ter) отъ бурь океана. Англичане велики въ полезномъ.

Но чудесность этого волнорѣза, но богатство города, но прелесть окрестностей и новость предметовъ не утѣшали любовниковъ, которымъ каждый домъ, каждый шагъ на землѣ напоминалъ: вамъ должно разстаться! И наконецъ часъ разлуки пробилъ. И наконецъ должно было сказать: *прощайте* — слово — задатокъ терзаній разлуки; слово, которое, какъ желѣзный гвоздь, вытягивается въ безконечную проволоку, въ струну, изъ которой каждой повѣвъ вѣтра извлекать будетъ звуки печали. Должно было проститься, и проститься не такъ, какъ любовникамъ, какъ супругамъ, на груди другъ друга, растворяя горестъ слезами, изсушая слезы лобзаніями — нѣтъ! должно было проститься поклономъ, при опасномъ свидѣтелѣ, задавить слезу улыбкою, задушить вздохи привѣтами, желать счастья, нося адъ въ груди своей. И этотъ адъ всегда удѣлъ тѣхъ, которые закладываютъ душу свою за чужое счастье, которые украдкою рвутъ плоды Эдема. Настоящій владѣтель снимаетъ съ нихъ счастье, какъ праздничный кафтанъ съ своего раба — и онъ не смѣетъ молвить слова. Онъ прячетъ въ сердце и поминку и томъ, будто краденую вещь; онъ

краснѣетъ благороднѣйшаго чувства, какъ низкаго поступка. Правинъ не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ комнатъ князя Петра. Онъ очнулся уже на фрегатѣ, при кликѣ боцмана: якорь всталъ! когорому отвѣчало громкое ура! шпилевыхъ*. Въ рукѣ его замерла карточка, всунутая въ его руку княгиней Вѣрю при разставаньи. Но прежде чѣмъ прочесть ее — онъ прильнулъ къ ней устами.

* Т. е. матрозовъ, вывертывающихъ воротомъ якорь.

— 173 —

VI.

«Sic volo, sic judeo — sta pro ratione voluntas!»

Juvenal.

Тихо катился фрегатъ Надежда вдоль береговъ Девоншира. Колокольни Плимута и лѣсъ мачтъ его гавани вращали въ воды. Живописныя мѣстечки, цвѣтущія деревни являлись и убѣгали точно въ стеклѣ косморама... даль задерживала предметы своею синевою. Свѣжестью осеннею дышала земля; мирно было все въ небѣ и на морѣ; но въ дали сѣрыя облака заволокали кругомъ горизонтъ, широкая зыбь грозно катилась въ проливъ, и западные склоны ея волнъ, встающіе все круче и круче, предсказывали крѣпкій вѣтеръ съ океана.

Вечерѣло. Нилъ Павловичъ, ворча что-то

про себя, съ заботливымъ видомъ поглядывалъ на туманное небо и на тусклое море — онъ стоялъ на вахтѣ.

— Не прикажите ли, капитанъ, убрать наши чепчики, т. е. брамсели, разумѣю я, а въ слѣдъ за ними и брамъ-стенги? спросилъ онъ Плавина.

— Прикажете, отвѣчалъ тотъ равнодушно. Хотя я не вижу въ этомъ большой нужды — посмотрите-ка: парусы наши чуть не левентихъ,*

— Конечно такъ, возразилъ Нилъ Павловичъ, немного уколотый такимъ замѣчаніемъ. Теперь пузо** нашихъ парусовъ какъ передникъ десятилѣтней дѣвочки; за то взгляните, какъ надуло свое, море! Этакая прожора! — такой Фальставъ земнаго шара! — оно готово скушать и насъ безъ перцу и лимоннаго соку! Прислушайтесь, какъ стало оно ворчать и разбавать пасть свою!... Нѣтъ, погоди ты, морская собака; мы еще не довольно грѣшны, чтобы познакомиться съ твоею утробой, не исповѣдавшись на Аѳонской горѣ. Не придерживать ли, капитанъ, круче къ вѣтру, чтобы до ночи удалиться отъ береговъ?

— Нѣтъ, Нилъ Павловичъ, мы спустимся въ

* Т. е. полощутся, висятъ не надувшись.

** Техническое выраженіе — округлость паруса.

океанъ не ранѣе, какъ обогнувши мысъ Лизардъ, чтобы, забравшись выше, далеко миновать бурливую Бискайскую бухту. До той поры держаться надо параллельно берегу.

— Чтобъ не прижало насъ волненіемъ къ бурунамъ; . . . каменный утесъ плохой сосѣдь деревянному боку.

— Кажется, Нилъ Павловичъ не перешелъ еще мередиана жизни, за которымъ и самую робость величаютъ осторожностію.

— Одной осторожностію больше — однимъ раскаяніемъ менѣе, капитанъ!

— Рискъ дѣло благородное, Нилъ Павловичъ! не съ вами ли ходили мы на гниломъ рѣшетѣ между ледяныхъ горъ Южнаго океана — и боялись ли тогда итти все впередъ, да впередъ? Бывало, смѣнившись съ вахты, чуть заснешь, смотришь, выбросило изъ койки, а сквозь пазы хоть звѣзды считай — что такое? — стукнулись о льдину . . . течь заливаешь трюмъ, качка тронула изъ гнѣзда мачту! Да тонемъ, что ли? — Нѣтъ еще, отвѣчаютъ сверху. И мы засыпали опять богатырскимъ сномъ,

— Это правда, капитанъ: мы засыпали, но это было отъ того, что вы не были командиромъ судна, а я первымъ лейтенантомъ, какъ теперь. На насъ не лежалъ отвѣтъ даже за свои души, намъ съ полъгоря было тогда тонуть,

не раскрывъ даже одѣяла, боясь простуды. Теперь иное дѣло: отъ насъ Богъ и Государь требуютъ сохраненія корабля и людей.

Капитанъ не слыхалъ окончанія этой рѣчи: онъ уже въ глубокой думѣ стоялъ на подвѣтренной сѣткѣ, устремивъ свои очи на волны.

Какое сгранное дѣйствіе производятъ онѣ на воображеніе тронутаго человѣка. Игра ихъ отражается въ немъ будто въ зеркалѣ. Самыя мечты его колышата, возникаютъ, опадаютъ въ немъ вещественно, и не образуясь ни во что опредѣленное, сливаются съ моремъ, не оставивъ по себѣ слѣда. Такъ было и съ Правинымъ. Любовь его была глубока какъ море, кипуча какъ море — сердце его было на время оглушено разлукою, и оно очнулось лишь тутъ; оно пробудилось какъ младенецъ, подкинутый безжалостною матерью къ чужимъ воротамъ, зимою — и первый звукъ, изъ него вырвавшійся, былъ болѣзненный крикъ отчаянія. Неразсвѣтающій мракъ, убійственный холодъ, вотъ что отнынѣ будетъ его тюрьмою и пыtkою. Люди не сохраняютъ для него въ гостиницѣ ни одной радости. Уединеніе не дастъ ни одной свѣтлой мысли. Опустошаетъ, какъ Тимуръ-Ленгъ, душу разлука, душу человека, одареннаго мыслию и чувствомъ! Онъ отчуждилъ ее, онъ перелилъ ее въ бытіе ми-

лой, онъ сплавилъ свои мысли съ ея мыслями; свои чувства съ ея чувствами. Какъ чудные близнецы, сердца ихъ срослись въ одно цѣлое — и вдругъ это цѣлое разорвано, разбито, разброшено судьбою. Такой человѣкъ теряетъ вдругъ все, потому что онъ все отдалъ; онъ не вѣритъ надеждѣ, потому что забралъ слишкомъ много у прошлаго, потому, что онъ въ часахъ истратилъ годы счастія. Лишь одно воспоминаніе вползаетъ въ развалины, какъ змѣя. О воспоминаніе! ты льешься тогда горячими слезами изъ очей, каплешь кровью изъ сердца. Разлука встаетъ между любящимися будто ледяная стѣна — и на ней, словно въ волшебномъ фонарѣ, изображается въ тысячѣ видахъ все бывшее. Вторится каждая прелесть, каждое слово нѣги и нѣжности! Чародѣй — она воскрешаетъ ласки, уносившія насъ до восторга, утопившія насъ въ небесномъ самозабвеніи; зажигаетъ вновь взоры и поцѣлуи, и когда на устахъ разгорается жажда лобзаній, когда кровь пышитъ, когда сердце рвется слиться съ другимъ въ пламени взаимности — рука и уста и сердце встрѣчаютъ ледъ, и мечта тонетъ въ мерзлой рѣкѣ, подобно голубку, опаленному пожаромъ. Тогда, о тогда невольно раждается вѣра въ злое начало, въ самовластіе Аримана, въ силу ангела тмы! Ка-

жется, чувствуешь тогда его мертвящее дыханіе, видишь во тмѣ его злобныя очи, внемлешь его адскій смѣхъ за собою.

Мрачнѣй, все мрачнѣй становилось море, и съ нимъ за одно чернѣли думы Правина. Грудь его вздымалась тяжело, будто свинцовые валы обливали ее своею тяжестью, будто лежала на ней колоссальная рука судьбы. Онъ смотрѣлъ на полеть чайекъ; онѣ одна по одной отставали отъ фрегата, и съ жалобнымъ крикомъ исчезали въ туманномъ небѣ.

— Съ вами, думалъ онъ: улетають мои послѣднія радости, и когда Англія, эта раковина, хранящая жемчужину моей души, исчезнетъ изъ глазъ моихъ — не все ли равно, что я схороню ее въ океанъ . . . Когда случай сведетъ насъ? гдѣ могу я встрѣтить ее? А между тѣмъ я, бѣдный скиталецъ, останусь надъ бездною одинъ, одинокъ!

Какъ обыкновенно звучать эти слова! Раскройте словарь, и вы съ трудомъ ихъ отыщете на страницѣ. Какъ грамматическое орудіе, они ничѣмъ не отличны отъ своихъ собратьй; но какъ выраженіе мысли, какъ символъ чувства, какъ слѣдъ дѣла — я никогда не могу прочесть или услышать ихъ, чтобъ сердце мое не сжалось. Одинъ Богъ можетъ быть одинокъ безъ скуки, ибо въ лонѣ Его

движется все. Только Богъ можетъ быть одинъ безъ сожалѣнія, потому, что нѣтъ Ему равнаго.

Предвѣщанія, предчувствія тѣснились въ сердцѣ Правина: сильныя страсти насъ дѣлають суевѣрными. Но къ нимъ прививалась и ревность, которой не могъ отрицать ни чей разумъ.

— Она будетъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ, думалъ онъ, и кто порука, что въ вихрь разсѣянности она не забудетъ меня! Притомъ, устоитъ ли она противу обольщенія, вооруженнаго всѣми прелестями дарованій, ума, славы, красоты, моды! устоитъ ли противъ собственнаго тщеславія? И я, неопытный, ни разу не дерзнулъ ей напомнить о вѣрности, связать ее клятвою! О, какъ бы я желалъ еще хоть часъ побыть съ нею, услышать ея обѣтъ вѣрной, вѣчной любви — умолить: хоть изъ жалости не измѣнять мнѣ, и если суждено намъ судьбою не видаться болѣе, проститься съ ней не равнодушнымъ знакомцемъ, какъ это было въ Плимутѣ, но страстнымъ любовникомъ наединѣ, слить наши слезы, и пламеннымъ поцѣлуемъ запечатлѣть пламенную любовь!

Онъ вынулъ изъ кармана послѣднія слова княгини, написанныя карандашемъ на оборо-

тѣ карточки адреса дучшаго трактира въ мѣстечкѣ (мы назовемъ его Ляйтъ-Боругъ,) куда собиралась ѣхать сегодня же княгиня, отдохнуть вдалекѣ отъ шуму и пыли, покуда сошьютъ ей въ Плимутѣ Англійскій костюмъ. Ей такъ расхвалили здоровое мѣстоположеніе и живописныя окрестности этого Ляйтъ-Боруга ей такъ необходимо поправить свою слабую грудь послѣ морскаго путешествія. Князь пріѣдетъ за нею дня черезъ три, и вмѣстѣ отправятся въ Лондонъ; и теперь княгиня должна быть уже тамъ, и его фрегатъ противъ самаго Ляйтъ-Боруга, и до берега не болѣе двухъ миль! Все это пришло вдругъ на память Правина. Онъ нѣсколько разъ поворачивалъ карточку, — и каждое слово ея казалось теперь ему чертами свѣта — онѣ загорались подобно электрическому фейерверку отъ прикосновенія проводника. Недокончанная рѣчь: ангелъ мой, я твоя принимала тысячу разныхъ смысловъ, и всѣ они сходились къ одному: свиданье или смерть! Для чего жъ инаго она хотѣла ѣхать въ Ляйтъ-Боругъ? Для чего инаго написала свое таинственное посланье на карточкѣ адреса? . . .

— Свиданье или смерть! молвилъ себѣ Правинъ.

— Нилъ Павловичъ! сказалъ онъ, быстро

обернувшись къ лейтенанту: прикажите спустить съ боканцевъ мою десятку: я ѣду на берегъ!

— На берегъ? вы, капитанъ, ѣдете на берегъ? съ изумленіемъ спросилъ Нилъ Павловичъ. Этого быть не можетъ.

Правинъ важно посмотрѣлъ на лейтенанта.

— Желалъ бы я знать, почему не можетъ этого быть? съ ироніею возразилъ онъ.

— Потому, что не должно, капитанъ!

— Нилъ Павловичъ будетъ конечно такъ добръ, что растолкуетъ, почему это?

— Я думаю, вы лучше всѣхъ знаете, капитанъ, что глядя на вечеръ, опасно пускаться въ прибой, для шлюпки; еще опаснѣе ложиться въ дрейфъ, для фрегата, когда буря на носу. Притомъ это напрасно замедлить путь.

— Оставьте мнѣ знать, что напрасно и что надобно. Я такъ хочу — и оно такъ будетъ. Прикажите сей часъ спустить шлюпку!

Нилъ Павловичъ поздно замѣтилъ, что онъ ошибся въ расчетъ, обращаясь къ Правину, какъ къ начальнику, и между тѣмъ противорѣча какъ другу, вмѣсто того, чтобы обратиться къ другу и уговорить капитана.

— Ты сердншься, Илья? сказалъ онъ, подошедши къ нему ближе — и право напрасно. Посмотри на небо и на море: они хмурятся

на насъ, будто судья на уголовного преступника. Не покидай же фрегата въ такую пору: не клади на себя упрека, что ты уѣхалъ отъ опасности!

— Я, бѣгу отъ опасности? Послушай, Ниль... на свѣтѣ не было другаго, кромѣ тебя, кто бы осмѣлился мнѣ сказать это; и нѣтъ никого, кто бы сказалъ это дважды. Я довольно жилъ и служилъ, чтобы меня не подозрѣвали въ трусости!

— Илья, Илья! прочь отъ меня укоръ въ подобномъ сомнѣніи. Не отвага, а благоразуміе тебѣ измѣпляетъ. Не въ трусости, а въ безрасудствѣ стануть обвинять тебя, если ты поѣдешь... ну, чего Боже сохрани, если безъ тебя что случится!...

— Кажется, Ниль Павловичъ боится отвѣтственности, когда останется старшимъ.

— Не отвѣтственности, но вреда судну и людямъ боюсь я. Не плохой я морякъ, Илья Петровичъ, ты знаешь это: за то я самъ знаю, что ты морякъ лучше меня. Лежать въ дрейфѣ, дожидаясь тебя въ бурную ночь вблизи камней — право не находка. Другъ Илья! отложи свое намѣреніе, взявъ его за руку, съ чувствомъ продолжалъ Ниль Павловичъ... волненіе развело огромное — видишь, какъ сильно поддало!

Въ самомъ дѣлѣ валь расшибся по скулу

фрегата и через сѣтку окропилъ брызгами обоихъ друзей. Фрегатъ вздрогнулъ, но сердце капитана осталось спокойно — ему ничто не казалось зловѣщимъ. Любовь ослѣпляетъ самый опытъ и даетъ какую-то темную вѣру, что природа можетъ иногда измѣнять свои законы для любовниковъ. Правинъ отряхнулъ брызги и тихо отвелъ руку Никола Павловича.

— Пустые страхи! произнесъ онъ. Буду; хочу ѣхать! ...

— Твоя воля мнѣ законъ, по воля, а не прихоть. Не сердись, что я круто говорю тебѣ правду — я не придворный. Будь мужъ, Илья! ты ужъ и то много потерялъ во мнѣи товарищей черезъ свою предосудительную связь: ну да прошлое прошло — Богъ съ нимъ! распростились — баста! Нѣтъ, такъ давай еще амуриться. Самъ посуди: стоитъ ли рисковать Царскимъ фрегатомъ и жизнью этихъ добрыхъ людей, даже собственною славою, для масляныхъ губокъ какой нибудь безпутной княгини?

Капитанъ вспыхнулъ.

— Прошу васъ, г. лейтенантъ, быть не очень тороватымъ на осужденіе особъ, которыхъ вы хорошо не знаете. Въмѣсто того, чтобы разбирать поведеніе вашего капитана, лучше бы вамъ исполнять его приказанія.

— А! молвилъ тогда обиженный въ свою очередь Нилъ Павловичъ, отступая и возвысивъ голосъ. Вамъ угодно говорить мнѣ, какъ начальникъ подчиненному? такъ позвольте мнѣ, въ лице вахтеннаго лейтенанта, замѣтить вамъ, капитанъ, что вамъ неприлично отлучаться со ввѣреннаго вамъ фрегата передъ бурей, зная, что этимъ вы подвергнете его неминуемой опасности.

Нилъ Павловичъ брызнулъ масломъ на огонь.

— Вы, сударь, не судья мнѣ! Прикажете, сударь, спустить шлюпку, говорю я вамъ! вскричалъ Правинъ въ запальчивости. Не заставьте меня самого приказывать. Знайте, что если вы меня выведете изъ терпѣнія, я могу забыть и прежнюю дружбу, и долгую службу нашу вмѣстѣ.

— Мнѣ кажется, капитанъ, вы уже забываете ее, оставляя свой постъ. Я гласно протестую противъ вашего отъѣзда, и прошу записать мое мнѣніе въ журналъ.

— Г-нъ штурманъ! гнѣвно воскликнулъ капитанъ: запишите въ журналъ слова г-на лейтенанта Кокорица, и прибавьте къ этому, что онъ арестованъ мною за ослушаніе. Отдайте, милостивый государь, вашъ рупоръ лейтенанту Стрѣлкину, и не выходите изъ вашей каюты.
— Шлюпку!

— Пусть насъ судить Богъ и Государь! горестно сказалъ Ниль Павловичъ, уходя. Но вспомните мои слова, капитанъ . . . вы дорожною цѣной купите горькое раскаяніе!

Капитанъ корабля, безпрестанно находясь на службѣ и вблизи своихъ офицеровъ, по неволѣ облекается недоступностію, чтобы подчиненность не исчезла отъ частаго товарищества, и это наконецъ обращается въ привычку властвовать. Правинъ, какъ и всякій другой, скоро привыкъ къ безусловному повиновенію, а тутъ Ниль Павловичъ, не умѣя взяться за дѣло, раздражилъ вдругъ и страсть и гордость Правина, будто нарочно. Затронутый за живое, онъ счелъ обязанностью сдѣлать наперекоръ своему другу.

Отдавъ всѣ пужныя приказанія молодому лейтенанту, Правинъ спрыгнулъ въ катеръ. Десять лихихъ гребцовъ ударили въ весла, и скоро, выбравшись на вѣтеръ, поставили паруса. Катеръ покатился съ волны на волну, между тѣмъ какъ съдая пѣна забрасывала мгновенный слѣдъ его, будто ревнуя, что утлая ладья презираетъ ярость могучей влаги.

— 121 —

VII.

— И въ думѣ нѣтъ, что наслажденье —
прахъ,

Что случая крыло его уноситъ;

Что каждый маятника взмахъ

Цвѣты минутной жизни косить.

А. Б.

Свѣчи догорали въ комнатѣ княгини Вѣры, въ гостинницѣ Ляйтъ-Боруга. Было три часа за полночь — и счастливецъ Правинъ вырвался изъ объятій своей страстной и прекрасной любовницы.

— Возможно ли! сказалъ онъ . . . уже близко утро — цѣлая ночь испарилась, какъ поцѣлуй!

Съ дикимъ восклицаніемъ поднялась съ дивана княгиня — глаза ея впились въ Правина . . .

— О, не говори мнѣ объ утрѣ, не напоминай о разлукѣ: я не пушу тебя . . . ты самъ не покинешь меня . . . не правда ли? про-

должала она съ ребяческою нѣжностью, привлекая его на свою грудь. Мой Илья не будетъ такъ жестокъ — онъ не предастъ меня отчаянію — я не отдамъ тебя морю! . . . слышишь, какъ сѣчетъ ливень въ окна, какъ завываетъ буря! . . .

Правинъ въ половинѣ поцѣлуя оторвалъ уста онъ коральныхъ устъ княгини, и заботливо прислушивался къ шуму сражающихся стихій. Мысль о штормѣ, о бѣдѣ, въ которомъ могъ быть его фрегатъ, прожгла его мозгъ. Страшно было видѣть его поблѣднѣвшее лицо подлѣ томнаго лица княгини, подернутаго прозрачнымъ румянцемъ нѣги . . . Вѣра была тогда прелестна, какъ страстное желаніе поэта, въ которомъ болѣе неба, чѣмъ земли; Правинъ со своими мутными очами походилъ на раскаяніе, пробужденное страхомъ.

— Спасите! вскричалъ онъ наконецъ безумно . . . фрегатъ мой тонетъ . . . слышите ль выстрѣлъ, еще выстрѣлъ — еще . . .

Буря будто притихла съ усталости . . . какой-то гулъ замиралъ вдали — подъ скалой звѣремъ ревѣло море . . . но кругомъ все было тихо, до того тихо, что слышно было паденіе капель съ кровли, и бой испуганнаго сердца княгини.

— Нѣтъ, мой безцѣнный — ты ошибся —

то были удары грома. Может ли быть несчастливъ кто нибудь въ то время, когда мы такъ счастливы! . . .

Правинъ съ какою-то неистовою нѣгою упалъ въ объятія Вѣры. —

— Ты моя! Вѣра моя! что жъ мнѣ нужды до всего остального — пускай гибнуть люди, пускай весь свѣтъ разлетится въ дребезги! я подыму тебя надъ обломками и послѣдній вздохъ мой разрѣшится поцѣлуемъ! . . . О, какъ пылки, какъ жгучи твои уста въ эту минуту, очаровательница! . . . Знаешь ли, примолвилъ онъ тише, сверкая и вращая очами, какъ опьянѣлый — ты должна любить меня, уважать меня, поклоняться мнѣ болѣе чѣмъ когда нибудь . . . знаешь ли, что я богаче теперь Ротшильда, самовласнѣ Англійскаго короля, что я облеченъ въ гибельную силу, какъ судьба? — Да, я могу сорить головами людей по своей прихоти, и за каждый твой поцѣлуй платить сотнею жизней — не жизнью враговъ — о, нѣтъ! это можетъ всякой разбойникъ. Это слишкомъ обыкновенно . . . нѣтъ, говорю тебѣ, я бросаю на вѣтеръ жизнь моихъ любимыхъ товарищей, моихъ друзей и братьевъ — а за нихъ во всякое другое время готовъ бы я источить кровь по каплѣ, изрѣзать сердце въ доскутки !

Трепеща внимала княгиня этимъ несвязнымъ рѣчамъ, неполнѣ понимая ихъ.

— Ты меня ужасаешь, милый! говорила она. Илья! ты уморишь меня со страха!

— Умереть? кто говорить умереть—Вздоръ! — теперь-то и надо намъ жить, потому что одна любовь стоитъ назваться жизнью; ты сама прелестна, какъ жизнь, Вѣра! произнесъ онъ, обтекая ее взорами, пожирая лобзаніями: ты божественна какъ смерть, потому что заставляешь забывать все, потому что заключаешь въ себѣ рай и адъ. Помнишь ли обѣтъ мой отдать тебѣ и за тебя душу! — вотъ она! вотъ она вся...я не продавалъ ея по мелочи за ничтожныя радости, не промѣнивалъ ея на золото. Дѣвственну и чисту сохранилъ я ее до сихъ поръ — и теперь бросаю ее къ ногамъ твоимъ, какъ разорванный вексель. Дорого, о, невообразимо дорого ты мнѣ стоишь, милая! но я не раскаяваюсь, я заплаченъ выше цѣны.

Съ какими-то судорожнымъ восторгомъ онъ притиснулъ къ своей груди княгиню; та робко отвѣчала на его ласки. Со своими воздушными формами она казалась съ неба похищенною Пери, на колѣняхъ суроваго Дива; и наконецъ, уступая оба неодолимому очарованію страсти, они слились устами, будто выпивая другъ изъ друга жизнь и душу.

Часы могли бить, пѣтухъ пѣть, не возбуждая любовниковъ изъ упойтельнаго забытья; но они пробудились не сами. Страшный, какъ труба, пронзающая могилы и разсѣявающая льстивыя грезы грѣшниковъ, раздался надъ ними голосъ... Сердца ихъ вздрогнули — передъ ними стоялъ князь Петръ!

.
.
. Она вырвала пистолетъ изъ руки Правица, и почти безъ чувствъ прильнула къ его плечу. Онъ бережно опустилъ ее на кресла, и потупивъ очи, но поднявъ брови, обратился къ обиженному супругу.

— Часъ и мѣсто, князь! Я знаю важность моей вины; знаю требованія чести . . .

Физиогномія и осанка князя, весьма обыкновенныя, одушевились въ то время какимъ-то необычайнымъ благородствомъ. Ничто такъ не возвышаетъ языка и движеній человека, какъ негодованіе.

— Требованія чести, м. г.? отвѣчалъ онъ гордо . . . и вы говорите мнѣ о чести въ спальнѣ моей жены? Вы, котораго я принялъ къ себѣ въ домъ какъ друга, которому довѣрился какъ брату, и вы обольстили мою жену — эту женщину, хотѣлъ я сказать — запятнали доброе имя, пустили позоръ на два се-

мейства, отняли у меня домъ и лучшую отраду мою — любовь супруги — вы, сударь, однимъ словомъ, похитили честь мою, и думаете загладить все это пистолетнымъ выстрѣломъ, прибавя убійство къ разврату? Послушайте, г-нъ Правинъ: я самъ служилъ моему Государю въ полѣ, и служилъ съ честью. Я не трусь, м. г., но я не буду съ вами стрѣляться; не буду потому, что нахожу васъ недостойнымъ этого. Не буду, потому что не хочу вовсе безславить ни себя, ни жены моей. Пусть это происшествіе умретъ между нами — но между мной и ею съ этихъ поръ не будетъ менѣе ста верстъ. Чужая любовница не назовется съ этихъ поръ моею женою. Мы разъѣзжаемъ, и навѣкъ! — она богата — стало быть найдетъ и утѣшеніе и утѣшителей. Это мое неизмѣнное слово, это святая клятва моя. Для свѣта можно сказать, будто мы поссорились за пелеринку, за модное кольцо — за что угодно. Вотъ все, что я имѣю сказать вамъ, только вамъ, сударь! Эта неблагодарная женщина не услышитъ отъ меня ни одного упрека; она не стоитъ не только сожалѣнія — даже презрѣнія. Я добръ, я былъ слишкомъ добръ, но я не изъ тѣхъ добряковъ, которые терпятъ рога добровольно. Съ вами я надѣюсь встрѣчаться какъ можно рѣже — съ нею никогда! Я ѣду

въ Лондонъ; я оставляю васъ наединѣ съ этою безсовѣстною женщиною и съ вашею совѣстью, и увѣренъ, что вы не будете долго ссориться всѣ трое! —

Обиженный супругъ закрылъ глаза руками — и крупныя слезы прокрадывались изъ-подъ нихъ . . . онъ медленно отворотился . . . онъ вышелъ.

Княгиня рыдала безъ слезъ, на колѣняхъ, склоня голову на подушку дивана. Правильно стоялъ въ какомъ-то онемѣніи, сложа на груди руки; онъ не могъ ничего сказать на отпоръ князю, потому что внутренній голосъ обвинялъ его громче обвинителя; онъ не могъ промолвить никакого утѣшенія княгинѣ, для того, что не имѣлъ его самъ. Эгоизмъ страсти предсталъ передъ него тогда во всей наготѣ, въ своемъ звѣриномъ безобразіи! «Ты, ты, вопіяла въ немъ совѣсть: разбилъ этотъ драгоценный сосудъ, бросилъ въ огонь эту мирру, для того, чтобъ одну минуту насладиться благоуханіемъ. Ты зналъ, что въ ней заключенъ былъ талисманъ счастія, завѣтъ неумолимой судьбы, слава и жизнь твоей милой — зналъ — и дерзко изломалъ печать, какъ ребенокъ ломаетъ свою игрушку, чтобъ заглянуть внутрь ея. Взгляни же теперь на душу Вѣры, тобою разрушенную, полюбуйся

на сердце ея, которое ты вырвалъ и бросилъ въ добычу раскаянію, на умъ, который съ этихъ поръ будетъ гнѣздомъ черныхъ мыслей, укорительныхъ видѣній — и для чего, для кого все это? . . . не лицемеръ, не прячешься за отговорки: все это было *для себя, для собственной забавы*; ты не боролся съ своею страстью, не бѣжалъ отъ искушенія, не принесъ себя въ жертву — нѣтъ, ты, какъ языческій жрецъ, зарѣзалъ жертву во имя истукана любви — и самъ пожралъ ее. Въ какой свѣтъ, въ какое общество сбросилъ ты княгиню? Отнынѣ въ каждомъ поклонѣ будетъ она видѣть обиду, въ каждой улыбкѣ насмѣшку, въ родномъ поцѣлуѣ — лобзанье Іудино; вездѣ будутъ казаться ей качаніе головою и перемигиваніе и лукавый шепотъ; самый невинный разговоръ будетъ колоть ее шипами, самую дружескую откровенность вообразить она признаваніемъ, вся жизнь ея будетъ горечь сомнѣнья, и подавленные вздохи, и слезы, снѣдаемая сердцемъ! . . .

Да, ужасное похмѣлье даетъ намъ упоеніе страстями! Изможденные тѣломъ и духомъ, мы пробуждаемся передъ судомъ для того, чтобъ услышать приговоръ неумытныхъ жюри, которые изъ глубины души произносятъ страшное guilty! виновенъ!

Правинъ отвелъ очи отъ княгини. Уже свѣ-

тало, и взоры его сквозь чистое окно упали на безпредѣльное море. Оно было мрачно и пусто, подобно его душѣ. Огромные валы, словно стада китовъ, рыскали и плескались въ пространствѣ — и вдругъ между ними мелькнулъ корабль, — только образы его во мракѣ и туманѣ были такъ неясны, что суевѣрный морякъ сказалъ бы: это корабль-привидѣніе, осужденный вѣчно скитаться по океанамъ съ проклятыми своими пловцами. Съ тяжкимъ біеніемъ сердца, не переводя духу, слѣдилъ его Правинъ, но корабль, одѣтый сумракомъ, исчезалъ — и снова обозначался — и снова сливался какъ облако съ облаками. Буря уменьшилась, но черныя тучи ходили еще по небосклону назадъ и впередъ, какъ побѣдители, которые считаютъ трупы убитыхъ.

Наконецъ заря облила воздушною кровью и тучи и волны съ востока: туманы и сомнѣнія Правина разсѣялись. Замѣченное имъ судно было точно фрегатъ Надежда, но въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безъ стеньгъ, съ изломанной фокъ-мачтой и бушпритомъ, съ искривленными реями. Два или три стакселя*, поднятые въ половину, казались послѣдними усиліями борьбы съ судьбою, влекущей его на скалы. О, великъ бы былъ тотъ сердце-

* Косые паруса.

вѣдецъ, кто физиологически разложилъ бы тогдашнее восклицаніе Правина: и это! кто разложилъ бы намъ ѣдкость отравы, проникнувшей его сердце, или степень мукъ отъ угрызенія совѣсти! Лесажевъ бѣсъ снималъ кровли, но если бѣ онъ снялъ черепъ съ головы Правина, и заглянулъ въ умъ его, онъ бы содрогнулся отъ ужаса, и адскій даже языкъ прильнулъ бы къ гортани.

Стиснувъ рукою чело, какъ будто отъ страха, чтобы голову его не расторгъ вихорь мыслей, съ кровавыми пятнами по лицу, съ очами, кои, подобно маятнику, ходили отъ фрегата къ княгинѣ, отъ моря къ любовницѣ, Правинъ былъ живой образъ казни между двухъ жертвъ, между двухъ преступленій: противъ нравственности и службы.

Наконецъ долгъ побѣдилъ страсть. Правинъ горячо поцѣловалъ въ лобъ княгиню и произнесъ:

— Вѣра, прости меня — и прощай!! Намъ должно разстаться: фрегатъ бѣдствуетъ!

Львицей, у которой уносятъ послѣдняго дѣтенка, вскочила Вѣра.

— Бѣдствуетъ, фрегатъ твой бѣдствуетъ!... и ты, злобный человѣкъ, можешь говорить мнѣ объ этомъ, будто я на розахъ, будто сама я не бѣдствую! Ты жалѣешь дерево, жа-

лѣешь чугуны, и безжалостенъ къ сердцу, тебѣ отданному, тобой разбитому; бросаешь меня на съѣденіе отчаянію. Для тебя я забыла все, отдала все — и ты все это забываешь! Нѣтъ! ты мой, мой навѣчно: я купила тебя, я вымѣняла тебя на мое счастіе здѣсь, на рай мой тамъ! Не правда ли, ангелъ мой! ты мой? ты не покинешь меня въ такомъ положеніи: кромѣ тебя у меня нѣтъ покровителя. За часъ передъ этимъ я имѣла имя, отчество, семью, друзей — ты оборвалъ съ меня все это какъ эти цвѣты; какъ эти цвѣты растопталъ ты ихъ пятою. И я не жалю о нихъ, покуда ты со мной. Твое сердце мнѣ будетъ родина, твои объятія — родные, твои рѣчи — подруги мои; ты будешь свѣтъ мой, міръ мой ... о, не покидай же меня, не убивай меня!!

И она нѣжно обвивала Павлина своими прозрачными руками; и она обольстительно шептала ему несвязныя рѣчи. Но мужчина можетъ забыть-ся — не забыть бѣды его оружающія, и въ то время, когда женщина мпожитъ любовь своими пожертвованіями, своимъ несчастіемъ, когда она въ цѣломъ мірѣ не думаетъ ни о чемъ, кромѣ любви, мужчина самою жестокостію бѣды возбуждается изъ душевнаго разслабленія — онъ уже ищетъ, какъ бы поправить дѣло.

— Душа моя, душа моей души: прошлое

невозвратно — но подумай о будущем! . . . его еще можно заставить служить намъ. Я съѣзжу на фрегатъ, чтобъ пособить поврежденіямъ и не допустить до крушенія. Ты теперь свободна — ты можешь ѣхать, куда хочешь — спѣши въ Италію! Тамъ я встрѣчу тебя въ какомъ нибудь приморскомъ городѣ, въ одномъ или въ каждомъ изъ портовъ Средиземнаго моря. Позволь же мнѣ отлучиться: это необходимо для спасенія обломковъ моей чести, для спасенія, можетъ быть, пяти сотъ моихъ товарищей. Честное слово тебѣ даю, что завтра вечеромъ я буду въ твоихъ объятіяхъ . . . посмотри, буря утихаетъ! . . .

Долго и пристально смотрѣла княгиня въ глаза Правина.

— Ты меня не обманываешь, съ тяжелымъ вздохомъ сказала она: но развѣ не можетъ обмануть насъ судьба! . . . о, не ѣзди, мой милый . . . мнѣ что-то говорить, что мы не свидимся болѣе . . . по крайней мѣрѣ не говори мнѣ *прощай* — мнѣ ненавистно это слово. Въ твои руки, Илья, отдаю я свое сердце — промолвила она, залившись слезами — въ руку Бога поручаю твое.

Она упала на колѣни передъ окномъ, будто умоляя свирѣпое море пощадить ея друга; потомъ очи ея слились съ небомъ — она мо-

лилась — горячо молилась; и кто бы не сказалъ, видя это прелестное лице, дышащее чистою вѣрою, орошенное слезами умиленія, что ангелъ молить небеса о спасеніи грѣшника. Она обратилась къ Правину съ улыбкою грусти, съ простертыми устами, чтобы встрѣтить его прощальное лобзанье — проводила его взорами и упала безъ чувствъ на холодный полъ гостилницы.

— Ребята! крикнулъ капитанъ своимъ гребцамъ, лежащимъ подлѣ вытащенной на берегъ шлюпки: мнѣ непременно должно быть на фрегатѣ — если умирать, такъ умирать вмѣстѣ съ товарищами — ѣдемъ!

— Рады стараться! закричали въ одинъ голосъ удалые гребцы. Они привыкли каждое желаніе капитана считать святымъ, каждое слово правдивымъ, и разомъ сдернули десятку на воду.

Но не такъ легко было выбраться изъ бухты. Шумные буруны ходили стѣнами и отбрасывали назадъ катеръ. Четыре раза разгребая въ упоръ, силились гребцы переметнуться за спорный валъ — и четыре раза, черпая носомъ воду, уступали ярости удара. Утроивъ силы, улучивъ способный мигъ, удалось нако-

пецъ имъ выбраться въ море, но море еще кипѣло и бушевало, раскачанное почною бурю. Валы сливались въ огромную зыбь: вставали и падали неправильными рядами, и взбрасывая катеръ, какъ щепку, грозили залить или поглотить его. Вѣтеръ билъ на берегъ, и потому пришлось идти на гребль. Волненіе выбивало изъ уключинъ весла — два человека безпрестанно отливали воду — въ катеръ поддавало со всѣхъ сторонъ.

На руль сидѣлъ заслуженный урядникъ, который свыкъся съ бурями и опасностями, какъ съ лишнею чаркою водки; для котораго, по собственному его выраженію, море было масляница, а девятый валъ милѣе девятаго блина. Онъ прехладнокровно глядѣлъ то на свой носъ, то на носъ катера, наблюдая, чтобы онъ не рыскалъ. Казалось, все, что совершалось кругомъ его, было ему совершенно чуждо. Всегдашній спутникъ поѣздокъ капитанскихъ, онъ уже ознакомился съ его правомъ, и зналъ, когда можно было молвить ему словцо, другое.

— Смѣю спросить, Илья Петровичъ, сказалъ онъ капитану въ полголоса: сны иногда бываютъ, то есть, отъ Бога!

— Случается, отвѣчалъ разсѣянно Правинъ.

— Я чай, что отъ Бога, ваше высокоблагородіе! Да и какъ залѣзть лукавому въ хри-

стіанскую голову, когда на почь перекрестишь лобъ. Я вчерась, то есть, кажись, полсжилъ крестъ даже на изголовье; съ крестомъ, изволите видѣть, ваше высокоблагородіе, мягко спать и на камнѣ, а все таки привидѣлся мнѣ чудный сонъ — грянь, други, грянь — проводи дальше весла! — и такой сонъ, то есть, что ума разума не приложу разгадать его — ну девятый прокатился! — Видѣлось мнѣ, будто у насъ на Надеждѣ смотръ не смотръ, праздникъ не праздникъ, только пароду кишмя кишить: генераловъ, амираловъ, штабства — видимо невидимо. И всѣ словно на яву пьютъ и закусываютъ; только всѣ молчатъ; такая тишь, что муху бы услышалъ. И вотъ, то есть, будто кто-то крикнулъ: смирно! Команда наша выстроилась на шкапцахъ, глядимъ, гости потянулись мимо насъ, а сами заглядываютъ въ глаза. И шли будто шли — конца не видать. Вдругъ, то есть, откуда ни возьмись, и ваше высокоблагородіе — въ полномъ мундирѣ, только черезъ плечо, вмѣсто ленты, красный флагъ: не вѣдь гюйсъ, не вѣдь какой сигнальный. А идете будто вы подъ ручку съ какой-то барынею — лице открыто, а лица не видать! . . . ну, други, ну, павались! — что зазѣвались на зайчиковъ! — И вотъ остановились будто вы, Илья Петровичъ — какъ теперь гляжу, передо мною. — Выйди

впередъ, Гребневъ! сказали мнѣ и положили руку на мое плечо, да и молвите барынь: я его беру съ собою, онъ довольно послужилъ, надо успокоить его старыя кости! То есть, видно въ отставку выйдите, да и меня старика въ дворецкіе возьмете — буду я себѣ въ ту пору посвистывать въ ключъ вмѣсто этого свистка. — Ну да не о томъ рѣчь, в. в-е.! глядь будто я на себя, да такъ и сгорѣлъ — на мнѣ, вмѣсто куртки, бѣлая рубашка! — Просыпаюсь, а сердце будто вырваться хочетъ — на силу открестился. Что бы это значило, в. в.?

Правинъ невольно впалъ въ глубокую думу. Смутная мысль о смерти пала на душу впервые, и въ этотъ разъ она ничего не имѣла въ себѣ отраднаго. Умереть, утопуть, не помирившись съ совѣстью добрыми дѣлами, не выкупивъ у прошлаго проступковъ своихъ блестящими поступками! . . . Онъ вспомнилъ, что тонкая дощечка отдѣляла его отъ влажной могилы — и содрогнулся онъ — и обозрѣлся кругомъ: море крутилось страшно; фрегатъ былъ близокъ, но зыбь валяла его съ боку на бокъ такъ сильно, что мѣдная обшивка обнажалась до киля, сверкая будто броня великана; потомъ валъ снова закрывалъ корпусъ, такъ, что чуть виднѣлись снизу марсы. Шолькабельтова, не больше, оставалась до борта — но бортъ

былъ опасѣе всякой скалы: прибой расшибался, воя о ребра его, и широкими всплесками грозилъ каждый мигъ залить и опрокинуть катеръ.

— Молись, Гребневъ, Николаю угоднику, сказалъ капитанъ, ударивъ урядника по плечу — молись — матрозскія молитвы до неба доходны. Если мы счастливо пристанемъ къ борту, ты будешь няньчить внуковъ моихъ.

— Крюкъ! закричалъ урядникъ . . . съ борту кричали: лови, лови! Роковая минута настала. Глазъ капитана не обманулся въ степени опасности: сонъ Гребнева упалъ въ руку . . .

VIII.

Къ ночи того же дня вѣтеръ совершенно стихъ, море опало. Оно едва, едва будто дышало отъ усталости, и что-то шептало засыпая. Обломанный фрегатъ Надежду прибуксировали ближе къ берегу, и онъ лежалъ уже на якорѣ. Работы на немъ кипѣли: скрипъ блоковъ, треканье и удары мушкелей раздавались повсюду. Ставили запасный рей вмѣсто потерянной мачты, перемѣняли стеньги, таке-лажъ; починивали изломанные сѣтки. Помпы хрипѣли будто больной; палубы изображали прекрасный отрывокъ хаоса. Вездѣ царствовала суета, но въ ней не было души: матрозы работали безъ пѣсень, безъ сказокъ; тихо перемалвливались и печально качали головою:

видно было, что свершилось какое-то важное несчастье.

— Что, нѣтъ надежды? спросилъ одинъ мичманъ лекаря Стеллинскаго, который вылезалъ изъ-подъ сукна, коимъ отдѣлялся лазаретъ отъ палубы.

— Никакой, отвѣчалъ тотъ: лекарства ему такъ же бесполезны теперь, какъ трубка табаку. Пусть подхиперъ снимаетъ съ него мѣрку на саванъ.

— Жаль! Гребневъ былъ лихой урядникъ. Ну, а изъ вчерашнихъ, ушибенныхъ сорвавшимся реемъ?

— Двое будутъ живы; остальные жъ трое отправятся сквозь портъ туда же, куда елетъ ли семеро сверху.

— Худо, очень худо! Десять жертвъ съ фрегата, и шесть съ капитанскаго катера, — это не бездѣлица! У меня душа замерла, когда со всего размаху ударился катеръ въ бортъ — только щепки брызнули! Одного гребца въ моихъ глазахъ разможило о руселени; другаго прищемило днищемъ и расплющило какъ пуговицу. Ну да это все не бѣда, лишь бы живъ остался нашъ капитанъ; вы давно провѣдывали его, Стеллинскій?

— Съ полчаса назадъ: онъ потерялъ много крови — проклятый гвоздь съ изломан-

ной доски шлюпки глубоко вопзидся ему между ребрами — я насилу могъ остановить кровотеченіе. Однако теперь горячка стихла, и онъ вообще больше боленъ духомъ, чѣмъ тѣломъ: *affectione mentale*. Онъ, видите, нервознаго сложенія: на него крѣпко подѣйствовало поврежденіе фрегата и гибель людей. Если бы намъ, медикамъ, случилось приходить въ отчаяніе отъ ошибокъ, такъ пришлось бы задаваться турникетомъ послѣ перваго дежурства въ клиникѣ.

— Слава Богу, докторъ, что добрые люди не вдругъ привыкають къ чужой гибели, при томъ, кромѣ худой славы передъ своими и Англичанами, не мудрено, что капитанъ пашъ поплатится за свою прогулку эполетами.

— Не ужели жъ его отдадутъ подъ судъ за мачту? . . .

— Да, Стеллинскій! не дай Богъ попасться подъ военный судъ: это хуже вашего консилиума — и между тѣмъ, это вѣроятно. Государь, правда, лично знаетъ Правина, и послѣ Наваринскаго дѣла самъ назначилъ его командиромъ фрегата; начальство уважаетъ его но: сами вы знаете, что служба ни шутить, ни лицепріятничать не любитъ.

— Да, да! — это будетъ невозвратная потеря для флота!

— Впрочемъ, дѣлайте вы свое дѣло, а мы, офицеры, обрабатываемъ свое. Развѣ не лѣзя три четверти вины пустить на вѣтеръ? — Съ бурями такъ же, какъ съ вашими болѣзнями, все шито, да крыто.

— Дай Богъ, дай Богъ!

Лекарь вошелъ въ капитанскую каюту.

Кто бы узналъ въ этомъ блѣдномъ, изможденномъ страданіями тѣлѣ, вчерашняго Правина, цвѣтущаго здоровьемъ, кипящаго надеждою? Расшибенная голова его была обвязана полотенцемъ, лице мерцало могильною бѣлизною, зрачки не двигались въ глазахъ, охваченныхъ синимъ кругомъ — они лишь расширялись и сжимались повременно. Подперши лѣвою рукою голову, правой держалъ онъ за руку Никола Павловича, который сидѣлъ у него на кровати и съ нимъ разговаривалъ. У обоихъ остатки слезъ дрожали на щекахъ.

— Нилушка! не оправдывай меня — отливъ крови — приливъ разсудка: я вижу теперь, что во всемъ виноватъ самъ — одинъ я буду и въ отвѣтъ. Не арестуй я тебя, мы не потеряли бы ни одного лисель-спирта. Не вини Стрѣлкина: онъ молодой офицеръ, онъ новичекъ лейтенантъ, и если спустился подъ шкваломъ на Фордевиндъ, не убравшись даже съ ундеръ-зейлями — это отъ того, что онъ

никогда не бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ . . .

— Впрочемъ, сказалъ ласково Нилъ Павловичъ: все зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ представимъ дѣло начальству.

— Неужели ты думаешь, другъ мой, что я стану лгать въ извиненіе? Ни въ чемъ, никогда! Завтра же рапортую о несчастомъ случаѣ Императору и адмиралтейству — и все, какъ было, все безъ утайки. Ты простишь меня — можетъ статься, накажетъ слегка и начальство; но могу ли я простить самому себѣ — успокоить совѣсть за смерть людей!

— Гротъ-марса-рей сорвался случайно. Въ торопяхъ, въ потемкахъ одинъ урядникъ отдалъ топецантъ вмѣсто гротъ-стенгъ-стаксель-фала, и люди полетѣли долой. Это могло случиться и при тебѣ.

— Я увѣренъ, что ни при мнѣ, ни при тебѣ не было бы суматохи, не было бы и торопливости . . . а гребцы мои, а? . . . Правильно вздернулъ одѣяло на лице и нѣсколько минутъ безмолвствовалъ. Только содроганіе одѣяла доказывало, что онъ подъ властію ужаснаго чувства — наконецъ онъ открылся. Нилъ, тебѣ извѣстно все, сказалъ онъ: были проступки и въ прежней жизни моей — но я бы отдалъ смерти половину дней, назначен-

ныхъ мнѣ жить, и посвятилъ бы остальную на благодарность Богу, если бѣ можно было вычеркнуть изъ бытія послѣдніе 24 часа . . .

— И я преступникъ, вскричалъ онъ помолчавъ съ минуту, и потомъ подымаясь на ложѣ: я, который игралъ Царскою довѣренностію, который обольстилъ, погубилъ любимую женщину, обидѣлъ друга, запятналъ Русскій флотъ, утопилъ 16 человѣкъ, для насыщенія своей прихоти, и я-то думаю жить! Нѣтъ! я не переживу ни своей чести, ни своей души — я не хочу, я не долженъ существовать. Море взлелѣяло меня, море дало мнѣ свои бурныя страсти — пускай же море и поглотить ихъ: только въ безднѣ его найду я покой! Если суждены мнѣ муки за гробомъ, то пусть мучусь въ тѣла, безъ сердца, одной душею! . . . это ужъ выигрышъ! . . . Смерть — ты улыбаешься мнѣ, какъ Вѣра . . . прійди, прійди!

Онъ страшно восклицалъ, онъ жадно простиралъ руки къ какому-то незримому предмету, онъ былъ въ изступленіи.

— Горячка снова имъ овладѣла, сказалъ на ухо Нилу Павловичу лекаръ: надо употребить утишающія средства, и завтра же будетъ *mens sana in corpore sano*.

Онъ заботливо уложилъ больного.

Нилъ Павловичъ вышелъ на верхъ отдохнуть отъ сильныхъ впечатлѣній. Солнце садилось. Били вечернюю зорю; оба флага скатились тихо, тихо долой; ночь ниспадала прозрачна и мирна, но все было мутно въ возмущенной душѣ добраго моряка. Участь друга свинцомъ налегла на сердце.

— Дорогою цѣной платите вы, баловни природы, за свой умъ, за свои тонкія чувства! подумалъ онъ. Высоки ваши наслажденія, за то какъ остры, какъ разнообразны ваши страданія!! У васъ сердце телескопъ, увеличивающій все до гигантскаго размѣра. — О, кто бы, глядя на Правина, не пожелалъ быть глупцомъ, всегда довольнымъ собою, или безчувственнымъ камнемъ, ничего не терпящимъ отъ другихъ!

Въ полночь Нилъ Павловичъ потихоньку вошелъ въ каюту капитана . . . на столѣ подлѣ постели лежало недокончанное письмо: казалось, Правинъ недавно писалъ — чернила еще блестѣли на перѣ — на бумагѣ не засохли двѣ капли крови, упавшей вѣроятно съ оцарапаннаго лица. Самъ онъ спокойно лежалъ, закрывшись весь одеяломъ. Рука друга подняла покровъ, заботливый взоръ его упалъ на лице больного: онъ, казалось, спалъ глубокимъ сномъ. Румянецъ игралъ на щекахъ

но выраженіе бровей было болѣзненно; страданіе смыкало уста.

— Онъ и во снѣ страждетъ, сказалъ про себя Ниль Павловичъ, и на цыпочкахъ вышелъ вонъ.

— Слава Богу, капитану лучше, сказалъ онъ матрозамъ, которые съ участіемъ толпились у дверей каюты . . . и они разсѣялись, и по палубамъ пролетѣла шепотомъ отрадная вѣсть: капитану лучше.

Ему въ самомъ дѣлѣ было лучше.

IX.

Съ минуты разлуки княгиня не отходила отъ окна. Солнце сѣло, солнце взошло, солнце перекатилось за полдень — она все сидѣла съ тоскою въ сердцѣ, съ зрительною трубою въ рукѣ — она все глядѣла на фрегатъ, въ коемъ, не для игры словъ, заключалась вся ея надежда. Она видѣла, какъ на немъ исправлялось, очищалось, приходило въ порядокъ все. Долгое наблюденіе сквозь телескопъ производитъ не только въ глазу, но и въ воображеніи какое-то странное чувство. Отдаленность съ своею нѣмою, но живою игрой людей и предметовъ, кажется, будто принадлежитъ иному свѣту. Смотришь на нихъ, какъ

на тѣни; хочешь угадать ихъ рѣчи, ихъ думы, ихъ заботы по движеніямъ — внимаешь очами, и любопытство растетъ до горячаго участія.

Часу въ 5-мъ вечера, княгиня замѣтила необыкновенное, но стройное движеніе на фрегатахъ. Матрозы унизали борты корабля; что-то красное мелькнуло съ борта въ воду, и вслѣдъ за тѣмъ сверкнулъ огонь изъ пушки, изъ другой, изъ третьей . . . гулъ раздался долго послѣ! . . . Потомъ флагъ, который до сихъ поръ спущенъ былъ до половины и перевязанъ узломъ, упалъ — и въ тотъ же мигъ поднялся до мѣста распущенный . . . и потомъ звукъ исчезъ въ пространствѣ, дымъ улетѣлъ къ небу и все приняло прежній видъ.

Это непостижимое для Вѣры явленіе мелькнуло въ стеклѣ трубки, будто въ неясномъ, худо запомненномъ снѣ. Княгиня протерла стекло — но все задержнулось туманомъ въ очахъ ея, и съ нихъ брызнули слезы. Это отъ усталости! молвила она, и въ думѣ опустила голову на руку. Невольная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Какой холодный вѣтеръ! подумала она — и закуталась шалью... наконецъ неизъяснимая тоска сжала ей грудь... она съ горестію сказала: видно онъ не пріѣдетъ и сегодня! Но въ голосъ ея слышалась

обманутая, хотя еще не разрушенная надежда — какая-то слѣпая довѣрчивость ребенка къ палачу. О, эти простыя слова привели бы въ трепетъ cadaго, кто угадывалъ истину. — Сегодня? Но вечерѣтъ ли день замогильный? разсвѣтаетъ ли ночь мертвецовъ?

И княгиня погрузилась въ долгое, тяжелое забытье; забытье безъ чувствъ и мыслей; забытье, въ которомъ, какъ въ мертвомъ морѣ, нѣтъ ни зыби, ни прилива, ни отлива, не витають рыбы, не перелетаютъ черезъ птицы... все изсушено, все задушено!! — Словомъ, забытье, которое потому только не могло назваться смертью, что оно хранило муку.

Мѣсто и время исчезли для княгини. Било 11 часовъ ночи, когда звукъ мужскихъ шаговъ въ коридорѣ гостиницы пробудилъ ее изъ гробовой дремоты. Первая мысль, первый крикъ ея были: это онъ! и она стремглавъ бросилась къ дверямъ. Тусклый ночникъ едва мерцалъ въ радужномъ кружкѣ, будто глазъ какого-то злаго духа — но Вѣра ясно расслушала его походку, она узнала Шотландскій плащъ Правина — если не слухомъ и не взоромъ, то сердцемъ угадала она желаннаго гостя — она прыгнула къ нему на встрѣчу и съ радостнымъ ахъ! упала на грудь пришельца.

Тѣсно смежны въ сердцѣ женщины восторгъ и отчаяніе, смѣхъ и слезы, смежны, какъ двѣ стороны червонца. Лезвее мысли ихъ не дѣлать; сомнѣніе не простираетъ своей плени между. Княгиня въ восхищеніи сжимала въ своихъ объятіяхъ пришельца.

— Княгиня! произнесъ незнакомый голосъ: вы ошиблись. Я не Правинъ — я только посолъ его!

Ниль Павловичъ подалъ письмо княгинѣ.

Княгиня отпрянула отъ него, какъ будто коснулась змѣя.

— А Правинъ? Онъ не хотѣлъ пріѣхать? вскричала она съ укоромъ — онъ обманулъ меня . . . Да кому теперь можно вѣрить, когда и самое сердце мое меня обмануло. Скажите жъ скорѣе, живъ ли, здоровъ ли мой Илья? — гдѣ онъ? Когда онъ пріѣдетъ сюда?

Ниль Павловичъ безмолвствовалъ.

Глаза Вѣры засверкали, какъ острейя кинжаловъ.

— Я понимаю васъ, г. лейтенантъ, гнѣвно произнесла она: вы отговорили, вы не пустили его; вы всегда были противъ нашей любви. Ваше имя не разъ отрывало Правина отъ моей груди . . . онъ мрачно озирался, слыша вашу походку. Вы это, вы отняли его у меня . . . но куда вы дѣвали вашего друга —

куда схоронили вы моего Илью? отвѣчайте же, сударь! — вскричала она, безумно схвативъ его за грудь.

— Несчастливая женщина! — вамъ самимъ повторяю я вопросъ вашъ — что вы сдѣлали съ Правинымъ? Куда, куда вы схоронили его?

— Онъ умеръ? спросила княгиня, леденѣя отъ ужаса.

— Пусть отвѣчаютъ бездны моря! Бѣдный другъ мой изошелъ кровью . . . по прежде крови онъ пролилъ по васъ горькія слезы — онъ въ письмѣ завѣщалъ мнѣ утѣшить васъ; по могу ли дать то, чего не имѣю самъ — я не Богъ. Онъ одинъ можетъ утолить слезами горестъ и совѣсть, примолвилъ тише Ниль Павловичъ, въ которомъ потеря друга превозмогла всѣ прочія чувства. Прощайте, княгиня — дай вамъ Боже забвенія — это единственное счастье несчастныхъ!

Онъ исчезъ.

Съ трепетомъ открыла Вѣра письмо, начертанное почти во мракъ смерти хладѣющею рукою полумертвеца... мы не прочтемъ его... языкъ жизни не выразитъ тайнъ могильныхъ — тайнъ, которыя уносить умирающій въ прахъ; тайнъ, которыя истлѣваютъ сердце, какъ чума своимъ прикосновеніемъ.

Плачь и жалобы — дары неба! вами отку-

пается несчастный отъ половины страданій,
отъ пытки, его терзающей. Но горе тому,
для чьей тоски нѣтъ слезинки въ очахъ, нѣтъ
въ устахъ рыданія, нѣтъ въ сердцѣ вздоха.
Горе тому, въ чьей душѣ потонуть всѣ думы,
всѣ, кромѣ одной вѣчной, неумолимой думы
объ одиночествѣ — думы о судьбѣ своей . . .
думы, которая шепчетъ : ты, какъ ястребъ
Прометея, будешь вѣкъ терзать свое сердце !

Это ужасно !

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

(Выписка изъ Сѣверной Пчелы, 1831 года Августа мѣсяца).

Кронштатъ . . . Августа. Вчера пришелъ на здѣшній рейдъ изъ Средиземнаго моря фрегатъ Надежда, подъ командою флота капитанъ-лейтенанта Кокорина. Красота корабля, отличный порядокъ, на немъ господствующій, здоровый и бодрый видъ людей обратили на себя вниманіе начальства и всѣхъ посѣтителей фрегата.

Тридцать перваго августа 1832 года, въ Петербургѣ было открытіе Александринаскаго театра. Въ 7 часовъ вечера зала была уже полна. Партеръ, половина котораго сходила къ

ложамъ амфитеатромъ, алѣлъ, какъ заря, красными мундирами, отворотами, лентами; блисталъ, какъ еще непотухшій западъ звѣздами. Пять поясовъ ложъ пестрѣлись женскими уборами; иной бы сказалъ: то живыя цвѣточныя вязи, окропленные росой алмазовъ — такъ ярки, такъ блестящи были онѣ; и между нихъ вѣяли и склонялись перья надъ прелестными личиками, словно крылья херувимовъ. Тысячи свѣчь горѣли букетами по раззолоченнымъ стѣнамъ и поручнямъ ложъ; сливались въ ослѣпительный метеоръ люстры. Гордо и легко смыкался потолокъ своими радужными облаками. Боги Олимпа съ завистью смотрѣли на роскошь земную съ высоты живописнаго неба. Богини, краснѣя отъ досады, чуть не прятались другъ за друга, видя, что красота Русскихъ дамъ пересіяла ихъ. Старый грѣшникъ, Юпитеръ, замѣтивъ, что онъ одѣтъ не по вкусу времени, сердито косился на свою бороду: казалось, хотѣлъ сбрить ее, и для послѣдняго превращенія облечься въ гусарскій доломанъ. — Три Граціи морщились на Петербургскихъ красавицъ, будто хлебнули амброзіи, которая скислась; — девять сестрицъ Парнасса, которыя весьма поустарѣли со времени Гомера, ревниво смотрѣли на своихъ жениховъ, разсыпающихся жемчугомъ передъ

свѣтскими вдохновительницами. Даже сова Минервы завистливо таращила глаза на ученые воротники. Только посланница любви, Ирида, весело расправляла свои голубиные крылышки, да пролазъ Меркурій лукаво заглядывалъ въ ложи, будто дожидаясь письма. Вулканъ же, глядя по головкѣ сына своей жены съ самодовольнымъ видомъ Нѣмецкаго барона, считалъ мужей, рисующихся по стѣнамъ, для тѣни картины, и напѣвалъ пѣсенку:

«Нашего полку прибыло, прибыло!»

Между тѣмъ передній занавѣсъ, блѣдный, какъ туманъ Германской поэзіи, таинственно колебался между зрителями и сценою, будто занавѣсъ судьбы, скрывающій отъ насъ даль грядущаго. И все было прелесть, свѣтъ и очарованіе! Самый воздухъ былъ упоенъ благоговѣніями и дышалъ нѣгою вздоховъ. Онъ оживлялся отъ малѣйшаго трепетанія райскихъ птичекъ, отдыхавшихъ на головахъ красавицъ; отъ волненія газа на грудяхъ, отъ сладостнаго ропота ихъ устъ, отъ пылкихъ взоровъ, летающихъ, крестящихся, словно падучія звѣзды, отъ звуковъ, возникающихъ порою изъ оркестра — звуковъ неясныхъ, смѣшанныхъ, чудныхъ, какъ мысли поэта въ просонкахъ... однимъ словомъ, вся зала Александринскаго

театра и все, что въ ней было, походили тогда на какой-то великолѣпный, волшебный сонъ юноши подъ жаркимъ небомъ юга. Сердце плавало въ обаятельной, розовой атмосферѣ, и въ блестящемъ разсѣяніи забывало все, что творится за стѣнами . . . О, повѣрьте мнѣ: свѣтская жизнь имѣетъ свою поэзію — за то какъ дорога и какъ рѣдка она!

Царской фамиліи еще не было — все жужжало и колебалось въ роскошномъ ожиданіи, въ томленіи нетерпѣливости. Въ это время, въ третьемъ ряду креселъ, два человѣка учтиво пробирались на свои мѣста, платясь извиненіями за каждый переходъ черезъ чужіе ноги, и поклонами за то, что протирались мимо чужихъ грудей. Наконецъ они, положивъ шляпы на кресла свои, вздохнули и обозрѣлись свободно. Одинъ былъ молодой человѣкъ, въ вицъ-мундирѣ Иностранной коллегіи, очень пріятной наружности и окружности — система округленія въ лицахъ. Сложивъ накрестъ руки, онъ равнодушно оперся спиною о спинку креселъ второго ряда, и едва отвѣчая на дальнія киванія своихъ знакомцевъ, беззаботно взглядывалъ на логи сквозь очки (очки есть необходимое условіе дипломата, хотя не рѣшено до сихъ поръ, носятъ ли они ихъ для того, чтобъ лучше видѣть глазами, или для

того, чтобъ меньше видѣли ихъ глаза). — Другой былъ юноша во всемъ цвѣтѣ этого слова: живъ, румянъ, веселъ, разговорчивъ; онъ былъ такъ доволенъ своими красными отворотами, такъ счастливъ блескомъ, его окружающимъ, будто майская бабочка въ ясный день. Онъ простодушно глазѣлъ на все и на всѣхъ, и смѣялся отъ чистаго сердца эпиграммамъ своего моднаго сосѣда; смѣялся съ откровенностію истинно армейскою. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на четверугольный лорнетъ, который онъ довольно ловко наводилъ на право и на лѣво, легко угадать было можно, что онъ недавно переведенъ изъ арміи. Любопытнымъ распросамъ его не было конца. Кто это въ Мальтійскомъ мундирѣ? Кто эта дама въ оранжевой шали? Дипломатъ едва успѣвалъ ввернуть при каждомъ имени острое словцо.

И вотъ, когда перебрали они всѣхъ посланниковъ и вельможъ, всѣхъ красавицъ и знатныхъ дамъ — съ шумомъ распахнулась дверь въ одной ложѣ, и въ нее вошли дамы блестящей красоты, и наряда отличнаго вкуса. Будто не замѣчая ропота и взоровъ одобренія, кипящихъ вокругъ и подъ ногами ихъ, онъ сбросилъ свои шали и поправляя газовые рукава, обратились къ вошедшему за ними кавалеру съ замѣчаніемъ, что коридоры театра

необыкновенно тѣсны. Кавалеръ этотъ былъ генералъ пожилыхъ лѣтъ, кубической фигуры, со звѣздами на обѣихъ грудяхъ и съ улыбками на обѣихъ щекахъ. Онъ отвѣчалъ что-то, склоняясь между ихъ безъ чиновъ.

— Ахъ, Жозефъ! съ жаромъ сказалъ дипломату нашъ юноша: скажи скорѣй, кто эта прелестная особа по правую руку въ малиновомъ токъ? Глаза ея сыплютъ алмазныя искры? губки раскрылись улыбкою, будто жемчужная раковина отъ солнечнаго луча . . . около нея какъ сіяніе — она богиня радости! . . . Имя, имя ея?

— Какъ, mon cher, ты разгорѣлся! отвѣчалъ дипломатъ. Изволь, однако, я потѣшу тебя: ея имя — Софья Леновичъ — моя жена.

Жалко было видѣть бѣднаго юношу: онъ смутился! онъ не зналъ, изъ какого кармана выискать отговорокъ. Леновичъ съ самодовольнымъ видомъ забавлялся его смущеніемъ, и шутливо продолжалъ:

— Да-съ, это моя жена; но ты, дружокъ, не будешь ея поэтомъ. Нѣтъ, нѣтъ, стара шутка. Полгода еще милости просимъ жаловать ко мнѣ, когда угодно: полгода ты будешь безопасень — но потомъ, милый, сердись, не сердись, а я тебѣ за твой восторгъ едва ли не прочту:

« Vous êtes un brave garçon, un homme honnête — mais Remarquez bien ma porte pour n'y entrer jamais! »

Эта шутка была сказана такъ по-дружески, что мой юноша ободрился. Желая сгладить прежнія похвалы, онъ сталъ горячо хвалить другую даму, подругу жены Леновича.

— Но сосѣдка твоей Софьи, Жозефъ, прелестна какъ сама задумчивость — посмотри: каждый взоръ ея черныхъ глазъ блеститъ грустью, будто слеза; каждое дыханіе вырывается вздохомъ — и какъ нѣжно ластятся черные кудри къ ея томному лицу, съ какою таинственностію обвиваетъ дымка ея воздушныя формы.

— Не на Варшавскомъ ли приступѣ, mon cher, набрался ты этого романтического дыму? Изруби же его поскорѣе въ стихи; поставь внизу прапрощицкую звѣздочку, отошли въ Молву, и будь увѣренъ, что если ты спрыснешь свою новинку полдюжиной шампанскаго — пріятели прокричатъ тебя поэтомъ.

— Ты можешь шутить, какъ хочешь, но вѣрь, что черты этой красавицы такъ врѣзались въ мою память, что я завтра же нарисую ея портретъ — и всякой, кто лишь разъ видѣлъ ее, увидѣвъ его, скажетъ: *это она!* Но кто жъ она?

— Замѣтилъ ли ты генерала, сидящаго за

моею Софьею? это мой дальній родственникъ, князь Петръ **, а черноглазая дама — его жена.

— Княгиня Вѣра! вскричалъ гвардеецъ съ такою шумною радостію, что на него оборотились многіе дорисеты. . . . Княгиня Вѣра, которая цѣлый годъ увлекала всѣ сердца и всѣ мысли Петербурга — Вѣра, любимая мечта моего брата! Воротясь въ 29-мъ году отсюда, онъ прожужжалъ мнѣ про нее уши. . . и наконецъ-то удалось мнѣ увидѣть это прекрасное созданіе!

— Прекрасное не долговѣчно на землѣ, сказалъ со вздохомъ Леновичъ. Эта черноглазая дама вторая жена князя Петра, а Вѣра, ангель доброты и прелести — Вѣра, которой обязанъ я своимъ счастіемъ, умерла въ Англіи. Когда нибудь я расскажу тебѣ ея печальную исторію! На глазахъ у Леновича, сколько ни дипломатъ былъ онъ, навернулись слезы. . . . Гвардеецъ молчалъ въ грустномъ раздумьѣ. Но загремѣла музыка, занавѣсъ взвился — и судьба Вѣры была забыта.

Забыта? — О, я готовъ пожать руку у того или поцѣловать у той, кто назоветъ эту лѣтопись сердца скучною сказкою, кто будетъ зѣвать при ея чтеніи, кто забудетъ прочтенную половину, и бросить въ огонь недочитанную.

Забвеніе ждетъ всѣхъ, забвеніе безвредно. Но: можетъ быть, какой нибудь бездушный Ловласъ выдавить сладкую отраву изъ любви Правина и Вѣры; перескажетъ неопытности лишь то, что льститъ его намѣреніямъ. Можетъ быть, онъ прочтетъ эту тетрадь въ уединенномъ кабинетѣ прекрасной дамъ, которой доселѣ онъ говорилъ, *люблю васъ*, только взорами. И румянецъ страсти загорится на щекахъ его — и голосъ его задрожитъ будто волненіемъ души, и послушная слеза сверкнетъ на рѣсницахъ . . . онъ подстережетъ вздохъ грусти, слезу сожалѣнія — сожалѣнія, предтечи любви — и упадетъ къ ногамъ своей тронутой любовницы.

— О будьте для меня Вѣрою за то, что я обожаю васъ, какъ Правинъ . . . восклицаетъ онъ.

— Вы забыли участь ихъ? возразить она . . .

— У всякаго своя участь . . . насъ ждетъ доля блаженства, непрерывнаго, неисчерпаемаго блаженства! Но если бъ меня ждала судьба еще горче Правиной, я пріемлю ее за мигъ счастья — о, если бъ вы знали, какъ я люблю васъ!

И его слушаютъ, ему почти вѣрятъ!

При этой мысли я готовъ изломать перо свое!

Но существуетъ ли въ мірѣ хоть одна вещь, не говоря о словѣ, о мысли, о чувствахъ, въ которой бы зло не было смѣшано съ добромъ? Пчела высасываетъ медъ изъ белладоны, а человѣкъ вывариваетъ изъ ней ядъ? Вино оживляетъ тѣло трезваго, и убиваетъ даже душу пьяницы. Тацитъ, учитель добродѣтели, былъ виной изобрѣтенія нойядъ * въ ужасы революціи. Бросимъ же смѣшную идею исправлять словами людей! Это забота провидѣнія. Мы призваны сказать: *такъ было* — пусть время извлечетъ изъ этого злое и доброе. Приморскій житель ужасается вечеромъ, видя гибель корабля, а на утро собираетъ останки кораблекрушенія, строитъ изъ нихъ утлую ладью, сколачиваетъ ее костями братій — и припѣвая пускается въ бурное море.

* Неронъ утопилъ мать свою на галерѣ съ окномъ; подобные плоскоуты замѣняли гильотину во время террора.

РОМАНЪ И ОЛЬГА.

(Повѣсть 1396 года.)

— Дядю не бывать? — говорилъ Сиверскъ Вос-
славъ, инокитый юнецъ Новгородскій брату
своему: не бывахъ, какъ думать ослѣдствъ на
тебѣ. Прощаю, твоей любимицѣ, Романъ Мос-
квитинъ, горожанъ и крестоу, служилъ хитрою и
правдой Новгороду, инокитый юнецъ изъ Рус-
скую; горожанъ новостъ ономъ не бывахъ, въ
бояхъ: ужалъ на вѣрному инокитому*, и
на все смѣшлось, не бывахъ правдиво.

* Такъ назывался въ Русь туркиры.

ПОМАЕРЪ N O 257 A.

(Ноември 1396 со-го.)

— **И.** —

**Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердець?**

Вамъ розно быть! вы имъ сказали:

Всему конецъ!

Что пользы въ платьѣ золотое

Себя рядить?

Богатство на землѣ прямое

Одно: любить!

Жуковский.

— **Этому не бывать!** говорилъ Симеонъ Вое-
славъ, именитый гость Новгородскій брату
своему: не бывать, какъ двумъ солнцамъ на
небѣ. Правда, твой любимецъ, Романъ Ясеп-
скій, хорошъ и пригожъ, служилъ вѣрой и
правдой Новгороду, потерпѣлъ много за Русь
святую; гораздъ повести слово на вѣчахъ, въ
бесѣдахъ; удалъ на игрушкахъ военныхъ*, и
на все смысленъ, ко всѣмъ привѣтливъ.

* Такъ назывались на Руси турниры.

Одна бѣда — примолвилъ Симеонъ, съ гордостію перебирая связкою ключей на поясѣ : онъ бѣденъ, стало быть не видать ему за собой Ольги.

— У тебя ль, Симеонъ, нѣтъ золота? возразилъ братъ его, Юрій Гостиный, сотникъ конца Славенскаго. Тебѣ-ли желать богатаго зятя, когда ты можешь устлатъ деньгами всю дорогу его къ церкви вѣнчальной.

— Но кто мнѣ порука, что не деньги влекутъ Романа къ моей дочери?

— Его чувства, Симеонъ, его поступки : кто безкорыстно принесъ въ жертву родинѣ свою кровь и молодость, кто первый запалилъ наслѣдственный домъ, чтобъ онъ не достался врагамъ Новагорода, тотъ конечно не промѣняетъ души на приданое !

— Такъ не хочешь-ли, братецъ любезный, чтобъ я бросилъ мою лучшую, завѣтную жемчужину въ мутный Волховъ, чтобъ я отдалъ мою дочь за человѣка, у котораго нѣтъ тридевяти сноповъ для брачной постели, у котораго и любимый конь пасется муравою пріятелей ! Моей ли Ольгѣ онъ чета ! у нея корабли въ морѣ — у него — журавли въ небѣ.

— Братъ ! не порочь добраго гражданина ! Сердце Романово стоитъ твоихъ мѣшковъ съ золотомъ, и въ его жилахъ течетъ не худая

кровь дѣтей боярскихъ : племянницѣ моей не стыдно сложить руку съ рукою правнука Твердиславова*.

— Да будь онъ потомокъ самаго Вадима, и тогда безъ золотого гребня не расплести ему косы моей Ольги, и своей славною саблей не отворить кованаго ларца съ ея приданымъ?

— Чудный человекъ! ты ищешь за свое добро купить себѣ горе, а дочери несчастье. Ольга любить Романа; ея слезы . . .

— Слезы — вода, а про любовь ея, задуманную безъ моего согласія, не хочу я и слышать.

— Братъ Симеонъ! сердце не слуга, ему не прикажешь!

— За то можно отказать. Съ этого часу запрещаю Ольгѣ и мыслить о Романѣ, а ему ходить ко мнѣ. Я хочу, чтобы она думала не иначе, какъ головою отца да матери: жила бы по старинѣ, а не по своей волѣ, и не подражала бѣ чужеземнымъ, привознымъ обычаямъ. Правду молвить, въ этомъ первую виной — Германцы, и когда бы могъ, то изгналъ бы ихъ всѣхъ изъ православнаго Новгорода.

— Еслибъ не торговая выгоды! — прер-

* Твердиславъ былъ посадникомъ Новгородскимъ въ 1219 году.

валъ Юрій, съ усмѣшкою разглаживая усы свои.

— Да, да, если бѣ не торговыя выгоды! отвѣчалъ Симеонъ, тронутый такимъ замѣчаніемъ: выгоды, которыя сдѣлали меня первымъ гостемъ Новгородскимъ, а мою дочь богатѣйшею невѣстой, у которой свахи лучшихъ жениховъ обили пороги.

— И всегда и навсегда напрасно: Ольга не изберетъ другаго, если ты не выберешь ею избраннаго. Братъ и другъ! ты хорошо знаешь свои счеты, но худо страсти людскія. Ольга можетъ въ твою угоду скрыть слезы свои, но эти слезы сожгутъ ея сердце, и она безвременно увянетъ какъ цвѣтъ, изсохнетъ какъ былинка на камнѣ. Не дѣлай же ее несчастною, не заставь крушиться родныхъ на твое позднее раскаяніе. Послушай совѣта отъ друга и брата, чтобъ послѣ не плакаться Богу; исполни мою просьбу, а молодыхъ мольбу — отдай Ольгу Роману! . . .

Слово: совѣтъ, пробудило гордость Симеонову.

— Побереги эти совѣты для дѣтей своихъ! сказалъ онъ, нахмутивъ брови, чтобы подъ суровостію чела скрыть слезы, наворачнувшіяся на глазахъ отъ рѣчи Юрія: старшему брату поздно жить умомъ младшаго.

Долго длилось молчаніе. Юрій, недовольный худымъ успѣхомъ сватовства, видѣлъ, что онъ оскорбилъ самолюбіе брата. Симеонъ досадовалъ на него за противорѣчіе, а на себя за поминъ о старшинствѣ: одинъ глядѣлъ въ косятчатое окошко, другой игралъ кистью своего узорчатаго кушака; оба искали словъ къ разговору и не находили. Наконецъ нетерпѣливый Юрій рѣшился избавить себя и брата отъ затрудненія, уходомъ.

— Прощай, братецъ! тихо сказалъ онъ, снимая со стопки бобровую свою шапку.

— Съ Богомъ, Юрій! но почему ты не останешься здѣсь ужинать? Я поподчую тебя стерлядью, и славнымъ виномъ заморскимъ.

— Если бѣ, даже, ты угостилъ меня княжескими павлинами, я не останусь: тоска племянницы отравить рѣдкія твои яствы и дорогую мальвазію.

— Вольному воля! повторилъ раза два Симеонъ, провожая брата.

Задумавшись, сѣлъ онъ подъ божницей, блестящей золотыми окладами и вѣнцами старинныхъ иконъ, изукрашенныхъ камнями самоцвѣтными. Сватовство Романа не выходило изъ его головы: участь дочери лежала на сердцѣ; гордость боролась съ отеческою любовью. Больше всего на свѣтѣ любилъ Симеонъ ве-

ликій Новгородъ, но больше всего уважалъ богатство, и потому-то человекъ, неотличенный еще согражданами, ненадѣленный счастьемъ, съ своими заслугами и достоинствами, казался ему ничтожнымъ. Къ этому присовокупилась давняя досада за противность на Вѣчѣ, гдѣ Романъ сильно опровергалъ его мнѣнія. Симеонъ скоро увидѣлъ истину; но старые люди рѣдко ее прощаютъ юношамъ. Разсчетливость не охладила въ немъ чувствъ, но тщеславіе заставило желать для дочери жениха именитаго и богатаго: судьба Романа рѣшилась. Симеонъ не любилъ говорить дважды.

— Братъ посердится и уймется, думалъ онъ: а любовь дѣвушки — ледъ вешній: поплачетъ она, поскучаетъ . . . и другой женихъ оботретъ ея слезы бобровымъ рукавомъ шубы своей!

Блѣденъ какъ полотно выслушалъ Романъ изъ устъ Воеслава приговоръ свой. Добрый Юрій былъ ему вмѣсто отца роднаго: онъ старался смягчить отказъ словами ласковыми, льстилъ надеждой далекою; но могъ ли обольстить несчастливца! Сердце влюбленного чутко, взоры его не обманчивы: Романъ издалека прочиталъ бѣду на лицѣ благодѣтеля. Въ изступленіи нѣмаго отчаянія, вперивъ неподвижные взоры на дверь, долго сидѣлъ онъ на лавкѣ дубовой, ничего не видя и не слыша.

Горькіе вздохи вздымали грудь, занимали его дыханіе; наконецъ природа взяла верхъ: въ два ключа брызнули слезы изъ очей юноши; онъ, рыдая, упалъ на грудь великодушнаго друга.

Въ тѣ времена добрые люди не стыдились еще слезъ своихъ, не прятали сердца подъ привѣтной улыбкою: были друзьями и недругами явно. Воеславъ плакалъ вмѣстѣ съ Романомъ, и благодарная душа его какъ будто утѣшилась росой отрады.

II.

Уста раскрывъ, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая;
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.

А. Пушкинъ.

Милая Ольга не знала, не вѣдала о бывшемъ. Въ высокомъ липовомъ своемъ теремѣ, въ кругу нянекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, сидѣла она за пяльцами, вышивая коверъ шелковый, и между тѣмъ какъ нѣжная рука выводила узоры, воображеніе рисовало ей блестящія картины будущаго. Она краснѣла отъ удовольствія при мысли, что на этотъ коверъ, можетъ быть, ступить она подъ вѣнецъ съ милымъ сердцу. Воспоминаніе переносило ее къ первой встрѣчѣ съ прекраснымъ юношею,

когда онъ забылъ поклониться, пораженный
ея красою, боясь свести глаза съ Ольги плъ-
нительной. Съ младенческою подробностью
припоминала она ту прелестную весну, когда
сердце ея распустилось какъ роза, подъ ды-
ханіемъ первой любви: тотъ незабвенный се-
микъ, когда впервые рука ея трепетала въ
рукъ Романа, когда нехотя убѣгала она въ
рѣзвыхъ горѣлкахъ отъ милаго незнакомца,
и какъ будто случаемъ съ нимъ встрѣчалась,
съ нимъ завивала березку, и когда Волховъ
умчалъ гадаальный вѣнокъ ея, въ глазахъ Рома-
новыхъ хотѣла прочесть будущую свою участь.
Припоминала мѣста, гдѣ видались они, и
тайныя рѣчи, и поступь, и одежду сердечна-
го друга. Иногда, опустивъ иголку, въ об-
манѣ мечты, ей казалось, какъ на яву, будто
Романъ стоитъ передъ нею въ свѣтлосинемъ
кафтанѣ своемъ, съ серебряными застѣжками,
обтянутомъ около стройнаго его стана, въ
зеленыхъ сафьянныхъ сапожкахъ съ золочены-
ми каблуками! Казалось, она видѣла, какъ
онъ кланяется съ обычною увѣтливостью, какъ
отряхаетъ русыя кудри свои, какъ заклады-
ваетъ шитыя съ бахрамою перчатки за кушакъ
Шамаханскій — и мимолетный вѣтеръ чудил-
ся ей голосомъ любезнаго. Какъ любила слу-
шать она Романовы повѣсти о дальнихъ похо-

дахъ Новогородцевъ, на поморье и на подолье; о битвахъ съ богатырями желѣзными, съ суровыми Шведами, съ дикими Половцами и Литовцами. Она заслушивалась имъ, растворивъ окно свѣтлицы надъ крыльцемъ отеческимъ, гдѣ милый воитель бесѣдовалъ за стопой кипящаго меду, сидя съ братьями Воеслагами, по субботамъ въ часъ вечера, когда кончены всѣ заботы недѣли, и тонкій паръ встаетъ съ бань при-Волховскихъ, и рѣка кипитъ пловцами. Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ благоговѣніемъ внимала она разсказу о недавнемъ нашествіи Тамерлана, о промыслѣ Всемогущаго, спасаго Москву отъ гибели, вѣрою гражданъ, заступленіемъ Дѣвы Пречистой, образомъ Владимірской Богоматери *! Съ какимъ участіемъ провожала Романа плѣнннаго въ Ельць, за войскомъ Монголовъ, гонимыхъ мечемъ невидимымъ изъ Россіи! Описаніе вѣчно-цвѣтущей Астрахани, коверчатыхъ береговъ Закубанскихъ и Кавказа, подпирающаго небо шлемомъ снѣжнымъ, опереннымъ

* Тамерланъ, или Тимуръ, съ Московскаго пути обратился на югъ Россіи, какъ пишутъ современники, въ самый тотъ день (26 авг. 1395 года) когда Москвитяне встрѣтили сію чудотворную икону, нарочно изъ Владиміра привезенную. Ист. гос. Росс. томъ 5, стр.

тучами, и грозное величіе бича вселенной — Тимура, его роскошный дворъ, его звѣроправныхъ подданныхъ съ ихъ нарядами, съ ихъ обрядами и забавами, привлекали вниманіе Ольги. Добыча цѣлаго свѣта, запечатлѣнная кровію милліоновъ людей, лежала горами въ престольномъ станѣ Тимуровомъ, говорилъ Романъ. Цари и владѣльцы всей Азіи служили хану рабами. Ковры Персидскіе, украшеніе дворцевъ Багдада, стали попонами верблюдамъ, многоцѣнные пояса дѣвъ Русскихъ обратились въ смычки собакъ; баграницы князей вѣяли чапраками на коняхъ побѣдителя. Гордые Моголы, нѣжась на войлокахъ подъ шалевыми палатками Тибета, пили вино разграбленной Грузіи, изъ священныхъ чашъ Царьграда. Сердце ея замирало, когда она внимала ужасамъ, висѣвшимъ надъ головою Романа во время плѣна и опасностямъ во время бѣгства его на родину, отъ береговъ Чернаго моря.

Неустрашимость мужчины вливаетъ въ грудь дѣвушки какое-то возвышенное къ нему уваженіе. Соучастіе дружить, сближаетъ съ страдальцемъ, и любовь, какъ тиховѣйный вѣтеръ, закрадывается въ душу. Плѣнили Ольгу повѣсти богатырскія; но что было съ нею, когда Романъ садился за звонкія гусли, и подъ говоръ струнъ запѣвалъ томную пѣсню! Его

голосъ казался тебѣ , красавица , отголоскомъ тайныхъ чувствъ твоихъ ; твоя душа сливалась и замирала съ звуками любовныхъ припѣвовъ ; ты мѣла въ какомъ-то сладостиомъ забытьѣ , и долго, долго слышались тебѣ отрадные звуки знакомаго голоса , и взоры пѣвца ласкали , проникали сердце. Неужели все то правда , что поется въ пѣсняхъ ? не разъ спрашивала Ольга у добродушной няни своей. — О конечно ! отвѣчала няня : въ сказкѣ — басня , а въ пѣснѣ — быль.

И въ слѣдъ за тѣмъ запѣвала она любимыя пѣсни Ольгины, сложенные Романомъ, и неопытная предавалась страсти злосчастной, и съ потворствомъ внимала шепоту сердца, которое отъ часу громче твердило : люблю, люблю Романа ! — Ты спознала, непреклонная красавица , грусть и сладкіе вздохи , и неясныя желанія и, въ награду безсонницы — сны, украшенные образомъ незабвеннымъ. Да и кто жъ, коль не онъ, ей суженый ? Развѣ даромъ ей явился Романъ въ зеркалѣ , развѣ даромъ приснился о Святкахъ, наканунѣ крещенья и перевелъ, какъ на яву, черезъ мостъ свадебный ? Неужели лучшій вѣщунъ — сердце, ее обмануло ! . . .

Такъ делѣяла надежды свои, невинная Ольга ; но жребій судилъ иначе . . .

Вечерѣль ясный день Рюэня *. Ольга задумчиво сидѣла подѣ густою яблонью, въ тѣнистомъ саду отеческомъ. Вдругъ затрещаль частоколь высокій, кто-то спрыгнулъ съ него; еще мигъ — и Романъ очутился передъ испуганною Ольгою.

— Не бѣги, не пугайся, не гнѣвайся, милая! говорилъ онъ, схвативъ ее за руку: выслушай твоего вѣрнаго Романа. Моя жизнь, мое счастье отъ того зависятъ.

Красавица вырывалась напрасно; рассудокъ совѣтоваль ей: бѣги! сердце шептало: останься! Что скажутъ добрые люди? повторяль разумъ. Что станется съ милымъ, когда ты скроешься? замѣчало сердце. Еще борьба страха и стыдливости не кончилась, а Ольга нехотя, сама не зная какъ, сидѣла уже съ Романомъ рука объ руку, и плѣнительнымъ голосомъ любви упрекала любезнаго льстеца въ безразсудствѣ.

— Ольга! сказалъ тогда Романъ, я принесъ вѣсть нерадостную — я сватался и мнѣ отказано! Жить безъ тебя я не могу, и когда твоя любовь не одиѣ пустя рѣчи — бѣжимъ къ доброму князю Владиміру: у него найдемъ пріютъ, а въ сердцахъ своихъ счастье. Рѣшайся!

* Рюэнь — сентябрь.

Поражена, изумлена вѣстью и предложениемъ Романа, безмолвна сидѣла Ольга. Все кончилось! всѣ мечты — любимыя подруги сердца, погибли. Исчезла радость навѣкъ, будто павшая звѣзда, и такъ безнадежно, такъ неожиданно! Долго бушевали страсти въ груди ея; долго тускнѣло зеркало разума подъ дыханіемъ отчаянія; наконецъ ужасающая мысль о побѣгѣ возбудила вниманіе Ольги.

— Бѣжать, мнѣ бѣжать! воскликнула она рыдая: и ты, Романъ, могъ предложить средство позорное для моего роду и племени, пагубное для меня самой! Нѣтъ, ты не любишь Ольги, когда забылъ о ея доброй славѣ, о чистотѣ ея совѣсти. Бѣжать! совершить дѣло неслыханное, бросить край родимый, обезславить на вѣкъ родителей, прогнѣвать Бога и святую Софію! Нѣтъ, Романъ, нѣтъ! отрекаюсь любви, если она требуетъ преступленій, и даже тебя, тебя самаго.

Слезы прервали рѣчь ея.

Съ нахмуреннымъ челомъ, блуждая окрестъ сверкающими взорами, внималъ вспыльчивый Романъ укорамъ дѣвы.

— Женщины, женщины! произнесъ онъ съ дикою усмѣшкою: и вы хвалитесь любовью, постоянствомъ, чувствительностію! Вы, жалостливыя только до пѣсень; вы, изъ тщест-

лавія плѣняющія легковѣрныхъ! Любовь ваша одна прихоть, болтлива и летуча, какъ ласточка; но когда приходится доказать ее не словомъ, а дѣломъ, какъ вы обильны въ извиненіяхъ, какъ щедры на совѣты, на старыя басни и на упрёки! И для чего жъ было льстить мнѣ коварными взорами, рѣчами ласки и надежды? Чтобы убійственнымъ *нѣтъ* оледенить сердце любовника! Не для тебя ль, непреклонная, забывалъ я славу, и свѣтъ, и все, меня окружающее; не замѣчалъ, какъ откидывались отъ глазъ, будто непарокомъ, при встрѣчѣ мною, фаты первыхъ красавицъ; какіе взгляды стремились ко мнѣ изъ за штофныхъ занавѣсовъ богатѣйшихъ изъ моихъ сосѣдокъ? Не я ли вѣковалъ на улицѣ, чтобъ уловить небесный взоръ твой, услышать звукъ твоего голоса, шумъ легкой твоей походки! Не я ли посвятилъ тебѣ жизнь и счастье жизни? И ты разомъ все у меня похищаешь: мѣняешь мою руку на роскошь, хочешь, чтобъ золотымъ, обручальнымъ кольцомъ приковали тебя къ чугунной цѣпи немилаго супружества — немилаго, говорю я? . . . но вѣдь женская любовь — привычка; долго ль красавицъ позабыть прежнее! . . . И можетъ статься, если переживу я свое несчастье, Ольга захочетъ видѣть меня дружкой своимъ, чтобы съ саб-

лей въ рукѣ скакалъ я въ ночь около ея спальни, и охранялъ покой новобрачныхъ!

Въ пылу гнѣва, Романъ не внималъ умоляющему голосу Ольги, но изліявъ словами сердце, онъ увидѣлъ слезы ея: онъ потушили изступленіе. Ярость исчезла, какъ тающій снѣгъ на раскаленномъ желѣзѣ.

— Неблагодарный другъ! говорила красавица: и ты могъ подумать, могъ вымолвить, что я разлюбила тебя! Надѣялась ли я когда нибудь слышать упреки за справедливость? думала ли получить такую награду, когда твои вздохи волновали грудь мою, когда по цѣлымъ часамъ я внимала взорами тайному разговору ясныхъ очей твоихъ? . . . а теперь!

— Прости, прости меня, безцѣпная! — повторялъ тронутый Романъ, цѣлуя хладную ея руку . . .

Невольно склонилась дѣвица на кипящую грудь юноши; щеки обоихъ горѣли румянцемъ — и первый, сладостный поцѣлуй любви запечатлѣлъ примиреніе.

— Жить и умереть съ тобою! тихо произнесла Ольга, и всѣ жилки Романа затрепетали чувствомъ неизъяснимымъ.

Души пылкія! вамъ они понятны: вы извѣдали сіи волшебныя мгновенія, когда каждая

мысль — радость, каждое ощущение — нѣга, каждое чувство — восторгъ!

— Черезъ три дня, въ праздникъ пятилѣтія мира съ Нѣмцами, въ часъ полуночи, я буду ждать милую Ольгу подъ окошкомъ садовымъ; борзые кони умчатъ насъ отсюда, суматоха праздничная поблагопріятствуетъ побѣгу, и на берегу чуждой рѣки найдемъ мы покой и счастье, и, можетъ статья, дождемся благословенія отеческаго.

Роковое *да!* излетѣло со вздохомъ. Любвники поцѣловались еще и еще разъ. Прощальныя слезы сверкнули — Романъ удался.

III.

Они въ ручной вступили бой,
Грудь съ грудью и рука съ рукой.
Отъ воцля ихъ дубравы воютъ —
Они стопами землю роютъ.

Дмитріевъ.

Наступилъ день праздника.

Веселый звонъ колоколовъ огласилъ воздухъ,
и Новгородъ запестрѣлъ народомъ; собирают-
ся старъ и малъ: граждане въ церковь Со-
фійскую, нѣмцы къ св. Петру. Громогласно
читаютъ договорную мирную грамоту съ Ри-
жанами и Готскимъ берегомъ: молебствіе отхо-
дитъ, и всѣ спѣшаютъ отъ обѣдни къ обѣду на
городище. Сановники за столами браными
ждутъ гостей, гости ожидаютъ другъ друга.
И вотъ уже посадникъ привѣтствуетъ купцевъ
Ревельскихъ, Любскихъ, Армянскихъ, союзни-

ковъ Литовцевъ, земляковъ Россіянъ. Владыка благословляетъ яствы, гремитъ труба и всѣ садятся: богачъ подлѣ бѣднаго, знатный съ простолюдиномъ, иновѣрецъ рядомъ съ православными. Все смѣшано, всѣ дышатъ братствомъ и дружествомъ: благодатное небо раскинуто одинаково надъ всѣми. Казалось, тогда обновился пиръ Изяслава, князя любезнаго народу, угощавшаго на этомъ же мѣстѣ любимый народъ свой.

Протекли съ того дня три вѣка; измѣнились князья Новгорода; за то Новгородцы остались тѣ же. По прежнему шумны, какъ линецъ, по прежнему гнѣвъ ихъ сердцецъ опадаетъ какъ пѣна, и незлопамятная рука Новгородца охотно покидаетъ мечъ для кубка мирового, и недруги садятся друзьями за гостепріимный столъ, за хлѣбъ-соль Русскую.

Текутъ часы, течетъ вино рѣкою, и заздравный рогъ кружится между гостями, и цвѣтныя наливки румянятъ лапы пирующихъ. Смѣхъ и шумъ возвѣщаютъ конецъ обѣда. Встаютъ — и веселыя, живыя, пѣсни раздаются по берегу.

— Милости просимъ, алдерманъ Бруно, фохтъ фонъ Роденштейнъ, и всѣ господа рыцари Нѣмецкіе, и всѣ ясные паны Литвы! говорилъ ласковый Юрій Воеславъ пріѣзжимъ. Милости просимъ послушать пѣсенокъ Русскихъ; пѣвецъ

Романъ вѣрно не откажется потѣшить дорогихъ гостей нашихъ.

Любопытные стѣснились въ кружокъ. Романъ настроилъ гусли, робко окинулъ взоромъ собраніе, и запѣлъ о любви дочери Ярославой Елисаветы къ смѣлому Гаральду, витязю Скандинавіи, изгнаннику, великодушно принятому при дворѣ Новгородскомъ. Князь, говорилъ ему мудрый Ярославъ: ты милъ моей дочери, этого довольно — мѣняйтесь сердца-ми и кольцами, но знай, что одними пѣснями не купишь руки Елисаветиной, покуда слава не будетъ твоею свахою. Иди и заслужи меня! произнесла полумертвая княжна, и Гаральдъ полетѣлъ въ Грецію, сражался годы за св. крестъ, побѣждалъ потому, что любилъ, и презрѣвъ страсть императрицы Зои, съ вѣрною дружиною Варяговъ, между тысячами опасностей, возвратился къ Новгороду, и корысти, и славу и почести повергъ къ ногамъ вѣрной Елисаветы.

Вдругъ затихли живыя струны, и свѣтлая дума минувшаго налетѣла на кругстоящихъ. Романъ, зарумянясь будто красная дѣвушка, внималъ похваламъ и плескамъ всеобщимъ. Какъ подстрѣленный орелъ рвется въ путяхъ, завидя добычу, такъ билось въ груди юноши сердце; когда въ княжемъ саду увидѣлъ онъ

Ольгу, когда замѣтилъ на лицѣ ея улыбку одобренія; онъ былъ счастливъ!

— Къ играмъ, къ играмъ! прокликнулъ бирючь, скача на татарскомъ конѣ по набережной, звуча по временамъ въ трубу серебряную.

Расхлынули волны народа, и просторный кругъ образовался для борьбы и для ристанія. Нѣмцы были первыми гостями на праздникъ: они первые вѣхали за веревку. Взоры всѣхъ стремятся на оружіе всадниковъ: одинъ изъ нихъ въ свѣтломъ серебряномъ панцирѣ, въ такихъ же поручахъ и поножахъ, въ стальныхъ перчаткахъ, закрытъ отъ золотой шпоры до золотого наплечника, разцвѣтшаго, будто махровый макъ, строусовыми перьями. Забрало опущено, черный крестъ украшаетъ лѣвую грудь; чешуйчатый приборъ гремитъ на сѣромъ конѣ рыцаря. Стальной клѣтчатый намордникъ, прикрѣпленный къ вѣтвистому мундштуку, охраняетъ конскую голову. Молодой витязь рыщетъ по поприщу, поднимаетъ рѣшетку шлема, увидя красавицъ, выглядывающихъ сквозь вѣтви окружныхъ садовъ, вьетъ пыль, и окровавленной шпорою вперяетъ свой жаръ въ хладнокровнаго бѣгуна Фряжскаго. Другой тихо развѣзжаетъ кругомъ. Его броня чернѣе ночи, тяжело вооруженіе и мечъ огроменъ. Голова Мавра видна въ золотомъ полѣ

щита *; кудри бѣлоснѣжныхъ перьевъ играютъ съ вѣтромъ. Безстрастные глаза рыцаря едва блистаютъ сквозь крестовидныя скважины глухаго его забрала. Но вотъ разскакались противники, летятъ на встрѣчу, сердца зрителей бьются по скоку коней, ударъ! и копья въ осколкахъ, и кони, сгрянувшись, поверглись на земь: рыцари, запутанные, задавленные латами, лежатъ подъ своими бѣгунами недвижны и невредимы.

— Прекрасны ваши брони, говорили, поднимая ихъ, Новогородцы: но для насъ не сручны: Русскій не согласится сидѣть будто въ засадѣ въ такомъ панцырѣ, и какъ въ тюрьмѣ, дышать Божьимъ воздухомъ сквозь рѣшетку!

Литовскіе пятигорцы ** на рѣзвыхъ коняхъ взнеслись на площадь. Ихъ было трое: легкія кольчуги облекаютъ станъ до колѣна, медвѣжьи шкуры вѣютъ на лѣвыхъ плечахъ, орлиныя крылья шумятъ за спиною. Бобровыя прилбицы *** надвинуты на брови; кривыя саб-

* Военно-торговое общество братьевъ *Шварценейптеровъ*, существовавшее въ Ревелѣ и Ригѣ, въ гербъ своемъ имѣло голову с. Маврикія, который былъ Мавръ по роду, и воинъ по званію

** *Пятигорцы*, родъ легкой кавалеріи на образецъ Венгерскихъ *Пятигорцевъ*.

*** *Прилбица* — шлемъ, а иногда наличникъ (*visière*.)

ли ихъ брянчать; мелкають копья, увѣшанные полосатыми значками; высоки сафьянныя сѣдла ихъ, убитыя золотомъ, увѣшанные королевскими кисточками, и ремешными плетнями; лядунки съ снарядамъ огнестрѣльнымъ висятъ на правомъ боку; фитили курятся въ жестяныхъ трубкахъ. Они гарцуютъ и съ воплемъ скачутъ по полю, крутятъ дротиками, мечутъ и ловятъ ихъ на полетъ, или, покинувъ поводъ, на шею послушныхъ бѣгуновъ, берутся за едва видѣнные дотолъ самопалы*, и какъ перуномъ разятъ перелетныхъ ласточекъ, и дивятъ народъ своимъ проворствомъ.

— Удалы наѣздники! говорятъ про нихъ межъ собою Новогородцы: а не разъ случилось намъ щипать этихъ орловъ Задвинскихъ.

Пращи свистятъ; Русскія стрѣлы рѣшютъ цѣль; юноши опереживаютъ вѣтръ, бѣгая въ запуски; всадники скачутъ, сопровождаемые восклицаніями, ожидаемые наградою у мѣты. Борьба, любимая забава племенъ Славянскихъ, привлекаетъ удалцевъ; кулачный бой рѣшитъ побѣду. Ужъ строятся стороны: особо Софійская, особо Торговая; уже громко вызываютъ поединщики другъ друга; двое пер-

* Самопалы — щипали или ружья.

выхъ бойцевъ выходятъ на средину, сбрасываютъ съ себя кушаки, цвѣтные кафтаны, и съ правыхъ рукъ рукавицы, обнажаютъ ихъ до локтя. Айфаль бѣется со стороны Торговой, Буслай отъ Зарѣчья. Первый ретивъ, быстръ, грозить взорами и словами, другой насмѣшливо молчаливъ и неподвиженъ. Въ двухъ шагахъ другъ отъ друга колеблются они, склонясь напередъ всѣмъ тѣломъ, закрыты какъ щитомъ лѣвыми руками, стерегутъ удачнаго мгновенья, чтобы поразить правою — вотъ ударъ, и великанъ Айфаль сгорѣлъ отъ руки Буславича; но вотъ и обѣ стѣны сошлись, схватились; смѣшались; воздухъ стонетъ отъ кликовъ; удары дождятъ — какъ вдругъ раздался глухой звонъ вѣчеваго колокола: изумленные борцы остановились, и еще стиснувъ въ рукахъ противника, прислушивались къ вѣстовому звуку. Удары повторялись за ударами, и съ каждымъ разомъ росло смятеніе. Новогородцы забыли и бой, и веселье, когда общее дѣло зоветъ ихъ на вѣче. Народъ потекъ на Дворъ Ярослава; у cadaго въ глазахъ было написано недоумѣніе, на всѣхъ устахъ леталъ вопросъ: что значитъ эта неожиданность, и что она сулитъ намъ?

— Граждане! сказалъ посадникъ Тимошей собравшемуся народу: послы князей, Василія

Димитріевича и Витовта, сына Кестутіева, привезли грамоты о дѣлахъ важныхъ, и неотлагаемо хотятъ вручить ихъ Новгородскому Вѣчу. Когда и какъ дозволите вы явиться имъ передъ собою?

— Теперь, сей часъ! — воскликнули тысячи. — Допускаемъ ихъ поклониться святой Софіи, и по старинѣ справить свое посольство.

Послы явились. Московскій бояринъ Константинъ Путный взошелъ на крыльцо съ обнаженною головою, поклонился народу и читалъ:

«Василій Димитріевичъ, великій князь Московскій, Суздальскій, Нижегородскій и всея Руси, шлетъ поклонъ своимъ вѣрнымъ людямъ Новгородцамъ! . . . Вложивъ мечъ въ ножны, послѣ кары строитивыхъ городовъ вашихъ, я три года жду покорности новгородской митрополиту Москвы — жду и не дождусь. Уже ли вѣчно раздумье ваше? Знайте жъ, что мое терпѣніе не вѣчно. Это старое: желаю инаго. Нѣмцы усиливаются и богатѣютъ въ ущербъ православнымъ: обрываютъ сосѣднія, союзныя области, и изъ вашего желѣза куютъ стрѣлы на Русскихъ. Призванный на княженіе по роду, я и по

сердцу блюду моихъ подданныхъ, и обязанъ предупредить васъ отъ зла, тѣмъ вреднѣйшаго, чѣмъ болѣе оно похоже на пользу. Съ тестемъ Витовтомъ мы ссудили войну Ордену Меченосцевъ : требуемъ того же отъ Новгорода.»

Еще не смолкъ гулъ изумленія, когда Литовецъ Ямонтъ гордою поступью вышелъ на середину, и громко вѣщалъ:

— Новогородцы! васъ привѣтствуетъ Витовтъ, князь Чернигова, князь Бѣлой и Червонной Руси, земли витязей и всей Литвы. Я съ вами въ мирѣ, а вы съ врагами моими, рыцарями, въ дружбѣ и совѣтѣ. Принимаете и жалуете моихъ бѣглыхъ мятежниковъ*. Такъ ли поступаютъ союзники? Такъ ли платятъ за ласку новаго брата по вѣрѣ, у котораго съ вами одни друзья, одни враги. Новогородцы! хочу знать рѣшительно, меня или магистра предпочитаете? Если его, то вспомните, что Витовтъ не за горами, и болота не щитъ Новугороду. Ваши лѣса склонятся мостомъ

* Здѣсь Витовтъ говоритъ о Василіи Іоанновичѣ, Князѣ Смоленскомъ (который, видя свое владѣніе измѣною захваченное, Смоленскъ сожженный и разграбленный, бѣжалъ отъ братоубійцы Витовта въ Новгородъ) и Литовскомъ князѣ Патрикіи, сынѣ Нариманта, которому Новогородцы дали въ управленіе Припечевскія области.

для моихъ безстрашныхъ; я пушу огонь и мечъ по вашей волости, и подковами вытопчу нивы. Мой зять, а вашъ государь сѣдлаетъ коня за одно со мною. Выбирайте: жду отвѣта!

Невнятное жужжанье пегодованія пронеслось въ толпѣ народной. Одинъ изъ старшихъ посадниковъ* проводилъ пословъ до посольскаго дома. Граждане, по обычаю, остались судить о слышанномъ. Епископъ, послѣ краткой молитвы, благословилъ всѣхъ на правое совѣщанье о святомъ дѣлѣ родины. Всѣ сановники удалились, ибо старинный законъ запрещалъ имъ присутствовать на вѣчахъ, дабы уничтожить вліяніе власти. Какъ море шумѣло собраніе: разногласіе волновало умы; наконецъ огнищанинъ Іоаннъ Завережскій, мужъ правдивый, но миролюбивый, возшелъ

* Дѣйствительный посадникъ назывался *степеннымъ*, прежніе посадники *старшими*. Каждый *конецъ* или часть города, имѣлъ своего *старосту*, дѣлился на военные и торговые *сотни*. Первѣйшіе *мѣстичи* или граждане назывались *огнищанами* и *житыми людьми*. Въ боярское достоинство, равно какъ и во всѣ должности, избиралъ народъ *міромъ*, т. е. обществомъ; но оно не было наследственнымъ. Простой или черный народъ пользовался одинакими правами съ прочими сословіями. *Купцы* или гости имѣли свою особую расправу — въ *Думѣ*.

на ступени, и громко спросилъ позволенія вымолвить слово; ему позволили, и вотъ что говорилъ онъ:

— Народъ и граждане, вольные люди Новгородцы! Вы слышали предложеніе князей; вы чувствуете неправоту онаго, и обидность угрозъ, и высокомеріе княжее; но вы знаете мѣру силъ своихъ, и теперь благоразуміе должно начертать отвѣтъ нашъ. Дѣло состоитъ въ разрывѣ съ Лифляндцами, или въ войнѣ съ могучими князьями, и мое мнѣніе: избрать меньшее, первое зло изъ двухъ необходимыхъ. Правда, отъ Ганзы получаемъ мы всѣ прихотные товары, но жизненные потребности въ рукахъ Василія: онъ можетъ пересѣчь намъ и путь къ каменному поясу, а безъ соболей что будетъ съ нашей заморскою торговлею? Это еще не все: Нѣмцы пріятели намъ только въ Гостиномъ дворѣ, и злодѣи въ полѣ; набѣги ихъ на границы наши отъ Невы и Великой тому порукою: за нихъ ли, чужеземцевъ, прольемъ кровь братьевъ, наведемъ бѣды на отечество? И безъ того еще не встали изъ пепла села и монастыри и запольскіе* посады Новагорода, недавно принесенные въ жертву, великодушно, но безпо-

* Запольскіе — загородные.

лезно. Прошлый разъ Василій вооружилъ двадцать городовъ: теперь одинъ Витовтъ приведетъ болѣе, и тяжкая сила задавить волю. Не лучше ли жъ до поры до времени уступить нѣкоторыя выгоды, чѣмъ вдругъ потерять все?

— Правда, правда! — закричали многіе. — Куда намъ вѣдаться съ двумя сильными врагами?

Тогда, кипя досадою и гордымъ мужесвомъ, Романъ просилъ слова. — Говори! зашумѣли всѣ. Романъ говорилъ:

— Вольные мѣстичи вольнаго Новагорода! Не дивно было, когда послы князей винили и стращали насъ по своему: дивлюсь, какъ Новгородецъ могъ предложить мѣры, столь противныя пользамъ соотечественниковъ! Мы поклялись управляться въ дѣлахъ Церкви своимъ епископомъ; мы цѣловали крестъ на миръ съ рыцарями — уже ль будемъ играть душею, чтобъ угодить Витовту? Уже ли Новгородская совѣсть отдана въ приданое за его дочью? Недовольный клятвопреступствомъ, онъ хочетъ и насъ сдѣлать предателями, требуя, чтобъ мы выдали Василія и Патрикія на участь Скиригайла и Нариманта, имъ изведенныхъ; но можемъ ли, захотимъ ли нарушить искони славное гостепріимство наше! Измѣ-

нимъ ли заповѣди Евангельской: повелѣвающей прощать и благотворить врагамъ? Витовтъ, забрызганный кровью нашихъ одноземцевъ, хвалится, что разилъ враговъ Новгорода, пируетъ съ зятемъ въ Смоленскѣ, и вооружаетъ его на Нѣмцевъ. Василій жалуется на нихъ, чтобъ обвинить насъ, но отъ кого будетъ самъ получать парчи, бархаты, сукна, оружіе? Черезъ какія ворота потекутъ въ Русь искусства, рукодѣлія и всѣ новыя изобрѣтенія странъ далекихъ? Черезъ кого мы сами богаты и сильны? Разорвется узелъ торговли, и обѣднѣвшій Новгородъ — вѣрная добыча первому пришельцу. Вспомните, граждане, старинную пословицу: пустой мѣхъ стоять не можетъ!

Громкіе знаки одобренія заглушили рѣчь Романа. Когда утихло, онъ продолжалъ:

— Говорятъ, что ключъ отъ Новгородской житницы въ рукахъ Василія; но развѣ нѣтъ хлѣба за моремъ? Дорогою же къ золотому Сибирскому дну завладѣть не легко: въ Двинской области у насъ есть войско, которое отстоитъ города, промышленные копьемъ въ полѣ, а не поклонами въ ордѣ; здѣсь, найдутся люди, чтобъ ихъ выручить. Враги наши ужасны, за то въ нихъ нѣтъ единодушія: Витовтъ, роскошный на обѣты и угрозы, любитъ

грѣться у чужаго пожара, и теперь, собираясь громить Монголовъ, не завяжется въ битву съ сосѣдами. Василій могущъ, опасенъ — тѣмъ сильнѣе должны ополчиться мы сами. Вамъ предлагаютъ купить миръ временною уступкою правъ своихъ, и вѣчнымъ стыдомъ родины. Граждане! развѣ не испытали вы, что уступки становятся чужимъ правомъ? развѣ серебрянымъ лезвіемъ отразили предки булатъ Андрея Боголюбскаго? Нашъ колоколъ не дастъ спать въ Кремлѣ Василю: заснемъ ли мы подъ грозою? Или забыли замученныхъ Торжецкихъ братій своихъ*, или нѣтъ въ Новѣгородѣ сердецъ Новгородскихъ, или не стало мечей, или мы разучились владѣть ими? Пускай же возстаютъ тьмы Русскихъ на своего прадѣда, на великій Новгородъ: за насъ наша мать, святая Софія!

Скоро окончилось вѣче, и каждый понесъ домой страхъ или надежду въ сердце.

* Первая торговая и смертная казнь была при Дмитріѣ Донскомъ. Василій усугубилъ ее. Пльнныхъ гражданъ Торжка, числомъ 70 человекъ, терзали на площади Московской. «Они исходили кровію въ мукахъ; имъ медленно отсѣкали руки и ноги и твердили, что такъ гибнуть враги государя Московскаго.» Ист. гое. Росс. Карамзина, томъ 5, стр. 135.

IV.

Ахъ ты, душечка, красна дѣвица,
 Не сиди въ ночь до бѣла свѣта,
 Ты не жги свѣчи воску яраго,
 Ты не жди къ себѣ друга милаго!

Народная пѣсня.

Стихъ, стемнѣлъ шумный Новгородъ; гасли
 огни въ окнахъ гражданъ и чужеземцевъ: сонъ
 смежилъ очи заботы. Покойно все на бере-
 гахъ Волхова: только ты не спишь и не дре-
 млешь, прелестная Ольга! и сильно бьется
 сердце дѣвическое, высоко воздымается грудь
 твоя; ожиданіе, страхъ и раскаяніе тебя тер-
 заютъ. Любимая няня уже распустила ей ру-
 сую косу, сняла съ нея праздничныя ферези,
 прочитала молитву вечернюю, спрыснула ми-
 лую барышню Крещенскою водою, осѣпила
 крестомъ постелю, нашептала надъ изголо-

вьемъ , и съ наговорами благотворными ступила правою ногою за порогъ спальни. Добрая старушка ! для чего нѣтъ у тебя отговоровъ отъ любви-чародѣйки ! Ты бы вылечила ими свою барышню , отъ кручины , отъ горести , отъ истомы сердечной. Или зачѣмъ сердце твое утратило память юности ? Ты бы увидѣла страсть милой Ольги , заглушила бъ ее еще въ цвѣту — совѣтами и разсѣяніемъ. Но ты сама раздувала пламень , сама напѣвала ей пѣсни Романовы , хвалила его нравъ и статью. Бѣда юношѣ , когда вѣтреная красавица только думаетъ , что его любить ; горе дѣвущкѣ , если она любить неложно ! Въ шумъ боевой , походной жизни , съ чужеземными красавицами , забываетъ молодецъ прежнюю милую , но въ тиши дѣвичьяго терема гнѣздятся томительныя страсти , и любовь глубоко вливается въ невинную душу. Ахъ , зачѣмъ , добрая няня , ты не вѣдаешь отговоровъ отъ любви-чародѣйки ? Зачѣмъ старостью отуманились твои очи !

Но вотъ Ольга сбрасываетъ съ себя жаркое одѣяло , и робкою , бѣлоснѣжною рукою осторожно отдергиваетъ камчатныя завѣсы полога — прислушивается ; дыханіе замираетъ въ груди , блескъ лампады передъ иконою обличаетъ волненіе бѣглянки. Трещеца , надѣваетъ она

соболью шубку, и наконецъ — рѣшается встать съ постели; долго ищетъ ножкою по холодному полу туфель сафьянныхъ — каждый скрипъ половицы бросаетъ ее въ холодъ. Красавица отворила окно. Все было мертвенно, тихо въ окрестности, и мѣсяцъ плылъ въ зыбкихъ осеннихъ туманахъ. Изрѣдка слышался крикъ перепелки въ нивахъ сосѣднихъ; изрѣдка бряканье цѣпей на собакахъ, стерегущихъ Нѣмецкій гостиный дворъ, раздавалось по Михайловской улицѣ. Нигдѣ ни души. Нѣтъ условнаго знака, страшнаго и желаннаго вмѣстѣ. Склонясь на руку, уныло смотрѣла Ольга на сверкающій вдали Волховъ, и тоска по роднѣ сдавила ее сердце. Прости, въ послѣдній разъ, все что семнадцать лѣтъ меня радовало! Простите, добрые милые родители! Ольга залилась горячими слезами, и невольно упала на колѣна передъ Спасовымъ образомъ, и въ теплой молитвѣ излила свою душу. Страсти улеглись въ ней постепенно, и постепенно ярчей слышался голосъ раскаянія. «Гдѣ найдешь ты покой, дочь ослушная, безъ благословенія родителей, тобою убитыхъ? Проклятiе отца отяготѣетъ надъ тобою; грызенiе совѣсти и общее презрѣнiе будутъ преслѣдовать тебя въ жизни, и заградятъ грѣшницѣ небо; ты исташь слезами, изсохнешь въ объятiяхъ мужа.

Чуждый песокъ засыплеть глаза твои. Твое имя надолго будетъ укоромъ!» Тронутая Ольга молилась съ новымъ благоговѣніемъ, и благодать низлетѣла на ея сердце свѣтлою мыслію. — Нѣтъ! не огорчу, не обезславлю побѣгомъ родителей! сказала она съ благородною твердостію. Романъ ослѣпленъ любовью, но онъ меня послушаетъ — я упрошу или оплачу любезнаго. Пусть буду несчастна, за то невинна! Побѣда надъ собою пролила небесную отраду въ утомленные чувства красавицы, и ангелъ сна осѣнилъ ее крыломъ своимъ.

Покойся, душа непорочная! Ты не одну еще ночь встрѣтишь тоскою безсонницы, не одно изголовье смочишь слезами, которыхъ не осушить ни солнце, какъ росу, ни поцѣлуй сострадательной матери, ни самое время, и долго тебѣ ронять ихъ на вѣтеръ, долго ждать друга милаго!

V.

Подъ звѣзднымъ небомъ теремъ мой,
И первый другъ мнѣ — мракъ ночной,
И мой второй товарищъ ратный
Неумолимый ножъ булатный;
Товарищъ третій — вѣрный конь
Со мною въ воду и въ огонь;
Мои гонцы неподкупные
Летуньи — стрѣлы каленныя.

Старинная пѣсня.

Подъ мракомъ ночи, невидимкой миновалъ
Романъ Софійскія ворота Новагорода, и на
ворономъ конѣ поскакалъ по дорогѣ Мо-
сковской. Быстро, не озираясь, неся онъ,
будто Русалка гналась по пятамъ, будто
хотѣлъ умчаться отъ измѣннической стрѣлы.
Паль холодной туманъ на поляны; тяжкая
грусть налегла на сердце. Вѣтеръ взвѣвалъ
кудри Романа; широкія полы опашня трепе-
тали на сѣдлѣ Татарскомъ, и кривая сабля

гремѣла, ударяясь о стремяна. Протяжный звонъ службы всенощной раздался съ сѣдой колокольни монастыря Хутынского, и пробудилъ Романа отъ забытья. Взглянувъ на узорчатые главы онаго, блистающія во тьмѣ крестами золотыми, онъ вспомнилъ, что выѣзжая въ дорогу, не осѣнилъ себя крестомъ, и торопливо осадилъ опѣненнаго коня, снялъ шапку и набожно прочелъ: «Богородице дѣво, радуйся,» и трижды склонялся къ луку поклонами молитвенными.

— Мучительно оставить милую, мыслилъ Романъ, когда брачный вѣнецъ ожидалъ насъ. Тяжко покинуть ее въ жертву сомнѣній и незаслуженной тоски; по видно Богъ не хотѣлъ союза тайнаго, неблагословеннаго; да будетъ воля Его святая!

Съ думою на угрюмомъ челѣ пустился онъ далѣе. Совѣсть упрекаетъ насъ сильнѣе, когда рѣшимость на худое дѣло напрасна, ибо досада неудачи ее подстрекаетъ; то же самое было съ Романомъ.

Долго ѣхалъ молодецъ по дорогѣ разлучницъ; кручина, какъ ястребъ, рвала его сердце. Мѣсяцъ свѣтилъ, сквозь радужную фату облаковъ, на пустую тропу и на сонныя дубравы. Кругомъ не шелохнется листокъ, не встрепетается птичка; только звонкій отголосокъ вто-

рить мѣрному топоту коня, или хрустятъ порой гнилыя мостницы подъ его ногами. Настала полночь, часъ привидѣній, но навожде-
ніе ада безсильно противъ невинности — ужа-
сней ему, какъ пѣснь пѣтуха, по преданію. Чего жъ намъ страшиться за нашего витязя, когда теплая вѣра ему покровомъ!

Частой рысью спускался Романъ съ крута-
го берега Вишеры на утлый мостъ, черезъ нее брошенный — громкій свистъ пробудилъ его изъ глубокой задумчивости — другой свистокъ отозвался въ глуши лѣса. Конь вздрогнулъ, и поднималъ голову, по тѣлу всадника про-
бѣжалъ морозъ. Узкій бревенчатый мостъ, опирающійся на шаткія козлы, лежалъ передъ нимъ, сзади крутъ берега, кругомъ съ-
дой боръ. Шатромъ перекачнувшіеся ели за-
слоняли мѣсяць, потокъ невидимый журчалъ внизу между камешками. Разсуждать было бы напрасно: Романъ выправилъ рукоять сабли, и, озираясь, проѣхалъ до половины моста. Чуткій конь пряталъ ушами, храпѣлъ, робко ступалъ — но все было тихо: Романъ думалъ, что ему почудилось.

— Стой, или убью! — загремѣлъ невѣдомый голосъ и пять удалцевъ, выскочивъ изъ за-
обрушенныхъ пней, изъ подъ моста, заступи-
ли ему дорогу.

— Прочь, бездѣльники! вскричалъ безстрашный Романъ, и дерзкій, схватившій подъ устцы его лошадь, покатился отъ сабельнаго удара.

— Рѣжьте его! воскликнули разбойники, и кистени засвистали вкругъ витязя. Бодро отмахивался онъ отъ наступающихъ; пробиться и ускакать была его единственная надежда; но Богъ судилъ иначе. Блестящій ножъ испугалъ бѣгуна Романова: онъ съ маху рванулся въ бокъ, скользнулъ и полетѣлъ съ мосту, и тамъ, на днѣ ручья, всей тяжестію тѣла придавилъ разбитаго, безчувственнаго всадника . . .

Свѣтало.

Вкругъ умирающаго огонька спали нераздѣтые разбойники; на ихъ браныхъ мѣдью поясахъ сверкали длинные ножи. Самострѣлы, колчаны, кистени висѣли кругомъ на вѣтвяхъ; три коня подъ сѣдлами ѣли пшено вмѣстѣ съ Романовымъ. У перемѣтныхъ сумъ, полныхъ добычею, дремалъ сторожевой, съ свисткомъ въ рукѣ; атаманъ, съ завязанною головою, лежалъ на волчьей кожѣ, и читалъ какую-то грамоту: вотъ какое зрѣлище представилось изумленному Роману, когда онъ опаматовался.

— Гдѣ я? спрашивалъ онъ у самого себя. Какъ давно забытый, зловѣщій сонъ, мелька-

ло въ его памяти прошлое. Онъ смутно припоминалъ объ условленномъ побѣгѣ, о вѣчѣ, о любви, принесенной въ жертву отечеству, о винѣ пути своего; наконецъ со страхомъ схватился за грудь . . . на ней уже не было защитительной сумки, ни данныхъ ему наказовъ, ни золота, ему ввѣреннаго. Обморокъ снова охватилъ чувства Романа, испуганнаго сею важною потерей. Атаманъ разбиралъ по складамъ письмо, сорванное съ Романовой груди, и гласно повторялъ каждую рѣчь. Послушаемъ, что въ немъ написано.

« Наказъ тысяцкаго и посадниковъ Новгородскихъ боярскому сыну Роману Ясенскому ! Добрые люди знаютъ тебя за твою правду : мы увѣрены въ твоей вѣрности : мы поручаемъ тебѣ дѣло тайное. Правда, ты молодъ, но умъ не ждетъ бороды, и намъ не стараго, а бывалаго надо. Внимай : великій князь грозитъ на насъ войною. Не боимся ея, но не хотимъ лить крови христіанской, если можно того избѣгнуть ; къ этому одинъ путь — золото. Бояре Московскіе сдружились теперь съ баскаками, любятъ стольничать добромъ народа. Собираютъ Татарской рукою двойныя подати, продаютъ правду. Обманываютъ князей и простолюдиновъ. И такъ спѣши въ Москву; никѣмъ незнаемый, ты можешь

выдать себя за иногородца, и тайкомъ склонять на нашу сторону княжихъ сановниковъ. Не жалѣй ни казны, ни краснаго слова; представь имъ несправедливость требованій, невѣрность счастія въ битвѣ, силу Новагорода и упорство Новогородцевъ. Корысть и нелюбовь бояръ къ трудностямъ похода будутъ стоять за одно съ тобою. Князь молодъ и, можетъ, ими отговоренный, онъ отмѣнитъ гнѣвъ на милость. — Однако не полагайся на обѣты, на ласки придворныхъ — съ ними дружись, а за саблю держись. Замѣчай самъ за всѣми, повѣрай все собою. Спи и гляди, и чтобъ первая боевая труба слышна была на Ильменѣ, чтобъ не палъ на насъ князь, будто снѣгъ на голову. — Крѣпко держи нашъ совѣтъ на умѣ, тайною запечатлѣй осторожность исполненія, а въ остальномъ указъ своя голова. — Когда приложишь сердце къ дѣлу правому, святая Софія тебѣ поможетъ, и государь великій Новгородъ тебя не забудетъ. Съ Богомъ!»

Атаманъ, прочитавъ грамоту, заботливо бросился къ лежащему безъ чувствъ Роману. Кропилъ его студеной водою, лилъ вино въ поспѣвшія губы — все напрасно: смертный сонъ оковалъ члены юноши. Напоследокъ отозвалась жизнь въ Романѣ, мгновенный румянецъ, какъ зарница, мелькнулъ на ще-

кахъ его онъ поднялъ отяжелѣвшія вѣки, и удивился, увидя себя на колѣняхъ разбойника, между тѣмъ какъ другой окуривалъ его жженнымъ опереньемъ стрѣлы.

— Здравствуй, землякъ! сказалъ радостно атаманъ, смягчая грубый свой голосъ.

Романъ привсталъ, чтобъ удостовѣриться, не сонъ ли это, и сомнительный взоръ его остановился на привѣтствующемъ — и быстрая мысль сорвала вопросъ съ полукрытыхъ устъ.

— Понимаю! возразилъ, усмѣхаясь атаманъ: тебѣ чудно, что разбойникъ, которому вчера разразилъ ты буйную голову, теперь ухаживаетъ за тобой какъ за невѣстой: не дивись этому; гонецъ Новгородскій всегда будетъ у меня гостемъ почетнымъ. Пусть ржавчина съѣстъ мою игольчатую саблю, если я вѣдалъ вчера, что ты Новгородецъ! Но говорятъ, отъ судьбы на конѣ не ускачешь, и я нехотя сталъ твоимъ грабителемъ. Ободрись однако, добрый молодецъ! ты не въ худыя руки попалъ: я не вѣкъ былъ разбойникомъ.

Съ сими словами онъ помогъ Роману встать, подвелъ его къ огню, теръ цѣлительною мазью его ушибы, и подчивалъ виномъ кипящимъ.

— Благодарю! отвѣчалъ Романъ: я еще не пью питья хмѣльнаго: оно для меня какъ ядъ.

— Ахъ, кому оно полезно! сказалъ атаманъ, вздохнувши: многихъ бы грѣховъ не лежало на моей совѣсти, — когда бы вино не мрачило разума. Буйныя страсти отъ него кипѣли гнѣвомъ, и невинная кровь лилась. Ты имѣешь право, юноша, глядѣть на меня съ ужасомъ и презрѣніемъ; но было время, въ которое и моя душа свѣтлѣла, какъ хрустальное небо, въ которое могъ бы я встрѣтить твои взоры своими не краснѣя. Меня сгубила роскошная, разгульная жизнь. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, весь Людинскій конецъ пировалъ и бражничалъ за моими столами, и прозвище хлѣбосола Беркута гремѣло на Волховѣ. Всего было разливанное море, но съ нимъ скоро утекло наслѣдство отеческое. Я привыкъ жить шумно, блистательно, весело; я не могъ снести бѣдности и правдивыхъ укоровъ; ложный стыдъ повлекъ меня съ вольницею Новгородскою на берега Волги, нечестнымъ копьемъ добывать золота*. Умолчу о злодѣйскомъ молодечествѣ моихъ товарищей! умолчу о пылающемъ Ярославѣ, о разграбленной Костромѣ, о залитомъ кровью Новѣгородѣ Нижнемъ. Рус-

* Это было въ 1385 году. Привыкнувъ грабить области рыцарей Меча, Новгородская вольница отправлялась въ ладьяхъ (ушкуяхъ) по рѣкамъ, и грабила чужихъ и своихъ.

скіе губили Русскихъ, продавали ихъ въ неволю Болгарамъ; добромъ одноземцевъ запружали Волгу и Каму. — Небесный гнѣвъ постигъ святотатцевъ: шайка наша встрѣтила гибель у стѣнъ Астраханскихъ. Князь Монголовъ, Сальчей, заманилъ ее къ себѣ, упоилъ, усыпилъ, и неосторожные заплатили головами за коварное угощенье. — Насъ двое избѣгли побоища, и я съ раскаянной совѣстію спѣшилъ на родину, гдѣ ждали меня новыя бѣды. Война съ Димитріемъ кончилась, но не усталъ въ Новгородцахъ духъ раздора. Посадникъ Іосифъ раздражилъ народъ гордостію, и три Софійскіе конца вооружились противъ концевъ Торговыхъ; грозили другъ другу, разметали мостъ Волховскій, разграбили, срыли подъ корень дома бѣжавшаго посадника, и всѣхъ его сторонниковъ. Я былъ женихъ его внучки, и буйная толпа, предводимая моимъ завистнымъ соперникомъ, сожгла мои хоромы, провозгласила меня измѣнникомъ. Я бѣжалъ. Местъ глубоко заронила въ оскорбленное сердце: какъ лютый звѣрь стерегъ я по дебрямъ и оврагамъ своего злодѣя — и онъ палъ отъ моего желѣза, но съ нимъ схоронилось мое счастіе. Его трупъ лежитъ непереступаемымъ порогомъ между людьми и мною. Ужасная клятва вяжетъ меня съ этимъ

преступниками, и съ тѣхъ поръ я напрасно хочу задушить совѣсть игомъ злодѣяній великихъ, въ крови и въ винѣ утопить чувства человека. Мнѣ всюду чудятся тѣни и вопли, и запахъ тлѣнія. Солнце въ день кроваво, и звѣзды въ ночи какъ глаза мертвеца, и кажется, листья въ лѣсу шепчуть невнятные укоризны. Мутный сонъ не освѣжаетъ очей моихъ, а палитъ ихъ! О, какъ тяжки мученія душегубца — онъ не можетъ забыть ни былаго, ни вѣчнаго будущаго!

Романъ прослезился, внимая раздирающему голосу преступника.

— Счастливецъ ты! продолжалъ Беркутъ: у тебя есть слезы на состраданіе и печаль. Небо отказало злодѣямъ и въ этомъ.

Онъ закрылъ лице руками.

Въ безмолвной думѣ пролетѣлъ часъ разсвѣта.

Встало осеннее солнце изъ-за влажнаго, цвѣтистаго лѣса.

Конь Романа кипѣлъ подъ сѣдломъ; Беркутъ прощался съ гостемъ.

— Вотъ твои письма, говорилъ онъ, и твое золото: оно невредимо. Слѣши, куда зоветъ тебя долгъ гражданина, и знай, что и въ самомъ разбойникѣ можетъ таиться душа Новгородская. Новгородцы лишили меня ечастія

въ жизни и спасенія въ небѣ, но я люблю ихъ, люблю свое отечество. Прощай, Романъ, не поминай насъ лихомъ!

Романъ поблагодарилъ атамана, и чудясь видѣнному и слышанному, выѣхалъ заглохшею тропою изъ чащи въ сопровожденіи одного изъ разбойниковъ.

VI.

Ты безъ союзниковъ

— Мой мечъ союзникъ мнѣ,

И согражданъ любовь къ отеческой странѣ.

Озеровъ.

Три дня ждали отвѣта послы княжіе; въ четвертый позвали ихъ на Ярославль дворъ. Уже вѣче было созвано: посадники, воеводы, тысяцкіе окружали крыльце. Бояре, люди житые, купцы и народъ толпились за ними; все кипѣло, шумѣло и волновалось. Послы взошли на возвышеніе, поклонились на всѣ четыре стороны — посадникъ Юрій далъ знакъ, и жужжанье умолкло.

— Послы Московскіе и Литовскіе! по своей волѣ и старинѣ мы совѣщались міромъ о предложеніяхъ государей вашихъ, и вотъ что присудило вѣче въ отвѣтъ имъ.

Посадникъ розогнулъ и громко прочелъ грамоту:

« Великому князю Висилію Дмитріевичу, благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадниковъ, отъ огнищанъ, отъ старѣйшихъ и меньшихъ бояръ, отъ людей торговыхъ и ратныхъ и всѣхъ гражданъ Новгородскихъ! Господинъ князь великій! у насъ съ тобою миръ, съ Витовтомъ миръ и съ Нѣмцами миръ.»

— Только! примолвилъ Юрій, завертывая висячія печати въ свитокъ, и отдавая оный изумленному Московитянину. Князю Витовту тотъ же самый отвѣтъ отъ нашего государя, великаго Новгорода.

Литовецъ получилъ одинаковый свитокъ, и раздалися рукоплесканія. Ямонтъ обратился къ народу:

— Новогородцы! сказалъ онъ. Именемъ и словомъ Витовтовымъ спрашиваю еще разъ: хотите ль покоя или брани?

— Хотимъ дружбы со всѣми сосѣдами! воскликнули тысячи голосовъ; но имѣя щиты для друзей, есть у насъ и мечи для недруговъ!

— Война, война! воскликнулъ разъяренный Литовецъ, удаляясь: и гибель области Новгородской!

— Пусть Витовтъ творить, что хочетъ: мы сдѣлаемъ, что должны! говорили старѣйшины.

Тогда посоль Московскій началъ слово къ предстоящимъ:

— Новогородцы! Еще есть время одуматься; еще громъ Василія не грянулъ надъ Новымъ-градомъ за строптивость, неправду и Волжскіе разбои ваши. Какъ отецъ, онъ ждетъ раскаянія сыновъ заблудшихъ; какъ государь, накажетъ ослушниковъ. Выбирайте любое: или исполненіе требованій моего государя, или гнѣвъ его и мечь Новугороду!

Упреки Путнаго раздражили народъ: ропотъ разлился въ немъ, какъ вешнія воды. Преній посадникъ Богданъ выступилъ тогда на крыльце, и, горя негодованіемъ, отвѣчалъ:

— Московитянинъ! вспомни, что ты говоришь не слугамъ князя: Новгородъ еще не отчина Василія. Напоминать старое напрасно: презрѣніе людей и мщеніе Божеское наказали расхитителей Поволжскихъ и Двинскихъ. О разрывѣ съ Нѣмцами ты слышалъ отвѣтъ вѣча, а что имъ сказано, то свято. Князь твой цѣловалъ крестъ, чтобъ держать насъ по старинѣ и по грамотъ Ярославовой: для чего жъ теперь измѣняетъ слову, требуя неправеднаго?

— Обидныя рѣчи! воскликнулъ Путный: вы сторичей за нихъ заплатите. Волховъ пе-

ресохнетъ отъ пламени пожара, и казнь Тор-
жка повторится надъ Новымъ-городомъ!

— Мы докажемъ, что не забыли ея! зашу-
мѣли всѣ: но у насъ не найдется, какъ въ
Нижнемъ, другаго предателя Румянца*. Мы
станемъ за свою правду, за свою старину, а
кто противъ Бога и Великаго Новагорода!

Московскій посолъ удалился при буйныхъ
кликахъ народа.

* *Румянецъ*, вельможа Борисовъ, присовѣтовалъ
ему впустить Василія въ Нижній, и предать своего
прежняго князя въ руки сего послѣдняго.

VII.

Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,

Вы, дикіе сыны и брани и свободы?

Возникшіе въ снѣгахъ, средѣ ужасовъ природы,

Средѣ копій, средѣ мечей?

Батюшковъ.

Между тѣмъ Романъ ѣхалъ далѣе и далѣе. Скоро остались за нимъ Торжекъ и Тверь, еще опаленные недавними пожарами. Дороги пустыли: рѣдкіе обозы тянулись по нимъ, и гордый Новгородецъ кипѣлъ въ душѣ негодованіемъ, видя какъ смиренно сворачивали они въ сторону передъ каждымъ Татаринномъ, который, спѣсиво избочась, скакалъ на грабленномъ конѣ. Между полуразрушенными деревнями, разбросанными по два, по три двора, между заглохшими пивами, возвышались невредимые монастыри и церкви: расчетливые Монголы не смѣли касаться святынь, сего послѣдняго убѣжища угнетеннаго ими народа, которому оставили они одно имущество — жизнь,

одно оружіе — терпѣніе, одну надежду — молитву. Развращеніе нравовъ, эта ржавчина золота, не перешло еще отъ бояръ къ бѣднымъ: въ дымныхъ, покрытыхъ соломой хижинахъ находилъ Романъ гостепріимный ночлегъ, и радушное: добро пожаловать! встрѣчало его у порога. Хозяева угощали проѣзжаго, чѣмъ Богъ послалъ, и на утро провожали его какъ роднаго, отъ сердца желали ему добраго пути и счастья. — Для меня нѣтъ счастья! думалъ грустный Романъ: оно поманило мнѣ надеждой, будто пѣснею райской птички, и скрылось, какъ блескъ меча во тьмѣ ночи.

На девятый день къ вечеру показались башни Кремля, золотoverхія церкви и многоглавыя соборы Московскіе: заревыя тѣни играли на великанскихъ стѣнахъ города; слитный шумъ оживлялъ картину, и отдаленный звонъ вселялъ какое-то благоговѣніе! Радостна, прекрасна была погода, но Романъ вспомнилъ о первомъ своемъ проѣздѣ черезъ Москву бѣлокаменную, когда онъ былъ такъ счастливъ неопытностью, такъ удивленъ, такъ занятъ каждою бездѣлкою! . . . а теперь, теперь! . . . Съ тяжкимъ вздохомъ проѣхалъ онъ сквозь ворота Тверскія, и желѣзная рѣшетка за нимъ за пала.

Романъ въ точности выполнилъ порученія вѣча. По долгу, но противъ сердца, казался веселымъ и привѣтливымъ, нашелъ друзей между сановниками Двора, настроилъ многихъ своею мыслию, узналъ мысли великаго князя: онѣ были не радостны Новгородцамъ. Юный Василій далеко превзошелъ отца своего въ наукѣ властвовать, хотя и не наследовалъ отъ героя Донскаго ни прямодушія, ни храбрости личной. Онъ не привыкъ быть самострѣломъ въ рукахъ вельможъ: слушалъ ихъ, и дѣлалъ по своему. — Разметная грамота была отослана къ Новгородцамъ съ объявленіемъ войны; но Романъ заранѣ предупредилъ купцевъ Новгородскихъ, въ Москвѣ бывшихъ, и ни одинъ изъ нихъ не впалъ въ руки грознаго князя: товары ихъ не были разграблены. — Новогородцы радовались, Василій негодовалъ.

Прошла зима, и нѣтъ приказа отъ вѣча: Романъ тщетно ждетъ, съ ноющимъ сердцемъ, тайнаго гонца съ родины.

Сонъ, единственный другъ несчастныхъ, вѣялъ надъ изголовьемъ Романа, измученнаго тоскою разлуки и неизвѣстностью будущаго. Лъстивыя сновидѣнія сближали его съ милою;

сладко билось сердце отъ поцѣлуя мечтательнаго — вдругъ, сквозь сонъ, слышитъ онъ скрипъ двери, брячанье оружія — чувствуетъ, кто-то схватилъ его руки; силится встать — его вяжутъ, клеплютъ ротъ, обвертываютъ глаза, влекутъ, бросаютъ въ телѣгу и скачутъ; но куда? но зачѣмъ? Онъ приходитъ въ себя, уже въ тѣсномъ, сыромъ подземельѣ. Громъ запоровъ и звукъ цѣпей удостовѣряютъ, что онъ въ темницѣ! Тогда-то отчаяніе врывается въ чувства плѣнника, и силы души цѣпенѣютъ. Все кончено. Романъ узналъ — позорная казнь ожидаетъ его.

Унылый звонъ колоколовъ возвѣстилъ уже первую недѣлю великаго поста, а позабытый Романъ все еще глотаешь ядовитый воздухъ тюремный. — Однажды вошелъ къ нему бояринъ Евстафій Сыта, недавно бывшій княжимъ намѣстникомъ въ Новѣгородѣ — и отступилъ отъ изумленія.

— Тебя ли, Романъ, вижу я! воскликнулъ онъ. Когда и какъ ты сюда попался!

Романъ разсказалъ, что его схватили какъ врага Москвы.

— Сожалѣю о твоей участи, молвилъ Сыта: но посланный великимъ княземъ творить за него по тюрьмамъ милость и милостыню, я

могу испросить тебѣ свободу передъ его исповѣдью — однако жъ не иначе какъ съ условіемъ — остаться здѣсь навсегда. Послушай, Романъ! я знаю твои достоинства, и знаю какъ мало ихъ цѣнятъ въ Новѣгородѣ. Здѣсь не то: даю мое слово, что князь осыплетъ тебя дарами и почестями; сдѣлаю больше: издавна любя тебя, отдаю за тебя свою дочь, которая хорошо знаетъ Романа, которою не разъ и Романъ любовался. Я увѣренъ, ты не отказываешь, продолжалъ онъ, протягивая руку: не правда ли, старый знакомецъ?

— Не правда! отвѣчалъ Романъ съ хладнокровіемъ: я не продамъ своей родины за всѣ блага въ мірѣ, не хочу вести переговоровъ съ врагомъ Новгорода, когда не въ рукахъ, а на рукахъ моихъ гремитъ желѣзо! Если бъ я принялъ твое предложеніе, бывши на волѣ, то я сталъ бы измѣнникомъ, но теперь сдѣлался бы презрительнымъ трусомъ! — нѣтъ, Евстафій, мнѣ видно одна невѣста — смерть, и одной милости прошу отъ князя: не морить, а уморить меня поскорѣе. —

— Ты получишь ее, упрямая голова! съ гнѣвомъ сказалъ Сыта, хлопнувъ дверью.

Съ гордою, утѣшительною мыслию: умереть за любовь и отечество, ждалъ Романъ неминуемой смерти.

VIII.

Какъ мнѣ слушать пересудовъ всѣхъ людскихъ!
Сердце любить, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любить, не спросясь меня самой.

Мерзляковъ.

Быстро текутъ слова повѣсти: не скоро дѣлается дѣло. Прошла зима, лѣто исчезло, какъ утренняя тѣнь; наступили вновь зимнія выюги, а Романа нѣтъ какъ нѣтъ съ Ольгою. Вешнее солнце растопило синій ледъ на Ильменѣ; уже рѣзвыя ласточки, рѣя по воздуху, цѣлуютъ пролетомъ поверхность Волхова; все оживаетъ, все радуется — одной Ольгѣ нѣтъ радости! И кому же свѣтелъ день сквозь слезы? кому не долги короткія ночи, когда измѣряютъ ихъ кручиною? Увядаетъ краса милой дѣвушки, будто радуга безъ дождика, и блѣдность измѣняетъ тоскѣ сердечной. Напрасно отецъ дарить ее соболями Якутскими, убира-

еть въ жемчужныя кружева, въ алмазныя серьги и запястья; напрасно молодыя подружки забавяють Ольгу играми и пѣснями: она дичится игръ юности, и петли ея терема ржавѣють мало по малу.

Съ утра до поздняго вечера она любитъ сидѣть подъ окномъ свѣтлицы, и ждать, кого не надѣется увидѣть, кого уста ея не смѣютъ называть. Часто, гордость красавицы пробуждалась при мысли, что Романъ уѣхалъ, не простясь съ нею, не сказавъ ни слова, куда, для чего. Часто ревность возмущала душу ея, и придавала возможность призракамъ подозрительнаго воображенія, но скоро любовь укрощала бурю. Нѣтъ! онъ не можетъ измѣнить, говорила съ собою невинная: потому что я любила его нѣжно и пераздѣльно. Кто не вѣритъ чистой любви, тотъ не достоинъ взаимности. Если бъ можно было скинуться птичкою, съ какимъ бы нетерпѣніемъ полетѣла я по свѣту искать милаго: когда онъ живъ, наглядѣться на него; когда жъ убить — умереть на его могилѣ.

Горько плакала тогда Ольга, склоняясь на грудь доброй матери, и рѣдко ей въ угоду, мелькала улыбка на лицѣ задумчивой, какъ блудящій огонекъ надъ кладбищемъ.

— Ольга! полно горевать, полно упрямить-

ся! не разъ говорилъ ей Симеонъ: слезами не наполнить моря; живымъ безразсудно мертвить себя для умершихъ: твой Романъ пропалъ безъ вѣсти на вѣки. Забываю все прошлое, по исполни теперь мою волю, пора-дуй отца на старости, ступай за мужъ, дитя милое, чтобы не угасла поминная свѣча по мнѣ безродномъ! Выбирай жениховъ именитыхъ много! И Симеонъ нѣжно цѣловалъ дочь свою, и рыданія Ольги были обычнымъ ему отвѣтомъ. Растроганъ и раздосадованъ, выходилъ Симеонъ изъ дѣвичьяго терема. Это пройдетъ! думалъ онъ и обманывался, какъ прежде.

Наконецъ созрѣла гроза на Новгородъ: Андрей Албердовъ, воевода Василя, ворвался въ Двинскія области, принудилъ жителей задаться за великаго князя, и осаднаго воеводу края, Новгородскаго боярина Іоанна съ братьями, сдѣлалъ измѣнниками отчизнѣ. Послышавъ о томъ, Новгородцы сзвонили вѣче.

— Князь идетъ на насъ: что дѣлать? спросили сановники.

— Предложить миръ и готовиться къ битвѣ! воскликнули всѣ единогласно.

— Посадникъ Богданъ былъ отправленъ въ Москву, и воротился безъ успѣха: Василій принялъ ихъ, но не хотѣлъ слушать.

— Да будетъ! сказали тогда оскорбленные Новгородцы: — на начинающаго Богъ!

Обнялись какъ братья и подъ благословеніемъ епископа поклялись пасть до одного. Кликнули кличъ: люди житые поскакали во всѣ пятины, вооружать, собирать, одушевлять ратниковъ, исполчить стараго и малаго. Симеонъ вызвался поднять всю пятину Деревскую, какъ самую опасную по сосѣдству съ землями Московскими.

Въ кольчатыхъ латахъ зашелъ онъ проститься къ женѣ и дочери.

— Прощай, Ольга! сказалъ Воеславъ рѣшительно: я ѣду на службу Новгорода: чему быть, того не миновать, но если Богъ судить воротиться — мы отпирруемъ твою свадьбу съ Михаиломъ Волотомъ: онъ добрый слуга вѣчу, молодъ, пригожъ и богатъ — очень богатъ! примолвилъ Симеонъ, глядя въ сторону, какъ будто боясь встрѣтиться со взоромъ дочери. Понравился миѣ — и тебѣ полюбится. Готовься!

Отчаяніе помрачило взоръ Ольги: она не видѣла, какъ священникъ окропилъ отца ея святою водою, какъ въ безмолвіи всѣ сѣли,

встали и прощались по обычаю проводовъ
Русскихъ; а не чувствовала, какъ Симеонъ
прижалъ ее къ своей груди, благословилъ и
уѣхалъ. Бѣдная дѣвушка! какая участь ждетъ
тебя?

Обида и вѣдьма — и вотъ она —
вотъ она — вѣдьма — и вотъ она —
вотъ она — вѣдьма — и вотъ она —
вотъ она — вѣдьма — и вотъ она —
вотъ она — вѣдьма — и вотъ она —
вотъ она — вѣдьма — и вотъ она —
вотъ она — вѣдьма — и вотъ она —
вотъ она — вѣдьма — и вотъ она —

Въ колѣняхъ своихъ она проситъ
себя и дѣтей.

— Прощай, Оля! — сказала Прасковья
тебѣ: а въ на службу Новаторова: я
буду твою не милою, но въ Богъ съиди
и буди — мы отпущимъ твою службу
Михаила Новоторова: онъ добрый слуга —
онъ не боится и боится — онъ не боится
и боится — онъ не боится и боится —
онъ не боится и боится — онъ не боится
и боится — онъ не боится и боится —
онъ не боится и боится — онъ не боится
и боится — онъ не боится и боится —

Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —
Оля! — сказала Прасковья —

Кръпка тюръма, но кто ей радъ?

Русская пословица.

— Привѣтствую тебя, первый гость обновленной природы, милый пѣвецъ, жаворонокъ! Какъ весело въеешься ты надъ проталиной, какъ радостно звенить твоя пѣсня въ поднебесь! Страпникъ воздушный, ты не вѣдаешь, какъ грустно певольнику глядѣть на вольную птичку, какъ мучительно за стѣной тюрьмы видѣть весну и жизнь, и каждый мигъ ожидать смерти! Слечай, жаворонокъ, на мою родину святую, и принеси оттоль вѣсточку о милой Ольгѣ: любить ли она Романа по прежнему, помнить ли друга, у котораго и передъ смертью одна мысль объ ней и объ родинѣ! Такъ жаловался Романъ на судьбу свою, завидя сквозь рѣшетку окна жаворонка.

Спустилась ночь — и кто-то стукнулъ въ косякъ отдушины.

— Спишь или нѣтъ, товарищъ? шепотомъ спросили Романа.

Романъ отозвался, и на вопросъ: кто тамъ? отвѣчали:

— Въ этотъ разъ добрые люди.

— Зачѣмъ?

— Спасти тебя отъ плахи.

— А эта цѣпь, эта рѣшетка?

— Распадутся, какъ соль, отъ нашей разрывъ-травы.

И въ то же мгновеніе, обвернувъ кушаками желѣзные полосы, чтобы онѣ не гремѣли, принялись распиливать ихъ. Черезъ полчаса Романъ былъ уже внѣ темницы. Два удалца разбили его рогатки; по веревкѣ перелѣзли они чрезъ монастырскую стѣну — на коней, и вотъ уже Москва далеко осталась за бѣглецами. Романъ не зналъ какому чуду приписать свое избавленіе, а его проводники скакали впередъ, не говоря ни слова.

Наконецъ они своротили съ большой дороги въ лѣсъ дремучій, и поѣхали тише. Черезъ полчаса свистокъ раздался и откликнулся, и Беркутъ съ тремя наѣздниками выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу: загадка Романова разгадалась.

— Здравствуй, землякъ! сказалъ атаманъ: я радъ, что удалось сослужить тебѣ службу, и вотъ какимъ образомъ: мои невидимки почувяли наживу въ монастырѣ, куда забросилъ тебя Василій. Чтобы не попасть въ западню, надо было ощупать все закоулки, и въ одномъ погребѣ, вмѣсто боченка съ золотомъ, нашли они тебя, невзначай, да кстати: говорю кстати, потому что черезъ три дня (это узналъ я отъ болтливаго приворотника) твою голову расклевали бы птицы, какъ вишню. Медлить было не когда, и ты видишь, каково уеѣли мои молодцы, изъ которыхъ каждый стоитъ самой высокой висѣлицы. Теперь, Романъ, ты воленъ, какъ рыбка: куда жъ ѣдешь? отдыхать ли въ Новгородъ, или биться къ Орлецу?

— Туда, гдѣ мечи и враги! воскликнулъ пылкій юноша: они поворотили къ области Двинской.

Оставя въ сторонѣ Дмитровъ, Бѣжецкій, Краснохолмскій, избѣгая встрѣчь съ Московскими кормовщиками и отсталыми, они безъ всякаго приключенія пробрались околицею за три часа ѣзды до Орлеца, который съ самой Христовской заутрени былъ въ рукахъ измѣнниковъ Движанъ, предводимыхъ княжимъ намѣстникомъ Оедоромъ Ростовскимъ. Тамъ

замѣтили они въ сторонѣ огонекъ. Двадцать всадниковъ отдыхали на полянѣ; къ коньямъ привязаны были кони; одни поили ихъ изъ шишаковъ, другіе лежали вокругъ огня, смѣялись и пили. Все доказывало непривычку сихъ новобранцевъ къ военному дѣлу: никто не думалъ о стражѣ; кольчуги развѣшаны были какъ будто сушиться, луки распущены, и сабли сброшены, въ одно мѣсто; самъ десятникъ вооруженъ былъ однимъ только огромнымъ ключемъ, который висѣлъ у него на латномъ поясѣ. Романъ долго не могъ понять, что за остроконечная надѣта на немъ шапка, и съ трудомъ разглядѣлъ, что онъ, вмѣсто тяжелаго шлема, надвинулъ на уши бровый колчанъ свой. Связанный человекъ лежалъ невдалекѣ. Романъ слѣзъ съ коня, прокрался тихонько и подслушивалъ ихъ разговоры: плѣнный обратилъ рѣчь къ десятнику:

— Скажи мнѣ, добрый человекъ, куда вы меня везете?

Десятникъ, который по праву старшинства, казалось, не упустилъ случая поздороваться съ круговою чаркою, оборотился къ нему, зѣвнулъ вслухъ и замолчалъ.

— Неужто вы, Москвичи, только умѣете гадать? продолжалъ плѣнный.

— Когда бы и вы, упрямые Новгородцы,

держали свои языки на привязи, ты, старый затѣйникъ, спокойно бы сидѣлъ дома и противъ воли не плясалъ бы по канату до Москвы.

— Что же тамъ со мной сдѣлаютъ?

— Что сдѣлаютъ? отправятъ на покой! сказалъ десятникъ, улыбаясь и начертивъ пальцемъ букву П на воздухѣ.

Ратники захохотали, а нашъ остроумецъ охорашивался съ самодовольнымъ видомъ.

— Беркутъ! сказалъ Романъ атаману: спасемъ Новгородца! Нѣтъ нужды, что ихъ двадцать человекъ, а насъ семеро: у страха глаза велики. Впрочемъ какъ хочешь, я и одинъ рѣшаюсь на все.

Вмѣсто отвѣта, Беркутъ поднялъ топоръ и съ крикомъ: сюда, товарищи! о бокъ Романа, налетѣлъ грозой на оплошныхъ Москвитянъ: черезъ мгновенье уже не было ни одного противника. Самые храбрѣйшіе разбѣжались; другіе остались на мѣстѣ отъ ранъ, отъ страха или хмѣлю. Распустивъ коней, переломавъ и побросавъ въ огонь ихъ оружіе, Романъ развязалъ полоненаго и узналъ въ немъ — Симеона.

— Добрый, великодушный юноша! говорилъ Воеславъ своему избавителю, съ чувствомъ сжимая его руку: я не стою тебя! но пусть

Ольга помирить насъ и заплатить долгъ отцовскій. Теперь время дорого: посадникъ Тимоей и братъ Юрій собираются ударить на приступъ, а между нами и Орлецомъ еще двадцать верстъ и только остатокъ ночи: поспѣшимъ!

Романъ, съ радости о битвѣ и пѣвѣтѣ, перещеловалъ всѣхъ разбойниковъ, едва не умирилъ коня своего скачкою, и утѣшалъ бѣдное животное разсказами, что онъ станетъ драться за Новгородъ, какъ будетъ счастливъ съ Ольгою.

На разсвѣтъ, полки Новгородскіе облегли ровъ города, остановились на перелетъ стрѣлы, и посадникъ въ послѣдній разъ послалъ сказать осажденнымъ, чтобы они сдались честью, или онъ возьметъ городъ копьемъ.

— У этого копья еще не выросло ратовье! отвѣчали съ насмѣшкою Московитяне: впрочемъ, милости просимъ: мы готовы мечемъ похристосоваться съ дорогими гостями.

— Впередъ! воскликнули воеводы, и ливнемъ прыгнули стрѣлы.

Новогодцы лѣзли и падали въ тиный ровъ, зажигали деревянныя стѣны, вонзали въ нихъ

тяжкіе стрикусы *. Въ это мгновенье приспѣли наши путники.

— Други! сказалъ Беркутъ разбойникамъ: мы долго жили чужбиной безъ чести — погибнемъ теперь за свою родину со славою. Туда!

Онъ указалъ на Московское знамя, вѣющее на крѣпости Новгородской, и ринулся полѣстницѣ на стѣну, ударомъ топора разнесъ древко знамени, и пораженъ стрѣлой, мертвый опрокинулся съ нимъ въ ровъ. Съча была ужасна; Русскіе поражали и отражали Русскихъ; побѣда колебалась, какъ вдругъ въ дыму и огнѣ, будто ангелъ разрушитель, явился Романъ на гребнѣ бойницы, и скликалъ дружину свою, по подгорѣвшая твердыня рухнула, и витязь исчезъ въ ея обломкахъ....

Затихла битва. Труба Новгородская прозвучала на отступленіе, но осажденные уже не имѣли силъ на новый отпоръ, и крѣпость сдалась побѣдителю.

* Стрикусы, пороки — стѣнобитныя орудія, родъ тарановъ (bélîer).

да; ворота заскрипѣли, и два всадника взѣхали на дворъ, слѣзли съ коней и, къ удивленію Ольги, привязали ихъ къ почетному кольцу*.

— Это батюшка, батюшка!

Весь домъ поднялся на ноги; огни забѣгали по сѣнямъ, и Ольга бросилась въ объятія отеческія.

— Тише, тише! ты задушишь меня своими поцѣлуями — не худо бы поберечь для твоего жениха!

Это привѣтствіе какъ громомъ поразило Ольгу.

— Милый батюшка! не дѣлай дочь свою несчастною, избавь отъ постылаго замужства, я въ святомъ монастырѣ окончу дни свои, и, можетъ быть, умолю Бога, что прогнѣвила родителя.

— Полно, полно, Ольга, что за черныя мысли? къ чему такое притворство? Я бьюсь объ закладъ, что не пройдетъ и получаса, и ты будешь кружиться и пѣть словно ласточка.

— Нѣтъ, никогда, ни за что!

— Эй, дочь, не рунайся за свое сердце —

* На дворъ именитаго человѣка могъ вѣзжать только ему равный или высшій — если вѣрить пѣснямъ. — Въ коновязномъ столбѣ бывали всегда три кольца: одно желѣзное, другое серебряное, третье золотое.

да вотъ кстати и женихъ: онъ поможетъ развеселить песговорчивую!

Ольга вскрикнула и закрыла лице руками, увидя входящаго юношу; но скоро любопытство преодолѣло: сквозь пальцы, украдкой взглянула она на прѣзжаго.

Предъ нею стоялъ Романъ Ясенскій.

— Обнимитесь, дѣти! сказалъ Симеонъ, сложивъ руки ихъ: благословляю васъ на бракъ, живите мирно и счастливо, и твердите своимъ дѣтямъ, что Богъ, рано или поздно, награждаетъ безкорыстную любовь!

Долго еще проповѣдывалъ Симеонъ, но влюбленные не слышали ни слова, и долго—бъ длился поцѣлуй свиданія, когда бы отецъ не прервалъ ихъ восторга и своего правоученія.

Весь городъ праздновалъ на свадьбѣ Романовой, съ тѣмъ большимъ весельемъ, что побѣды доставили Новгородцамъ выгодный миръ съ Василиемъ, на всей ихъ волю старины. Ольга съ гордостію шла подъ вѣнцемъ подлѣ Романа, и взоръ ея, брошенный на подругу, говорилъ: онъ мой! — Какъ мила невѣста! шептали мужчины. Какая прелестная чета! твердили всѣ.

Молодые жили благополучно. Симеонъ, часто любуясь на ихъ согласіе, за шахматной доскою проигрывалъ брату коней и слоновъ, и добрый Юрій говаривалъ: братъ и другъ! не правъ ли я въ выборъ? и Симеонъ, съ слезами умиленія на глазахъ, отвѣчалъ: такъ, я *былъ* виновать!

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

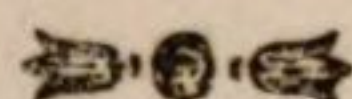
Фрискъ Надмидъ
Романъ и Ольга

Сторожа

220

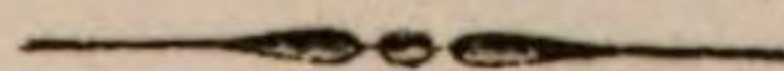
ПОЛНОЕ
О Г Л А В Л Е Н И Е

С О Б Р А Н И Е
СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
А. Моравская	
Фрегатъ Надежда	5
Романъ и Ольга	229

ЧАСТЬ VIII

ОТЪ АВЪНІЕ

СЪВЪНІЕ ПЪСМЪ

ДО

СЪВЪНІЕ

Романы и Описанія 359
Описание Немецкаго 6

—

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. Марлинскаго..

ЧАСТЬ VIII.

ПОЛНОЕ

СОБРАНИЕ СОМНЕНИЙ

А. МАРЧЕНКО

ЧАСТЬ VII

Bestužev, Aleksandr Aleksandrovič,

Polnoe sobranie sočinenij

Bd.: 7. Russkie pověsti i razskazy. - 3. izd. - 1838

Sanktpeterburg 1838

P.o.rel. 3271-7/8

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036353-2